

Глава 22

Ни на один из трех вопросов Недеяние не ответило. Не только не ответило, но и не знало, что ответить.

Ничего не добившись, Знание вернулось на южный берег реки Светлая вода, взошло на холм Конец Сомнений и, заметив Возвышающегося Безумца, задало ему те же вопросы.

— Ах! Я это знаю, сейчас тебе скажу, — ответил Возвышающийся Безумец, но тут же забыл, что хотел сказать.

Ничего не добившись, Знание вернулось во дворец предков, встретило Желтого Предка и задало ему те же вопросы.

— Не размышляй, не думай и начнешь познавать путь. Нигде не находишься, ничему не покоряешься и начнешь утверждаться в пути. Ни за кем не следуешь, ни по какой дороге не ходишь и начнешь обретать путь, — ответил Желтый Предок.

— Мы с тобой это знаем, — сказала Знание. — А оба встреченные мною прежде не знали. Кто же из них прав?

— Один, по имени Недеяние, воистину прав; другой, Возвышающийся Безумец, ему подобен, — ответил Желтый Предок. — Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся, ибо «Знающий не говорит, говорящий не знает». Поэтому «мудрый и осуществляет учение безмолвно». Пути нельзя постигнуть <в словах>, свойств нельзя добиться <речами>. Милосердием можно действовать, справедливостью можно приносить ущерб, церемониями можно друг друга обманывать. Поэтому и говорится: «После утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Цере-

Знание странствовало на Севере

монии — это украшение учения и начало смуты». Поэтому и говорится: «Тот, кто осуществляет путь, с каждым днем все больше утрачивает, утратив, снова утрачивает вплоть до того, когда достигает недеяния, недеянием же все совершает»²⁹⁶. Если ныне, уже став вещью, некто захочет вернуться к своему корню, не будет ли это ему трудно? Это легко лишь великому человеку. Ведь жизнь следует за смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека — это скопление эфира. Собрется эфир, образуется жизнь, рассеется — образуется смерть. Если смерть и жизнь следуют друг за другом, зачем же мне горевать? Для всей тьмы вещей это общее: и то, чем любят как божественным чудом, и то, что ненавидят как разложение. Разложившееся снова превращается в божественное чудо, а божественное чудо снова разлагается²⁹⁷. Поэтому и говорится: «Единый эфир пронизывает всю вселенную», поэтому мудрый и ценит единое. Знание сказало Желтому Предку:

— Я спросило у Недеяния, а Недеяние мне не ответило. Это не значило, что не ответило мне, — не знало, что мне ответить. Я спросило Возвышающегося Безумца, Возвышающийся Безумец хотел мне поведать, но не поведал. Это не значило, что не поведал мне, — хотел, но забыл, о чем собирался сказать. Ныне я спросило у тебя, и ты это знал. Почему же мы к ним не приблизимся?

— Один воистину прав благодаря своему незнанию, — сказал Желтый Предок, — другой ему подобен благодаря

Глава 22

своей забывчивости. Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся из-за своего знания.

Услышал об этом Возвышающийся Безумец и решил, что слова Желтого Предка — это и есть знание.

Небо и земля обладают великой красотой, но молчат; четыре времени года обладают ясным порядком, но его не обсуждают; вся тьма вещей обладает совершенными естественными законами, но о них не говорит. Постигнув красоту неба и земли, мудрый постигает естественные законы тьмы вещей. Поэтому настоящий человек предается недеянию, великий мудрец ничего не создает, лишь наблюдает за небом и землей. Ныне они, небо и земля, священные вплоть до мельчайшей сущности, вместе с другими вещами проходят сотни изменений. Вещи сами умирают и рождаются, сами квадратные и круглые, где их истоки — неведомо, и все же вся тьма вещей существует с далекой древности. Наибольшее — единство шести стран света — не выходит из их, неба и земли, пределов; наименьшее — осенняя пушинка, но и от нее зависит образование тела. Все в Поднебесной то погружается, то всплывает, не остается одним и тем же на всю жизнь. Жара и холод, четыре времени года, сменяя друг друга, соблюдают свой порядок.

Смутно, то ли существуя, то ли нет, скользят чудесные, не оформляясь. Вся тьма вещей выращивается, но этого не сознает. Это и называется корнем, началом, и по нему можно наблюдать за природой.

Знание странствовало на Севере

Беззубый спросил Учителя В Тростниковом Плаще, что такое путь? Учитель В Тростниковом Плаще сказал: «Если выпрямишь свое тело, сосредоточишь на одном свой взор, то к тебе придет согласие с природой. Если соберешь свои знания, сосредоточишься на одном мериле, то мудрость придет в твоё жилище; свойства станут твоей красотой, и путь с тобою поселится. Ты будешь смотреть просто, словно новорожденный теленок, и не станешь искать всему этому причины».

Не успел Учитель договорить, как Беззубый заснул. В большой радости Учитель В Тростниковом Плаще пошел от него и запел:

Телом подобен иссохшим ветвям,
Сердцем подобен угасшему пеплу.
Сущность познал до глубоких корней,
Время прошедшего сбросив навеки.
Темный, туманный, без чувств и без мыслей,
Не говори с ним, ведь он — настоящий!

Ограждающий спросил у своих помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести путь и им владеть? — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, то кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнью своей ты не владеешь, ибо она — соединение частей неба и земли. Своими качествами и жизнью ты не владеешь, ибо это —

Глава 22

случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной, как у змеи, кожи во вселенной. Поэтому ты идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и сила тепла. Как же можешь ты обрести их и ими владеть?

Конфуций обратился к Лао-цзы:

— Ныне, на досуге, дозволейте задать вопрос: в чем истинный путь?

— Строго воздерживайся и освобождай свое сердце, очисти до белизны снега свой разум, разбей свое знание. Ведь путь глубок, его трудно выразить в словах. Поведаю тебе о его очертаниях, — ответил Лао-цзы. — Светлое-светлое рождается из темного-темного; обладающий порядком <естественным законом> рождается из бесформенного. Духовное — из пути, телесное — из мельчайшего семени, а все вещи друг друга порождают с помощью телесной формы. Поэтому обладающие девятью отверстиями рождаются из чрева, обладающие восемью отверстиями — из яйца²⁹⁸. Их появление не оставляет следов, их исчезновение не имеет границ: нет ни ворот, ни жилищ, а лишь открытое со всех четырех сторон величайшее пространство. У того, кто это постиг, руки и ноги становятся крепкими, ум — пронизательным, слух — тонким, зрение — острым. Он мыслит без усилий, откликается всем вещам без ограничений. Небо не может не быть высоким, земля не может не быть широкой, солнце и луна не могут не двигаться, вся тьма вещей не может не расцветать —

Знание странствовало на Севере

не таков ли естественный путь каждого? К тому же, мудрый определил, что многознающий вряд ли обладает знанием, а красноречивый вряд ли обладает прозорливостью²⁹⁹. Определение мудрого сохранится: ведь прибавляй к нему — не прибавишь, убавляй от него — не убавишь. Глубочайший, он подобен океану, величайший, он кончится, возвратившись к началу. Держаться вне всей тьмы вещей, вмещаая их неистощимую способность к движению, — таково учение благородного мужа. Вместе со всей тьмой вещей исчерпывать способности и не истощаться — таков этот путь. В Срединных царствах есть человек, который не подвержен ни силе жара, ни силе холода, обитает между небом и землей. Только временно он человек и скоро вернется к своему предку <первоначалу>. Если наблюдать за ним с самого начала, с рождения, увидим вещь студенистую, обладающую голосом. Есть ли какое-либо различие между тем, проживет ли долго, умрет ли преждевременно? Ведь речь идет всего лишь о мгновенье! Стоит ли рассуждать о том, кто был идеальным, а кто порочным³⁰⁰ — Высочайший или Разрывающий На Части?

У плодов и ягод есть свои законы. С ними связаны людские порядки, хотя последние и сложны. Мудрый, встречаясь с ними, их не нарушает; проходя мимо них, их не сохраняет; согласуясь с ними, им отвечает — таково его свойство. Случайно на них откликаться — таков его путь. Вот что возвышало предков, вот что выдвигало царей.

Глава 22

Жизнь человека между небом и землей так же мимолетна, как белый жеребенок, промелькнувший мимо щели <скользнувший по щели солнечный луч>³⁰¹. Каждый появляется внезапно, стремительно, а исчезает плавно, в одиночестве. Развившись рождается, снова развившись, умирает. Живые существа печалются о смерти, род человеческий оплакивает умерших. Освобождаются лишь от своего природного чехла, сбрасывают с себя свой природный мешок — одни суеются, другие уклоняясь; душа разумная и душа телесная уходят³⁰², за ними — и тело. Это и есть великое возвращение.

Из бесформенного рождается форма, форма рождает бесформенное — это известно каждому. Этим не интересуется тот, кто готов постичь путь. Это суждение, общее для многих. Тот, кто постиг, не обсуждает; кто обсуждает — не постиг. Даже обладающему проникающим взором путь не встретится. Молчание выше красноречия. Путь нельзя услышать, и уши лучше заткнуть. Вот это и называется величайшим приобретением.

Учитель из Восточного Предместья спросил Чжуан-цзы:

— Где находится так называемый путь?

— Повсюду, — ответил Чжуан-цзы.

— Приведите пример, тогда лишь сумею понять.

— В муравье.

— А еще ниже?

— В куколке.

— А еще ниже?

Знание странствовало на Севере

— В черепице.

— А самое низкое?

— В моче и кале.

Учитель из Восточного Предместья промолчал.

— Ваши вопросы, учитель, конечно, не были достойны сущности, — сказал Чжуан-цзы. — Чтобы постичь путь, Вы спрашиваете, словно у надзирателя на рынке, как пинают свинью, <узнавая, насколько жирна>: чем ниже, тем яснее. Только вам не обязательно приводить пример — нет вещи, которая бы пути избежала. Таков истинный путь, таковы же и слова о великом. Есть три слова: чжоу, бьянь, сянь. Звучат они различно, а сущность одна, они обозначают одно — «повсюду». Попытаемся вместе странствовать по дворцу Нигде, и суждениям о единстве общего не будет конца и предела. Попытаемся вместе с Недеянием стать простыми и спокойными, бесстрастными и чистыми, гармоничными и праздными! Отвлечлась бы от всего моя мысль³⁰³, куда бы ни направилась, не знала бы предела, уходила бы, возвращалась и не знала бы, где остановиться. И я бы уходил и возвращался, не ведая, где она закончится, бродил бы по необъятным пространствам, вступил бы в область великого познания и не ведал бы, как его исчерпать. Вещество в вещах не отграничено от вещей, но вещи обладают пределом, так называемой границей вещи. Предел же беспредельного — это бесконечность конечного. Мы говорим о наполненном и пустом, об увядании и смерти. Для пути же наполненное не наполнено, пустое не пусто. Начало и конец для него не на-

Глава 22

чало и конец; скопление и распад для него не скопление и не распад.

Нерешительный по прозванию Сладость Лотоса и Священный Земледелец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. Как-то днем Священный Земледелец затворил двери и, опершись о столик, задремал, а в полдень, распахнув двери, к нему вошел Нерешительный и сказал:

— Старый Дракон скончался!

Священный Земледелец со сна схватился за посох и вскочил, но вдруг отпустил посох и, улыбнувшись, сказал:

— О Небо! Он знал, как я невежествен, груб и распушен, поэтому бросил меня и умер. Увы! Учитель умер, не открыв мне своих безумных слов³⁰⁴.

Его речь услышал Закрывающий Курган³⁰⁵, который высказал свое соболезнование и заметил:

— К воплотившему путь прибегают со всей Поднебесной благородные мужи. Ныне и тот, кто обрел лишь волосок осенней паутины, меньше чем одну из десяти тысяч долей пути, понял, что умерший унес с собой свои безумные речи, а тем более понимают это те, что воплотили путь. Смотрят на него — бесформенный; слушают его — беззвучный. Люди, о нем рассуждающие, называют его — темный-темный. Но так судить о пути — значит отрицать путь.

Великая Чистота³⁰⁶ спросила у Бесконечности:

— Знаешь ли ты, что такое путь?

Знание странствовало на Севере

— Я не знаю,— ответила Бесконечность.

Великая Чистота спросила о том же у Недеяния:

— Я знаю,— ответило Недеяние.

— Если ты знаешь путь, то скажи, владеет ли он судьбами?

— Владеет.

— Какие же у него судьбы?

— Из тех, что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединенные, могут быть разделенные. Вот судьбы пути, которые мне известны.

Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:

— Кто же из них прав, а кто не прав? Бесконечность ли со своим незнанием или Недеяние со своим знанием?

— Незнание глубже, а знание мельче,— ответило Безначальное.— Незнание внутреннее, а знание — внешнее.

И тут Великая Чистота со вздохом сказала:

— Тогда незнание — это знание? А знание — незнание? Но кто же познает знание незнания?

— Путь неслышим,— ответило Безначальное,— если слышим, значит, не путь. Путь невидим: если видим, значит, не путь. Путь не выразить в словах; если выражен, значит, не путь. Кто познал формирующее формы бесформенное, понимает, что путь нельзя назвать.

— Те, кто спрашивают о пути и отвечают о нем, не знают пути,— продолжило Безначальное.— Пусть даже спрашивающий о пути еще не слышал о нем. О пути нельзя спрашивать, на вопросы о нем нет ответа. Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то,

Глава 22

на что нельзя ответить, не обладает внутренним знанием. Тот, кто, не обладая внутренним знанием, ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную³⁰⁷, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким не взойти на гору Союз Старших Братьев, не странствовать в великой пустоте.

Свет спросил у Небытия:

— Вы, учитель, существуете или не существуете?

Но не получил ответа. Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотри на него — не увидишь, слушай его — не услышишь, трогай его — не дотронешься.

— Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто мог бы еще достичь такого совершенства! Я способен быть или не быть, но не способен абсолютно не быть. А Небытие, как оно этого достигло?

Кующему Крюки Для Поясов³⁰⁸ на службе у старшего военачальника было лет восемьдесят, а мастерства он ни на волос не утратил.

— Как ты искусен! Обладаешь ли учением? — спросил старший военачальник.

— Я, ваш слуга, им обладаю и его храню, — ответил Кующий Крюки. — Мне, вашему слуге, было двадцать, когда мне понравилось ковать. Ни на что другое не смотрел, ничего, кроме крюков, не изучал. Поэтому занимаюсь своим делом — будто ничем не занимаюсь и за долгий срок им овла-

Знание странствовало на Севере

дел. Насколько же сильнее тот, кто ничем не занимается!
Кто только из него не черпает!

Жань Цю³⁰⁹ спросил Конфуция:

— Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?

— Можно, — ответил Конфуций. — В древности было то же, что и ныне.

Потеряв нить разговора, Жань Цю ушел.

На другой день снова явился к учителю и сказал:

— Вчера я спросил: «Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?» Учитель ответил: «Можно. В древности было то же, что и ныне». Осмелюсь ли задать вопрос, почему вчера мне это было ясно, а сегодня — нет?

— Вчера было ясно, — ответил Конфуций, — ибо ты духовно заранее подготовился к восприятию ответа. Сегодня неясно, ибо ты ищешь ответа не для духовного. Нет ни древности, ни современности, нет ни начала, ни конца. А могли быть сыновья и внуки до того, как появились сыновья и внуки?

Жань Цю не успел ответить, как Конфуций продолжил:

— Постой! Не отвечай! Умирают не оттого, что рождаются живые; живут не оттого, что умирают мертвые. И смерть и жизнь от чего-то зависят; у них обеих есть единое общее. Разве было вещью то, что родилось прежде неба и земли? Вещество в вещах, это не вещь. Вещи не могли появиться прежде вещей — Совершенно так же были вещи, совершенно так же появлялись вещи — без конца. Подражая этому, и мудрец также всегда бесконечен в любви к людям.

Глава 22

Янь Юань спросил Конфуция:

— Дозвольте задать вопрос, почему учитель прежде говорил: «Никого не провожать, никого не встречать»?

— Люди в древности, — ответил Конфуций, — изменялись внешне, но не изменялись внутренне. Ныне люди изменяются внутренне, но не изменяются внешне. Тот, кто один не изменяется, развивается вместе со всеми вещами. Спокойно переносит изменения, спокойно переносит и отсутствие изменений, спокойно переносит и согласованные взаимно изменения вместе с другими. Конечно, тех, кто вместе с ним, немного. Так было в парке рода Кабаньей Шкуры, на стрельбище у Желтого Предка, во дворце рода Владеющих Тигром, в домах Испытующего и Воинственного. Благородные мужи, подобные учителям конфуцианцев и моистов, разбивали друг друга в спорах об истинном и ложном. Тем более это свойственно нынешним людям. Мудрый, находясь среди вещей, вещам не вредит. Тому, кто не приносит вреда другим, также не могут повредить. Только тот, кому ничто не вредит, может провожать и встречать других и его могут провожать и встречать.

Леса на горах, равнины, покрытые травой, приносят нам радость и наслаждение. Но не исчезнет наслаждение, как придет печаль. Приходу наслаждения и печали мы не способны помешать, их ухода нам не остановить. Увы! Ведь человек в мире — лишь постоянный двор для вещей. Он знает те вещи, что встретил, не знает тех, что не встречал. Знает,

Знание странствовало на Севере

что может то, на что способен, и не может того, на что не способен. Поэтому человеку не избежать незнания и неспособности. Разве не горько человеку стремиться отвратить неотвратимое! Истинные слова — без слов. Истинное деяние — недеяние. Сколь ничтожно познание общеизвестного!



Глава 23

ГЭНСАН ЧУ

Среди учеников Лао-цзы был Гэнсан Чу³¹⁰.

Овладев во многом учением Лао-цзы, он поселился на Севере на горе Опасное Нагромождение. Прогнал тех рабов, которые блистали знаниями, отослал тех наложниц, которые кичились милосердием; остался с грубыми и некрасивыми, опирался лишь на старательных, хлопотливых. Прожил три года, и на горе Опасное Нагромождение собрали богатый урожай.

Гэнсан Чу

Тут жители горы стали друг другу говорить:

— Когда учитель Гэнсан только появился, мы испугались и его сторонились. Ныне у нас запасов — нечего и говорить — хватит на день, хватит и на год с избытком. Возможно, он мудрец? Почему бы нам не молиться ему, как Покойнику? Не воздвигнуть ему алтарь Земли и Проса?

Услышав об этом, Гэнсан Чу обернулся лицом к югу и долго не мог успокоиться. Ученики удивились, а Гэнсан Чу сказал:

— Почему вы, ученики, удивляетесь? Ведь когда начинает действовать весенний эфир, растут все травы; установится осень, созревает вся тьма плодов. Разве весна и осень не должны быть такими? Это проявление естественного пути. Я слышал, что настоящий человек живет подобно Покойнику за круглой стеной, а народ безумствует, не зная, как к нему обратиться. Ныне малый люд на горе Опасное Нагромождение упрямствует, желая приносить мне жертвы среди других достойных. Разве я способен стать для них образцом? Я помню слова Лао-цзы и не могу успокоиться.

— Нет! — сказали ученики. — В обычной канаве не вернуться огромной рыбе, не то что пескарю. За холмом вышиной в несколько шагов не спрятаться крупному зверю, он пригоден лишь для лисицы, оборотня. Ведь почитаемые и достойные поручали дела способным, а добрых заранее огораждали. Если так поступали с древних времен Высочайший и Ограждающий, то тем более так поступает народ на горе Опасное Нагромождение. Послушайтесь его, учитель!

Глава 23

— Подойдите, дети! — сказал Гэнсан Чу. — Ведь зверь величиной с повозку, в одиночку покинув гору, не избежит сетей и ловушек. Рыбу, глотающую суда, останься она после разлива на мели, замучают даже муравьи. Поэтому птицы и звери неустанно ищут большую высоту; рыбы, черепахи неустанно ищут большую глубину. И человек, чтобы сохранить свою телесную форму и жизнь, скрывается и неустанно ищет большее уединение. Разве Высочайший и Ограждающий заслуживают восхваления? Это от них пошли различия; люди стали опрометчиво ломать стены и сеять бурьян; причесываться, перебирая по волоску; варить рис, пересчитывая зернышки. По моему ничтожному мнению, этого недостаточно, чтобы помочь миру! Начали выдвигать добродетельных, и люди стали друг друга притеснять; возвысили знающих, и люди стали друг друга грабить. Тот, кто пересчитывает вещи, недостоин благодетельствовать народу. Народ стал жаждать выгоды, сыновья — поднимать руку на отцов, слуги — убивать своих хозяев, начали грабить среди бела дня, делать подкопы в полдень. Я говорю вам: корень великой смуты был взращен при Высочайшем и Ограждающем, ее вершина просуществует тысячу поколений, и через тысячу поколений люди будут пожирать людей³¹¹.

Тут Карлик Прославленный На Юге³¹² выпрямился и взволнованно спросил:

— Какое же учение вы вручите вместе с этими словами такому старому, как я, Карлик?

— Сохраняй в целости свою телесную форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах и через три года сумеешь постичь эти слова, — ответил Гэнсан Чу.

— Глаза подобны по форме, — сказал Карлик, — я не понимаю, в чем между ними различие, а слепой себя не видит. Уши подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а глухой себя не слышит. Сердца подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а безумный себя не обретает. Тело телу также уподобляется, но их, возможно, разделяют вещи. Стремлюсь найти подобие, но не способен его обрести. Ныне вы сказали мне, Карлику: «Сохраняй в целости свою телесную форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах». Я, Карлик, внимал учению напрягаясь, но оно достигло лишь ушей.

— Слова мои иссякли, — сказал Гэнсан Чу. — Ведь говорят, что шмелю не изменить куколки, юэской курице не высидеть гусяного яйца — это по силам лишь наседке из Лу³¹³. Курица подобна курице, свойства их во всем одинаковые. Если одна способна, а другая не способна, это, конечно, означает, что способности бывают большие и малые. Ныне оказалось, что мои способности малы — недостаточны, чтобы тебя развить. Почему бы тебе не отправиться на юг, повидаться с Лао-цзы?

Карлик взвалил на спину побольше провизии и за семь дней и семь ночей дошел до жилища Лао-цзы.

— Не от Чу ли ты пришел? — обратился к нему Лао-цзы.

— Да, — ответил Карлик.

Глава 23

— Почему ты привел с собой столько людей? — спросил Лао-цзы.

Карлик в испуге оглянулся.

— Ты не понял, о чем я спросил? — задал вопрос Лао-цзы.

Карлик потупился от стыда, затем поднял голову и вздохнул:

— Сейчас я забыл, что мне ответить, а поэтому забыл и свой вопрос.

— О чем ты хотел говорить? — спросил Лао-цзы.

— Если у меня не будет знаний, люди обзовут меня Карликом Простаком; если будут знания, они принесут беду мне самому. Буду милосердным, навлеку беду на себя, а немилосердным, напротив, принесу вред другим; буду справедливым, навлеку беду на себя; а несправедливым, напротив, погублю других. По совету Гэнсан Чу хотел бы у вас спросить, как мне избежать этих трех бед?

— Сначала я понял твой взгляд, теперь и твои слова это подтвердили. Соблюдая правила приличия, точно сирота без отца и матери, ты берешься за шест, а измерить стремишься морские глубины. Как жалок ты, заблудший, в неведении. Стремясь вернуться к своей природе, не знаешь, откуда начать.

Карлик попросил разрешения остаться в доме, призывал то, что по учению любил, отказывался от того, что по учению ненавидел, десять дней предавался скорби, а затем снова встретился с Лао-цзы. Лао-цзы сказал:

— Ты омылся, пар идет, как от вареного! Однако в тебе еще много ненависти. Ведь когда узы столь многочисленные, что с ними не справиться, идут извне, следует для них воз-

двинуть преграду изнутри. Когда узы столь запутанные, что с ними не справиться, идут изнутри, следует для них воздвинуть преграду вовне. Внешних и внутренних уз не выдержать даже тому, кто владеет природными свойствами, а тем более тому, кто лишь подражает пути.

Карлик сказал:

— Когда один человек в селении заболел, земляк спросил его, что болит, и больной сумел рассказать о своей болезни. Такая болезнь еще не опасна. Я же, Карлик, выслушал ваши слова о великом пути, будто принял снадобье, чтобы болезнь усилилась. Мне, Карлику, хочется послушать хотя бы о главном для сохранения жизни.

— О главном для сохранения жизни? — повторил Лао-цзы. — Способен ли ты сохранять единое, его не теряя? Способен ли узнавать, что впереди — счастье или беда, не гадая ни на панцире черепахи, ни на стебле пупавки? Способен ли остановиться? Способен ли со всем покончить? Способен ли оставить всех людей и искать только самого себя? Способен ли парить? Способен ли стать безыскусственным? Способен ли стать младенцем? Ведь младенец³¹⁴ целыми днями кричит и не хрипнет — это высшая гармония; целыми днями сжимает кулачки, но ничего не хватает — это общее в его свойствах; целыми днями смотрит, но не мигает — ни к чему внешнему не склоняется. Ходить, не ведая куда; останавливаться, не ведая зачем; сжиматься и разжиматься вместе со всеми вещами, плыть с ними на одной волне — таково главное для сохранения жизни.

Глава 23

— Все это и есть свойства настоящего человека? — спросил Карлик.

— Нет, — ответил Лао-цзы. — Это лишь способности к тому, что называется «растопить снег и лед». Настоящий же человек кормится совместно с другими от земли, наслаждается природой. Он не станет суетиться вместе с другими из-за прибыли или убытка, которые приносят люди и вещи; не станет удивляться вместе с другими, не станет вместе с другими замышлять планы; не станет вместе с другими заниматься делами. Уходит, словно парит, возвращается безыскусственный. Вот это и есть главное для сохранения жизни.

— Так это и есть высшее?

— Еще нет. Я тебе, конечно, поведаю. Я спросил, способен ли ты стать младенцем? Ибо младенец движется, не зная зачем; идет, не зная куда; телом подобен засохшей ветке, сердцем подобен угасшему пеплу. Вот к такому не придет несчастье, не явится и счастье. Что людские беды тому, для кого не существует ни горя, ни счастья!

Тот, чьи свойства в покое, испускает естественный свет. В том, от кого исходит естественный свет, люди видят его человеческое начало. Тот, кто совершенствовался, ныне обрел постоянство. К тому, кто обрел постоянство, стекаются люди, ему помогает природа. Того, к кому стекаются люди, называют человеком природы; того, кому помогает природа, называют сыном природы³¹⁵.

Ученик учит то, что неспособен выучить. Деятель выполняет то, что неспособен выполнить. Оратор ораторствует о том, о чем неспособен ораторствовать. Тот, кто в знании отступает там, где не способен познать, обладает истинным знанием. Того, кто к этому не приближается, разбивает естественное равновесие.

Вещи запасает, чтобы уберечь тело; прячется от непредвиденного, чтобы сохранить живым сердце; осторожен во внутреннем, чтобы постичь другие вещи. Если такого и наступает тьма бед, то все они от природы, а не от человека: недостойны смутить установившегося, не могут проникнуть внутрь башни разума. В башне разума кое-что сохраняется, но сохраняется без знания, сознательно не может сохраняться. Если проявит это тот, кто не увидит искренности проявляемого, то каждый раз проявит то, что не следует. Дело, входя в сердце, его не оставляет и каждый раз приносит ему новые утраты.

Того, кто сотворил недоброе явно, удастся покарать людям; того, кто сотворил недоброе тайно, удастся покарать душам предков. Лишь тот, кто понимает людей, кто понимает души предков, способен действовать в одиночестве.

Тот, кто заключает договор внутренний, остается безымянным. Тот, кто заключает договор внешний, стремится к приобретению. От того, кто действует без имени, даже в

Глава 23

обычном исходит свет. Тот, кто стремится к приобретению, лишь торгаш. Глядя, как он вытягивается на цыпочках, люди принимают его за человека выдающегося.

Вещи вторгаются к тому, кто вместе с вещами исчерпывается. Как же снизойдет до людей тот, кто к вещам безразличен, не способен до них снизойти? Тот, кто не снисходит до людей, не имеет близких. Тому, у кого нет близких, все чужие. Нет оружия более сильного, чем воля, даже меч Моисе уступает ей. Нет разбойников более опасных, чем силы жара и холода³¹⁶, от них не скрыться во всей вселенной. Если не ограбят силы жара и холода, это сделает собственное сердце.

Путь пронизывает все свои части при образовании и разрушении. От этих частей отвращает то, что, будучи частями, они стремятся стать целыми. От целого отвращает то, что стремятся к еще большему целому. Поэтому в ушедшем безвозвратно видят душу предка. О тех, кто ушел и обрел прежнюю сущность, говорят — обрел смерть. Кто погиб, оставив телесную сущность, того и принимают за одну из душ предков. Это определяется тем, что бесформенное уподобляют обладающему телесной формой.

Выходит, не обладая корнем; входит, не обладая отверстием; обладает сущностью, но не помещением для нее; обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца. То, что проникает без отверстий, обладает сущностью; то, что обладает сущностью, но не помещением для нее, — прост-

ранство. То, что обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца, — время³¹⁷. Обладает жизнью, обладает и смертью, обладает входящим, обладает и выходящим. То, что не проявляет формы ни при входе, ни при выходе, называется вратами природы. Врата природы — небытие. Вся тьма вещей выходит из небытия. Бытие не способно стать бытием с помощью бытия, оно должно выйти из небытия. Небытие же владеет единственным небытием — вот что скрывали мудрецы. В познаниях некоторых древних был достигнут крайний предел. Какой же предел? Одни считали, что вначале не было отдельных вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Другие считали, что отдельные вещи существовали, думали, что жизнь — постепенная утрата, а смерть — возвращение. Этим различие и исчерпывалось. Третьи говорили: «Сначала не было бытия, затем появилась жизнь, жизнь вскоре же кончилась смертью». Небытие считали головой, жизнь — туловищем, смерть — хвостом. Тому, кто познал сохранение единства в бытии и небытии, в смерти и жизни, я стану другом. Хотя сторонники этих трех учений друг от друга отличались, но единство у них отсутствовало так же, как у царских родов в Чу: Чжао и Цзин носили корону, а Цзя <Цюй>³¹⁸ получал селения на кормление.

Жизнь человека — что сажа под котлом. Раскрывая смысл, скажем: перемещение сущности³¹⁹. Хотя это нельзя узнать, нельзя выразить в словах, попробуем разъяснить,

Глава 23

что такое «перемещение сущности». Для жертвоприношения в конце года у быка желудок и копыта можно отделить, а можно и не отделять. Участники жертвоприношения обходят вокруг усыпальницы и храма предков, а затем движутся к отхожему месту. Вот это привожу как пример «перемещения сущности». Разрешите попытаться рассказать о «перемещении сущности». Здесь основа — жизнь, наставник — знание. Поэтому говорят об истинном и ложном, чтобы в результате приобрести название и сущность. Поэтому себя считают сущностью <хозяином>, заставляя других считать себя идеалом и даже умирать за этот идеал. Такие считают умными тех, кого берут в услужение, глупцами тех, кого не берут, возвышение считают славой, а притеснение — позором. «Перемещение сущности» для нынешних людей подобно объединению Цикады с Горлицей³²⁰. Если кому-нибудь отдавят ногу на рынке, то извинятся за неловкость; если старший брат наступит на ногу младшему, то его пожалеет, а если отец — сыну, и так обойдется. Поэтому и говорится: в настоящей вежливости не разбирают, что за человек; в настоящей справедливости не отделяют своих от чужих; настоящие знания не таят коварных замыслов; в настоящем милосердии не считаются с родством; в настоящем доверии забывают о золоте.

Удали то, что расстраивает волю; освободи сердце от неясности; удали то, что обременяет свойства; убери с пути все препятствия. Богатство и знатность, почет и величие, слава

и выгода — эти шесть расстраивают волю; внешность и поза, красота и хитроумие, дыхание и чувства — эти шесть опутывают сердце; ненависть и любовь, радость и гнев, печаль и наслаждения — эти шесть обременяют свойства; согласие и отказ, займы и возврат, знания и способности — эти шесть преграждают путь. Когда эти четыре шестерки не волнуют грудь, приходит беспристрастие. Беспристрастие ведет к покою, покой — к ясности, ясность — к пустоте, пустота — к недеянию, которое все совершает.

Путь — уважение к свойствам; жизнь — проявление свойств; характер — сущность жизни; движение характера называем деянием; ложное деяние называем утратой пути.

Знающий воспринимает вещи; знающий обдумывает. Когда знающий приближается к тому, чего не знает, он подобен косоглазому.

Действие вынужденное — называется свойством. Действие лишь во имя собственных интересов называется управлением. Названия друг другу противоположны, а соответственно им и сущность.

Охотник искусно попадал в мельчайшую цель, но искусно избегал людской славы. Мудрый искусен в естественном, но неискусен в людском. Лишь целостный человек способен быть не только искусным в естественном, но и добрым в человеческом. Только животное способно оставаться естественным. Если целостный человек ненавидит природу, то

Глава 23

ненавидит человеческую природу, а тем более негодует, когда приспособливают для себя и небо и человека!

Если птица встречалась Охотнику, он непременно ее добывал, — это могущество. Если же всю Поднебесную вообразить клеткой, не ускользнула бы ни одна птица. По этой причине Испытующий приманил Найденного На Реке Инь, пообещав ему ранг Готовящего Жертвенное Мясо, циньский Мугун завлек Раба Из Сотни Ли с помощью того, что люди любят, — не иначе.

Тот, у кого отрубили ногу в наказание, презирует красоту, отрицает внешнюю славу. Скованные вместе³²¹ преступники, забыв и о жизни и о смерти, без страха поднимаются на высокую гору. Ведь тот, кто отвык обмениваться подарками, забыл людей. Оттого что забыл людей, считается человеком естественным. Уважают его — не радуется, оскорбляют его — не гневается. Таким может быть лишь тот, кто подобен естественной гармонии.

Если обнаруживать гнев, но не гневаться, то окажется, что гнев исходит от негневающегося. Если, исходя из деяния, предаваться недеянию, то окажется, что деяние исходит из недеяния. Хочешь покоя — стань невозмутимым; хочешь стать пронизательным, принимай все как по-сердцу. Если в действии стремишься к должному, основывайся на том, что тебя вынуждает. Быть вынужденным — таков путь мудрого.



Глава 24

СЮЙ ОТРИЦАЮЩИЙ ДУШУ

Сюй Отрицающий Душу³²² через Нью Шана³²³ встретился с вэйским царем Воинственным; обласкав его, Воинственный сказал:

— Почему вы, Преждерожденный, согласились повидаться со мной, единственным? Быть может, заболели от трудов в горных лесах?

— Я пришел утешить вас, государь,— сказал Сюй Отрицающий Душу. — Как может царь уте-

Глава 24

шить меня? Вас, государь, скоро переполнят страсти и вожделение, а длительная любовь и ненависть приведут к опасным болезням. Если же вы, государь, совсем отбросите страсти и вожделение, забудете любовь и ненависть, у вас заболят глаза и уши. Тогда мне придется соболезновать вам, государь. Зачем же вы, государь, соболезнуете мне?

Воинственный презрительно промолчал, а Сюй Отрицающий Душу вскоре продолжил:

— Попробую рассказать вам, государь, как я распознаю собак. Собака низших свойств заботится лишь об одном — о сытости, таково же и свойство дикой кошки. Собака средних свойств смотрит вверх, будто на солнце. Собака высших свойств, будто забыла о своем единственном, <самой себе>. Коней же я распознаю лучше, чем собак. Коней я распознаю так: если мчится прямо, точно по натянутому шнуру, делает поворот, точно по крюку, описывает квадрат, точно по угольнику, описывает круг, точно по циркулю, это — царский конь, но ему далеко до коня Поднебесной. У коня Поднебесной дарование, совершенное от природы. С виду он будто чего-то страшится, будто что-то потерял, утратил свое единственное <тело>. Такой конь мчится, опережая всех, не поднимая пыли, не ведая, где остановится.

Царь Воинственный развеселился и рассмеялся. Когда Сюй Отрицающий Душу вышел, Нюй Шан спросил:

— Чем вы, Преждерожденный, развеселили моего государя? Мой государь еще никогда не обнажал зубов в улыбке, о чем бы я ему не рассказывал. Убеждал ли с помощью

Сюй Отрицающий Душу

отдаленного — песен, преданий, обрядов, музыки; убеждал ли с помощью близкого — записей на металлических планках в шести чехлах³²⁴ о тех, кто вершил дела и добивался больших заслуг. Всего и не перечесть. Чем же вы, Прежде-рожденный, ныне развеселили моего государя, что он так обрадовался?

— Я лишь поведал ему о том, как я распознаю собак и коней, — ответил Сюй Отрицающий Душу.

— Только и всего? — удивился Нюй Шан.

— Разве не слышал ты про Изгнанника Из Юэ? — сказал Сюй Отрицающий Душу. — Покинув царство, он уже через несколько дней радовался при виде знакомого; покинув царство, он уже через декаду или месяц радовался при виде встречавшегося ему в его царстве; а спустя год радовался при виде кого-то, похожего на человека. Чем дальше уходил от людей, тем сильнее была тоска по человеку. Скитаясь по пустыне, по тропкам, проложенным хорьками среди густой полыни, спотыкаясь, останавливаясь в безлюдье, он обрадовался бы, заслышав шаги человека, а тем более кашель родственника, брата рядом с собой. Ведь уже давно ни кашель, ни слова настоящего человека не доносились до слуха нашего государя!

Сюй Отрицающий Душу снова увиделся с царем Воинственным, и тот сказал:

— Вы, Прежде-рожденный, давно уже живете в горных лесах, питаетесь каштанами. Не пресытились ли луком и пореем, что пришли гостем ко мне, единственному? Или соста-

Глава 24

рились и стремитесь ныне к мясу и вину? Или хотите приобщиться к счастью у моего алтаря Земли и Проса?

— Я, Сую Отрицающий Душу, родился презренным, в бедности и никогда не осмелился бы пить царские вина и есть царские яства. Скоро мне придется утешать вас, государь.

— Утешать меня, единственного? Почему?

— Утешать, государь, и телесно и духовно.

— О чем говорите?

— Небо и земля одинаково вскармливают всех, — ответил Сую Отрицающий Душу. — Поднявшихся высоко нельзя считать лучшими, живущих внизу нельзя считать худшими. Вы же, государь, — единственный властелин тьмы колесниц. Утруждая народ целого царства, услаждая слух и зрение, обоняние и уста, ваш разум не может этим удовлетвориться. Ведь разум предан гармонии, он ненавидит распутство. Ведь от распутства — болезни. Поэтому вас и утешаю. Зачем же вам, государь, болеть?

— Давно уже я хотел увидеться с вами, Прездерожденный, — ответил царь Воинственный. — Мне хочется любить народ и во имя справедливости покончить с войнами. Возможно ли это?

— Нельзя! — ответил Сую Отрицающий Душу. — В любви правителя к народу — начало гибели народа. Прекратить войны во имя справедливости — означает создать предлог для новых войн. Если Вы, государь, с этого начнете, все окажется безуспешно. Такие красивые слова каждый

Сюй Отрицающий Душу

раз оказываются орудием зла. Хотя вы, государь, стремитесь к милосердию и справедливости, но приближаетесь к лицемерию. Форма, конечно, создает форму; а завершение, конечно, приносит заслуги; изменения же, конечно, вызовут войну извне. Не расставляйте, государь, ряды журавлей воинов на прекрасной дозорной башне; не помещайте пеших и колесничих во дворце Цзытань; не замышляйте измены ради приобретения, не побеждайте других ни хитростью, ни замыслами, ни оружием. Не ведаю, для кого хороша война? В чем победа? Убивать чужих воинов и жителей, захватывать чужие земли, чтобы вырастить свое личное <тело>, свой разум? Если вы, государь, с этим покончите, будете совершенствовать в себе чувство верности, отвечая собственной природе, перестанете теснить других, то люди уже избавятся от убийства, зачем же тогда вам, государь, кончать с войнами?

Желтый Предок поехал повидаться с Высоким Утесом³²⁵ на гору Терновая Чаша. Колесничим был Едва Прозревший, на пристяжной тройке — Блестящий Сказочник, впереди коней бежали Предполагающий и Друг Повторяющий, позади колесницы — Подобный Привратнику и Смехотвор. Доехав до равнины у города Сянчэна, семеро мудрецов³²⁶ заблудились. Узнать же дорогу было не у кого. Тут встретился им отрок-табунщик, и они его спросили:

— Знаешь ли ты гору Терновая Чаша?

— Да, — ответил отрок.

Глава 24

— Знаешь ли ты, где живет Высокий Утес?

— Да!

— Удивительно! — воскликнул Желтый Предок. — Ребенок, а знает не только, где гора Терновая Чаша, но и где живет Высокий Утес. Разреши спросить, что делать с Поднебесной?

— Что делать с Поднебесной? — ответил отрок. — То же, что и здесь с табуном, и только. Что еще с ней делать? С детства я бродил среди шести стран света и омрачилось мое зрение. Некий старец меня научил: «Броди в степях у Сянчэна, подобно колеснице солнца». Ныне глазам стало лучше, и я снова пойду скитаться за пределами шести стран света. Что делать с Поднебесной? То же, что и здесь с табуном, и только. Что мне с ней делать?

— Управление Поднебесной действительно не Ваше дело, мой учитель. И все же, разрешите спросить, что делать с Поднебесной?

Отрок отказался отвечать, но Желтый Предок повторил свой вопрос, и отрок сказал:

— Не так ли следует управлять Поднебесной, как пасти коней? Устранять все, что вредит коням, и только.

Желтый Предок дважды поклонился отроку, назвал его Небесным Наставником³²⁷ и удалился.

Мужи знающие невеселы, когда нет событий для размышлений; ораторы невеселы, когда нет школы для речей; надзиратели невеселы, когда нет дел для розыска и допросов; все они ограничены определенными знаниями. Мужи, взы-

Сюй Отрицающий Душу

вающие к современникам, процветают при дворе. Мужич среднего состояния славят начальников. Силачи гордятся трудностями. Мужич отваги воодушевляются опасностью. Вооруженные мужич в кожаных доспехах радуются битве. Мужич, иссохшие, словно дерево, утешаются былой известностью. Мужич законов укрепляют управление. Мужич милосердия и справедливости ценят общение с другими. Земледельцы, если нет дела по распашке целины, не сближаются. Купцы странствующие и оседлые, если нет торговых дел на площади и у колодца, не сближаются. Когда у всех людей есть занятие с утра до вечера, они друг друга поощряют. Сотни ремесленников, владеющих искусством создавать утварь и оружие, друг друга усиливают. Если деньги и имущество не накапливаются, алчный печалится. Если власть и сила не увеличиваются, тщеславный горюет. Приверженцы силы и управления радуются переменам. Они найдут себе применение, воспользовавшись любым случаем, не у дел не останутся. Все они гонятся друг за другом, точно времена года, но не изменяются, как вещи. Дают полную волю своей телесной форме и характеру, погрязают во тьме вещей³²⁸ и до конца жизни не возвращаются к самим себе. Увы!

Чжуан-цзы спросил:

— Если назвать прекрасным стрелком того, кто случайно попал в цель, то все в Поднебесной оказались бы меткими, как Охотник. Возможно ли это?

— Возможно, — ответил Творящий Благо.

Глава 24

— Если бы в Поднебесной не было общей истины, и каждый утверждал бы свою истину, то все в Поднебесной были бы непогрешимы, как Высочайший. Возможно ли это? — спросил Чжуан-цзы.

— Возможно, — ответил Творящий Благо.

— Конфуцианцы, моисты, сторонники Яна³²⁹ и Бина³³⁰ составляют четыре школы, а вместе с вашей, учитель, пять. У какой же из школ в действительности истина? А возможно, ею обладает Лу Цзюй.³³¹ Его ученик сказал: «Я овладел вашим учением, наставник. Я способен зимой без огня приготовить кушанье в треножнике, а летом сделать лед». Лу Цзюй ответил: «Это просто призыв жары с помощью жары, призыв холода с помощью холода, а не то, что я называю учением. Я покажу тебе свое учение». И тут он настроил два инструмента шэ, один положил в зале, другой — в боковой комнате. Тронул тон гун одного инструмента, и откликнулся гун другого, тронул тон цзио одного инструмента, и откликнулся цзио другого, они прозвучали в унисон. Но можно ли изменить строй одной струны и без соответствия пяти тонам, чтобы, тронув ее, вызвать отклик всех двадцати пяти струн? Вот такой звук был бы государем <ведущим>. А такова ли твоя истина?

— Ныне конфуцианцы, монеты, сторонники Яна и Бина ведут со мной спор, уничтожая друг друга в речах, подавляя друг друга в славе, — сказал Творящий Благо. — Но меня еще никто не опроверг. Ну, каково?

Сюй Отрицающий Душу

— Цисец покалечил ногу сыну и, приказав ему стать привратником как человеку неполноценному, отослал к сунцу. Так бросают себе подобных, — сказал Чжуан-цзы. — Чтобы уберечь колокола <жертвенные сосуды>, он обвязал их веревкой. А чтобы отыскать потерянного сына, не вышел даже за пределы царства. Чусец, остановившись в чужом доме, обругал привратника; в полночь, в безлюдном месте стал драться с лодочником. Еще не отчалил от берега, а уже затеял ссору.

Когда Чжуан-цзы провожал покойника, процессия прошла мимо могилы Творящего Благо. Оглянувшись, Чжун-цзы сказал сопровождающим:

— Как-то инец вымазал себе глиной кончик носа — пятно было с крылышко мухи — и велел плотнику Кремню его обтесать. Топор плотника летал, словно ветер — лишь выслушал приказ и стесал. Снял все пятнышко, не повредив носа, а инец даже не изменился в лице.

Услышав об этом, сунский царь Юань призвал плотника Кремня и сказал: «Попробуй стесать у меня, единственного». Плотник же ответил: «Когда-то я, ваш слуга, мог это сделать, но человека того материала уже давно нет». У меня также нет материала, с тех пор как умер учитель Творящий Благо. Мне не с кем спорить³³², — заключил Чжуан-цзы.

Гуань Чжун заболел, и Хуаньгун задал ему вопрос:

Глава 24

— Можно ли говорить не таясь? Ведь болезнь у вас, Отец Чжун, серьезная. Кому доверить царство, если станет хуже?

— Кому бы хотел, государь? — спросил Гуань Чжун.

— Баошу Я, — ответил царь.

— Нельзя! — сказал Гуань Чжун. — Он — муж прекрасный, чистый и честный. Но всех остальных меряет по себе, а не себя по другим. И потом, раз услышав о чьей-либо ошибке, всю жизнь не забудет. Если доверить ему управление царством, так наверху — запутает правителя, а внизу — станет перечить народу. Пройдет немного времени, и он совершит проступок против государя.

— Кому же можно? — спросил царь.

— Не станет меня, так можно доверить Си Пэну, — ответил Гуань Чжун. — Он такой человек, что высшие о нем забудут, а низшие ему не изменят. Сам сожалеет, что не похож на Желтого Предка, но печалится о тех, кто хуже его. Тот, кто уделяет людям от своей добродетели, называется мудрецом; кто уделяет людям от своих богатств, называется умным. Тот, кто снисходит до людей мудростью, никогда не завоевывает людей; тот, кто спускается к людям умом, всегда завоевывает людей. В царстве он не все услышит, в семье он не все увидит. Не станет меня, так можно Си Пэну.

Плывя по Реке, лусский царь поднялся на Обезьянью гору. Увидев его, стадо обезьян в испуге все побросало, разбежалось и укрылось в непроходимой чаще. Только одна

Сюй Отрицающий Душу

обезьяна беспечно прыгала то туда, то сюда, как бы хвастаясь своим искусством перед царем. Царь в нее выстрелил, но она ловко поймала стрелу. Царь велел своим помощникам стрелять непрерывно, обезьяна же упорствовала до смерти.

Обернувшись, царь сказал своему другу, Красавцу Без Сомнений³³³:

— Эта обезьяна, пренебрегая мною, хвасталась своей ловкостью, надеялась на свою изворотливость — и погибла. Ах! Пусть это послужит тебе предостережением! Не гордись перед людьми своей красотой!

Вернувшись домой, Красавец Без Сомнений обратился к Дуну Платану³³⁴ за наставлениями, как избавиться от своей красоты, отказаться от наслаждений и знатности. Прошло три года, и люди царства стали его хвалить.

Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья сидел, облокотясь о стол. Он смотрел вверх и тихо дышал. Войдя к нему повидаться, Странник Красоты Совершенной сказал:

— Вы, учитель, лучший из людей! Вы, конечно, можете телом уподобиться иссохшим костям, а сердцем — угасшему пеплу.

— Прежде я жил в горной пещере, — заговорил Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья. — Однажды меня навестил Тянь Хэ³³⁵, и весь народ царства Ци трижды восславил его. Я, конечно, раньше достиг славы, поэтому он обо мне и узнал. Если бы у меня ее не было, как бы

Глава 24

он обо мне узнал? Я должен был свою славу продать, а он — перепродать. Если бы я ее не продал, как бы он сумел перепродать? Ах! Я стал печалиться о тех, кто сам себя губит; я стал печалиться и о тех, кто печалится о других; я стал печалиться и о тех, кто печалится о чужих печалях. С тех пор и стал с каждым днем все больше от этого отдаляться.

Конфуций пришел в Чу, и чусский царь угощал его вином. Суньшу Гордый подал кубок, а Удалец С Юга От Рынка принял кубок и, совершив возлияние вина, сказал:

— Здесь заговорит древний человек!

— Я, Цю, также слышал насчет учения без слов, никогда о нем не говорил, здесь же скажу,— промолвил Конфуций.— Удалец шутил, а спор двух домов прекратился³³⁶. Суньшу Гордый с веером из перьев в руках сладко спал, а жители Ин отложили оружие³³⁷. Для таких случаев мне, Цю, хотелось бы обладать языком в три чи. У них обоих, можно сказать, есть путь, который нельзя назвать. Поэтому их свойства соединяются воедино с путем, и слова иссякают там, где знающий не способен познать,— это высшее. Но даже в единстве с путем свойства не могут быть одинаковыми. То, что знающий не способен познать, красноречивый не способен прославлять. Беда — от таких названий, как конфуцианцы и моисты. Ибо в том, что море безотказно принимает реки, текущие на восток,— его высшее величие. Мудрый объемлет и небо и землю, благодетельствует всем в Поднебесной, а из какого он рода — неведомо. Поэтому

Сюй Отрицающий Душу

живет, не имея ранга, умирает без посмертного имени. Богатств не накапливает, славы не утверждает. Вот такой и называется великим человеком. Не за звонкий лай собаку считают хорошей, не за красивые речи человека считают добродетельным, а тем более — великим. Ведь когда кого-нибудь считают великим, этого недостаточно, чтобы быть великим, а тем более — обладающим свойствами. Ведь нет ничего более целостного, чем небо и земля. Но разве они обладают целостностью оттого, что сами ее добиваются? Тот, кто познал великую целостность, ничего не добивается, ничего не теряет, ничего не оставляет. Из-за вещей не меняется, возвращается к самому себе и становится неисчерпаемым. Следует за древностью, не приукрашивая, — воистину великий человек!

У Владеющего Своими Чувствами³³⁸ было восемь сыновей. Выстроив всех их перед собой, он призвал Пропавшего Без Вести Во Вселенной³³⁹ и сказал:

— Узнай по лицам моих сыновей, кто из них будет счастливым!

— Порог, — ответил физиономист, — на его лице счастливое предзнаменование.

— Какое же? — и тревожась, и радуясь, спросил Владеющий Своими Чувствами.

— До конца дней своих Порог будет делить пищу с царем, — ответил физиономист.

Глава 24

— Неужели моего сына постигнет такое бедствие? — спросил Владеющий Своими Чувствами и слезы потекли у него ручьем.

— Ведь для того, кто делит пищу с царем, милости распространяются на три рода³⁴⁰, а особенно — на отца и мать. Ныне же вы, учитель, услышав об этом, проливаете слезы, противитесь счастью. Счастливое предзнаменование принимаете за несчастливое.

— Как же ты, Пропавший Без Вести, узнал о счастливом предзнаменовании для Порога? — спросил Владеющий Своими Чувствами.

— Все от вина и мяса — я ощутил их аромат, их вкус.

— Как же ты узнал, от кого они?

— Чудом узнал³⁴¹, вот как! Никогда я не был пастухом, а овца ягнилась в юго-западном углу моего дома. Никогда не любил охотиться, а перепелка вывела птенцов в юго-восточном углу.

— Я со своими сыновьями был странником, странствовал по вселенной. Вместе с ними стремился наслаждаться природой и кормиться от земли. Вместе с ними я не вершил никаких дел и не строил замыслов, вместе с ними я ничему не удивлялся и не ссорился ни с кем из-за вещей. Вместе с ними я восходил к совершенству неба и земли. Вместе с ними я предавался лишь приволью и не занимался тем, чего требовал долг, отказался от всех пошлых обычаев. А ныне и пришло возмездие. Но за каждым чудесным свидетельством кроются чудесные поступки. Беда близка! Но на мне и на

Сюй Отрицающий Душу

моих сыновьях нет вины. Все идет от природы! Поэтому-то я и проливаю слезы.

Вскоре отец послал Порога в Янь, а в пути его захватили разбойники. Продать его целым было труднее, легче безногим³⁴². Тут ему отрубили ногу и продали в Ци. Порог оказался на улице привратником главного сановника³⁴³ и до самой смерти питался мясом.

Беззубый встретился с Никого Не Стесняющим и спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Бегу от Высочайшего, — ответил тот.

— Почему же?

— Высочайший настолько предается милосердию, что над ним, я боюсь, станет смеяться вся Поднебесная. В будущих же поколениях люди станут пожирать людей. Ведь народ собрать не трудно. Любишь людей — они приближаются, приносишь им выгоду — приходят; хвалишь их — друг друга поощряют. Но коснись того, что они не любят, — все разбегутся. Любовь и выгода рождаются от милосердия и справедливости. Тех, кто отбрасывает милосердие и справедливость, мало; тех, кто использует милосердие и справедливость, много. Но только поступки милосердных и справедливых не искренни, к тому же они заимствуют жадность у хищников. Поэтому если один человек управляет и судит о пользе всей Поднебесной, то уподоблю его тому, чей взгляд ограничен. Ведь Высочайший знает, что добродетельные приносят пользу Поднебесной, но не ведает, как они губят

Глава 24

Поднебесную. Это познают лишь те, кто обходится без добродетельных.

Есть Нежный Красавец³⁴⁴, есть Предающийся Неге, есть Хватающий Согбенный. Этот самый Нежный Красавец учит наизусть речи одного Прездорожденного — нежно, красиво — и втайне сам собою любит, считая, что этого достаточно, и не ведая, что еще и не начал что-либо познавать. Вот такой называется Нежным Красавцем. Предающийся Неге подобен вше на шкуре свиньи. Выбирая, где щетина пореже, вошь чувствует себя в обширном дворце, огромном парке. Покойными и удобными местечками она считает щели в копытах, складки кожи, промежутки между сосцами, бедрами. Не ведает, что однажды утром мясник взмахнет руками, подстелет травы, разведет огонь и спалит ее вместе со свиньей. Вот такой, кто толчется в одном мире, то входя в него, то выходя, и называется Предающимся Неге.

Хватающий Согбенный — это Ограждающий. Баранине ни к чему муравьи, но муравьям нравится запах баранины. Поступки Ограждающего пахли, как баранина, и народу он понравился. Трижды он переселялся³⁴⁵, создавая города. Когда переселялся на пустыри в Дэн, с ним уже было десять раз по десять тысяч семей.

Услышав о добродетели Ограждающего, Высочайший выделил ему Отрочью землю³⁴⁶ и сказал:

— Надеюсь, земля обретет благоденствия с его приходом.

Сюй Отрицающий Душу

Поднимая Отрочью землю, Ограждающий телом поста-
рел, разумом одряхлел, а все не мог найти покоя, вернулся
домой. Вот и назывался Хватающим Согбенным.

Поэтому-то Проницательный и не любит, чтобы к нему
стекалась толпа. Если толпа стекается, он с ней не сближа-
ется, если не сближается, для нее бесполезен. Поэтому он не
слишком с нею сближается, не слишком от нее отдаляется.
Тот, кто хранит свойства и лелеет гармонию, чтобы следо-
вать за Поднебесной, и называется настоящим человеком.
Он отбрасывает смысл, подобный баранине; отбрасывает
знания, подобные муравьиным, и обретает средство, подоб-
ное рыбьему³⁴⁷.

Глазами всматривается в видимое, ушами вслушивается в
слышимое, сердцем отвечает познаваемому — такой ровен,
как отвес, а в изменениях следует пути.

Настоящий человек древности воспринимал все с помо-
щью природного, не вносил в природу человеческого. Таков
был настоящий человек древности.

Обрел это — родился, утратил это — умер. Обрел то —
умер, утратил то — родился. Какое из лекарств станет вла-
дыкой главным ныне: воронья голова, или цзегэн, куриная
голова, или чжулин?³⁴⁸ Разве все это можно перечислить?

Когда Гоуцзянь и три тысячи латников со щитами засели
на Куйцзи-горе, только Вэнь Чжун³⁴⁹ знал, как сохранить
царство при поражении; только Вэнь Чжун не ведал, какая
скорбь уготована ему самому. Поэтому и говорится: «И гла-

Глава 24

за совы бывают пригодны»; «И на ноге аиста есть коленце, отними — станет больно». Поэтому и говорится: «Ветер перелетит через Реку, и воды убавится; солнце перейдет через Реку, и воды убавится». Ветер вместе с солнцем сдерживают Реку, Река же считает, что ее никогда не затрагивают, что она от истоков течет вдаль. Поэтому вода держит землю, это ее рубеж; тень держит человека, это его рубеж; одну вещь держит другая вещь, это для каждой вещи рубеж. Поэтому, чем острее взор, тем опаснее; чем тоньше слух, тем опаснее; чем сильнее стремление сердца, тем опаснее; каждая способность, исходящая изнутри, опасна. Когда опасность созрела, ее не устранишь. Бедствия возрастают и стекаются тучами. Их предотвращение требует больших трудов, а результат — долгого ожидания. А человек — увы! — считает их органы чувств своим сокровищем. Поэтому-то без конца и губят царства, убивают жителей, и никто не умеет спросить: почему? Нога человека, ступая по земле, занимает мало места. Пусть мало, но, опираясь на него, идет к непознанному³⁵⁰ и познает затем то, что называется природой. Познает великое единство, познает великую силу тьмы, познает великое зрение, познает великое доверие, познает великое утверждение, это познание — высшее. Великим единством все объединяет, великим равновесием следует природе каждого, великой безграничностью следует форме каждого, великим доверием предоставляет каждого своей сущности, великим утверждением держится самоутверждение каждого.

Сюй Отрицающий Душу

Во всем до конца — природа. Следуя ей, обретают понимание. Тьма обладает стержнем, от нее начинаются и другие вещи. В ней их расчленение, но будто без расчленяющего; познание же этого будто не познание. Тот, кто не знает, впоследствии это познает. Вопросам об этом не может быть предела, но нельзя их задавать и беспредельно. Вещи легки, неуловимы, но каждая обладает своей сущностью; ни в древности, ни ныне одна не заменяет другую, нельзя никакую вещь умалить. Почему же тогда не дать название тому, что обладает великим проявлением и доказательством? Почему же не спросить о сущности? К чему сомневаться? Чтобы разрешать сомнения³⁵¹ с помощью несомненного, возвращаясь снова к несомненному вплоть до великого несомненного.



Глава 25

ПОДРАЖАЮЩИЙ СВЕТУ

Подражающий Свету³⁵² странствовал в Чу. И Преданный Долгу³⁵³ сказал о нем царю, но царь его еще не принял, а И Преданный Долгу уже вернулся к себе домой.

Подражающий Свету увиделся с Ваном Решительным³⁵⁴ и сказал:

— Почему бы вам, учитель, не заговорить обо мне с государем?

— Мне далеко до Гуна Ушедшего От Смотров, — ответил Ван Решительный.

Подражающий свету

— А чем занимается Гун Ушедший От Смотров? — спросил Подражающий Свету.

— Зимой бьет острой черепашьей в Реке, а летом отдыхает на горе, в тени, — ответил Ван Решительный. — Когда расспрашивают его прохожие, отвечает: «Это мое жилище». Ведь если не сумел представить вас царю И Преданный Долгу, разве я сумею? Мне далеко до И Преданного Долгу. Ведь что за человек И Преданный Долгу! Свойств нет, а знаниями обладает. Если, не опираясь на собственную волю, используете его чудесную способность к связям, он, конечно, погрузит вас во мрак богатства и знатности, поможет не обрести свойства, а их истощить. Ведь замерзающему он одолжит одежду весной, а умирающему от жажды посулит, напротив, холодный ветер зимой. А что за человек царь Чу! С виду — величествен и суров, с провинившимися беспощаден, словно тигр. Кто сумеет склонить его, кроме льстецов, поправших истинные свойства! Поэтому мудрый в крайней нужде заставляет домашних забыть о бедности; будучи проницательным, заставляет царей и знатных забыть о рангах, о жалованье и стать скромными; среди вещей вместе с другими наслаждается; среди людей он одобряет тех, кто, сохраняя себя, проникает в вещи. Поэтому даже без слов он поит людей гармонией; рядом с людьми их улучшает; как должно отцу поступать с сыном, возвращает их в свое жилище. А отдыхая от своих благотворений, отдалается от людских помыслов. Поэтому и говорю: «Дождись Гуна Ушедшего От Смотров»!

Глава 25

Мудрый видит все связи между собой и другими в единстве, сам не ведая почему, — таков его характер. Отвечая колебаниям жизни, он считает своим учителем природу, люди же вслед называют его учителем. Печально, что не узнают и не делают этого постоянно, и вскоре приходит конец. Каким же образом? А вот как: красивому от рождения люди дают зеркало. Не поведали бы, и не узнал, что красивее других. То ли знал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет; а радоваться мог бы до смерти без конца; люди любовались бы на него также без конца — таков характер. Мудрый же любит людей, и люди так называют его. Не назвали бы и не ведал бы, что любит людей. То ли ведал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет, а его любовь к людям длилась бы до смерти без конца, и люди наслаждались бы ею так же без конца — таков характер.

Родное царство, родная столица, взглянуть на них издали — какое счастье! Пусть это даже скопление холмов и курганов, заросших травами и деревьями, но девять из десяти вернувшихся все же будут счастливы, а особенно когда увидят уже виденное, услышат уже слышанное. Это словно башня в десять жэней высотой, которой любитесь весь народ.

Муж из рода Гадателей На Черепашьей Бороде³⁵⁵ обрел центр <ось>, чтобы следовать за образованием вещей. Вместе с вещами не знал ни конца, ни начала, ни краткого мига, ни дня. Изменяясь вместе с вещами, в одиночестве не изме-

Подражающий свету

нялся. Почему же на этом не остановился? Ведь тот, кто учится у природы, не способен учиться у природы; кто вершит дела в соответствии с вещами, вместе с вещами гибнет. Каким же образом? Мудрый никогда не стремится обладать природным, никогда не стремится обладать человеческим, никогда не стремится обладать началом, никогда не стремится обладать вещами. Двигается вместе со своим временем и никого не заменяет; поступки его целостны, он не терпит поражений и объединяется с путем — вот как!

Испытующий узнал начальника дворцовой стражи и ведающего колесницами — Восходящего и Неуклонного³⁵⁶ — и сделал их своими наставниками. Следуя за наставниками, он этим не ограничился и обрел способность следовать за образованием вещей. А эту заслугу приписал своим должностным лицам. Таким способом добился выигрыша: обрел двух выдающихся. Конфуций же считал, что дело учителя «испытать все свои помыслы».

Юн Чэн-цзы сказал:

— Без дня нет и года, без внутреннего нет и внешнего.

Юн, царь Вэй, заключил клятвенный союз с царем Моу из рода Тянь. Когда Моу нарушил договор, Юн в гневе хотел послать человека его заколоть. Узнав об этом, полководец Носорожья Голова пристыдил царя:

— Вы, государь, властелин тьмы колесниц, собираетесь поручить месть одному человеку. Я, Янь, прошу дать мне

Глава 25

двести тысяч латников. Для вас, государь, я нападу на него, пленю его народ, угоню его буйволов и коней, так что внутренний жар этого царя скажется на его спине. Затем я захвачу его страну, и когда он в ужасе побежит, я ударю его в спину и перебью позвоночник.

Услышал об этом Цзи-цзы и пристыдил:

— Строили стену высотой в десять жэней. Теперь же, когда стена в десять жэней выстроена, снова сломать ее — тяжкий труд скованных вместе преступников. Ныне уже семь лет как не было войны. Это — опора государя. Янь — смутьян, его нельзя слушать.

Услыхал об этом Хуа-цзы и их обругал:

— Призывающий напасть на Ци — смутьян. Призывающий не нападать — тоже смутьян. Тот, кто называет смутьянами сторонников и противников нападения, тоже смутьян.

— Что же делать? — спросил царь.

— Царь должен лишь стремиться найти путь, — ответил Хуа-цзы.

Услышав об этом, Творящий Благо представил царю Нессущего Возвышенное³⁵⁷, и тот спросил:

— Знает ли царь так называемую улитку?

— Да, — ответил царь.

— На левом рожке улитки расположено царство, которое зовется родом Бодливых, на правом рожке улитки³⁵⁸ расположено царство, которое зовется родом Диких. Они все время воюют друг с другом за землю. Убитые падают де-

Подражающий свету

сятками тысяч, преследуют разбитого врага десять дней и еще пять, а затем только возвращаются.

— Ах, пустая болтовня! — воскликнул царь.

— Разрешите мне, вашему слуге, показать это вам, государь, наглядно. Подумайте, государь, о пространстве во всех четырех сторонах, в зените и надире. Есть ли ему предел³⁵⁹?

— Нет предела.

— Познав, как странствовать мыслью в беспредельном, обратитесь к известным царствам, ведь они вроде бы существуют, а вроде бы и не существуют?

— Да.

— Среди известных царств есть Вэй, в Вэй находится столица Лян, а в Лян — вы, государь. Есть ли различие между вами, государь, и родом Диких?

— Нет различия, — ответил царь.

Гость ушел, а царь остался в смятении, точно в забытьи. Когда гость удалился, подошел Творящий Благо и царь сказал:

— Гость — великий человек. Ему недостойно противостоять ни один мудрец.

— Когда играют на флейте, — сказал Творящий Благо, — слышится мелодия. Когда же дуют в кольцо эфеса, слышится лишь свист. Люди восхваляют Высочайшего с Ограждающим, а ведь Высочайший с Ограждающим перед Несущим Возвышенное уподобятся лишь свисту.

Конфуций пришел в Чу и остановился у продавца кашницы на Муравьином холме. Его соседи — муж с женой, слуги и служанки поднялись на высокое место <крышу>.

Глава 25

— Что делают эти люди? — спросил Цзылу.

— Это рабы мудрого, — ответил Конфуций. — Он похоронил себя в народе, скрылся среди полей. Голос его умолк, но воля его не иссякла. Хотя уста его говорят, но мыслей никогда не высказывают. Притом он противостоит всему своему поколению и брезгует с ним объединяться. Он — тот, кто «утопился на суше», из таких, как Удалец С Юга От Рынка, Обязанный К Черной Работе.

Цзылу попросил разрешения пойти и позвать его, но Конфуций сказал:

— Оставь! Он знает меня, Цю, лучше, чем я сам. Знает, что я, Цю, пришел в Чу, и думает, что я стану добиваться приглашения царя Чу. Ведь он считает меня болтуном. Он постыдится слушать речи болтуна, а тем более с болтуном встречаться. Почему ты думаешь, что он еще там?

Цзылу пошел и взглянул — комната соседей оказалась пустой.

Страж Границы Высокий Платан спросил у Цзылао³⁶⁰:

— Не должен ли государь, верша дела, пахать тщательно, а управляя народом, не разрывать ростков? Прежде, сея, я пахал небрежно, и поле вознаграждало меня зерном также небрежно; полел, разрывая ростки, и вознаграждали меня также разорванные ростки. На следующий год я ввел другие порядки: пахал глубоко, как следует боронил, и зерно уродилось обильно. Весь год я ел досыта.

Услышав об этом, Чжуан-цзы сказал:

Подражающий свету

— Многие нынешние люди относятся к своей телесной форме и к сердцу так, как говорил Страж Границы. Ради всевозможных дел бегут от своей природы, покидают свой характер, уничтожают собственные чувства, губят свой разум. Вот у того, кто небрежно вспахивает свой характер, в характере и остаются корни зла — любви и ненависти. Осока и тростник, зарождаясь, сначала будто поддерживают мою телесную форму, но стремятся искоренить мой характер, а потом без разбора, отовсюду просачиваются и прорываются, вызывая язвы, нарывы, пылая внутренним жаром и исходя гноем. Вот оно что!

Кипарисовый Наугольник³⁶¹, учась у Лао-цзы, сказал:

— Дозволь странствовать по Поднебесной.

— Оставь, — ответил Лао-цзы. — Поднебесная всюду одинакова.

Кипарисовый Наугольник повторил свою просьбу, и Лао-цзы спросил:

— Откуда же ты начнешь?

— Начну с Ци, — ответил Кипарисовый Наугольник. — Приду туда, увижу казненного³⁶², подниму его и поставлю, сниму с себя придворную одежду, прикрою его и стану оплакивать, взывая к Небу: «Сын мой! Сын мой! Поднебесную постигло великое бедствие, и ты первый пал его жертвой!» Говорят: «Не становись разбойником! Не становись убийцей!» Но с тех пор, как возвели в закон славу и позор, появились и пороки, с тех пор, как стали копить товары и иму-

Глава 25

щество, начались и тяжбы. Ныне возвели в закон то, что ожесточает людей; накопили то, из-за чего ведутся тяжбы; довели людей до крайности, лишив их покоя. Как же можно теперь предотвратить злодеяния! Древние государи за все блага воздавали хвалу народу, а во всех бедах винили себя; все истинное видели в народе, а заблуждения — в себе. Поэтому только один царь терял свое тело и, порицая сам себя, уходил из жизни. Ныне же все по-иному. Скроют происшедшее и порицают не ведающих о нем за глупость; поставят невыполнимую задачу и осудят за отсутствие смелости; возлагают тяжкие обязанности и покарают за то, что с ними не справились; пошлют дальней дорогой и казнят за опоздание. Люди же, зная, что сил не хватит, заменяют их притворством. С каждым днем все больше лицемерия у высших. Как же могут не лицемерить и мужи, и народ? Ведь если не хватает силы, притворяются; не хватает знаний — обманывают; не хватает имущества — грабят. Но кого же тогда можно обвинять за кражу?

Цюй Боюй проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что в начале утверждал, под конец изгонял и отрицал. Он еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным!

Вся тьма вещей живет, а корней не видно; появляется, а ворот не видно. Все люди почитают то, что познано знанием; а не ведают, что познание начинается лишь после того, как, опираясь на знания, познают непознанное. Разве не на-

Подражающий свету

зовут это великим сомнением? Оставь, оставь! Ведь от этого никуда не скроешься! Это и есть так называемая истина? Да!

Конфуций спросил у великих хронистов — Большого Чехла, Дяди Всегда Ошибающегося и Кабаньей Шкуры³⁶³:

— Почему вэйский царь получил посмертный титул Лин Чудотворный?³⁶⁴ Ведь он пьянствовал, предавался наслаждениям, не вникал в управление царством. Охотился с облавами, собаками, силками и привязными стрелами, но не вступал в союзы с другими правителями.

— Именно по этой причине, Лин Предмет Одушевленный, — ответил Большой Чехол.

— У этого царя было три жены, — ответил Дядя Всегда Ошибающийся, — он с ними купался в одной ванне. Когда же по царским делам туда вошел Хронист Ю, царь схватил материю и распростер будто крылья. Столь беспутный, он стал таким почтительным при виде добродетельного. Поэтому и назван посмертно Лин Сообразительный.

— После смерти царя гадание о захоронении на родовом кладбище оказалось несчастливым, гадание же о захоронении на Песчаных холмах — счастливым. Когда рыли, на глубине нескольких жэней нашли каменный саркофаг. Очистив, увидели надпись, которая гласила: «Нет доступа сыновьям. Царь Лин займет его и в нем поселится». Ведь царь уже давно стал Лином покойником. Разве достойны об этом знать те двое? — так сказал Кабанья Шкура.

Малое Знание³⁶⁵ спросило у Справедливого Приводящего К Согласию:

Глава 25

— Что означают речи о селениях?³⁶⁶

— В селениях по обычаю объединяются десяток фамилий, сотня имен. Объединяются различные, считаясь подобными; рассеиваются подобные, считаясь различными. Если ныне назовешь сотню частей коня, конь не получится. Если же конь стоит перед тобой, стоит со всей своей сотней частей, то назовешь его конем. Поэтому скапливаясь из низкого, холмы и горы становятся высокими; собирая воду, реки становятся широкими. Великий человек всех объединяет и все считает общим. Поэтому если мысли приходят извне, он на своем не настаивает; если исходят от него и справедливы, ему не возражают. У каждого из четырех времен года особый эфир, но ни одному природа не оказывает предпочтения, поэтому год завершается. У каждого из пяти начальников особые обязанности, но если государь не пристрастен, то в царстве порядок. Великие люди не награждали ни за красоту, ни за храбрость, поэтому свойства были целостными. У каждой из всей тьмы вещей свои законы, но путь беспристрастен, поэтому не обладает именем. Не обладает именем, поэтому передается недеянию, предаваясь недеянию, все совершает. У времени есть конец и начало, у поколения много перемен, распространяются и беда, и счастье. И даже в том, чему противятся, находят должное. Тот, кто стремится к своему особенному, ошибается в том, что пытается исправить. Уподобим это большому озеру, которое всей растительности отмеряет влагу; взглянем на высокую гору, на жертвенном алтаре которой вместе и деревья, и камни. Вот что означают

Подражающий свету

речи о селениях, — так ответил Справедливый Приводящий К Согласию.

— Достаточно ли этого, чтобы заслужить название «путь»? — спросило Малое Знание.

— Нет, — ответил Справедливый Приводящий К Согласию. — Ныне, считая число вещей, не остановимся на десяти тысячах, а говорим условно «десять тысяч» «тьма»; называя, говорим самую большую цифру. И небо и земля по форме больше всего; силы холода и жары по скоплению эфира больше всего. Путь же — общий. Они так огромны, что, называя их так, говорим, так бывает. Но допустимо ли такое сравнение? Не так же ли далеко оно от пути в этом суждении, как сравнение с собакой или конем?

— Как возникает жизнь всей тьмы вещей внутри четырех стран света, в пределах шести единств? — спросило Малое Знание.

— Жара и холод друг друга освещают, друг друга губят, друг друга обуздывают, — ответил Справедливый Приводящий К Согласию. — Четыре времени года друг друга сменяют, друг друга порождают, друг друга убивают. И тут поднимаются и любовь, и ненависть, и домогательства, и отказ. И тут становится обычной краткая случка самца и самки. Покой и опасность друг друга сменяют, счастье и беда друг друга теснят, сбор и рассеяние формируют вещи. Название и сущность подобного рода можно запомнить, мельчайшее можно удержать в памяти. Вещи последовательно друг на друга воздействуют по закону каждой из них, поднимаясь и

Глава 25

вращаясь, друг друга отсылают, за тупиком открывается поворот, за концом — начало. Таково то, чем обладают вещи, что исчерпывается в словах, что постигается знаниями, высшее в вещах на этом и кончается. Люди, которые наблюдают за путем, не следуют затем, что кончается, не восходят к тому, что начинается, на этом суждения и прекращаются.

— Кто из двух прав в своей сущности, — спросило Малое Знание, — а кто односторонен в своем суждении? Цзи Истинный³⁶⁷, говоря, «Путь предается недеянию», или Продолжатель, говоря, «он возможно воздействует»?

— Петух кукарекает, собака лает — таково познанное человеком, — ответил Справедливый Приводящий К Соглашению. — Но даже обладающий большими познаниями не смог бы рассказать в словах об их самоизменении, не смог бы определить и в мыслях, что они станут делать. Если их объяснять по отдельности, то мельчайшее не с чем сравнивать, а величайшее не охватить. Мнения, что «путь предается недеянию» или «возможно воздействует» — неизбежны в приложении к вещам, но в конце концов будут признаны ошибочными. «Возможно воздействует» — значит, обладает сущностью; «предается недеянию» — значит, обладает пустотой. Обладать названием, обладать сущностью — состояние вещи; без названия, без сущности — пустота без вещи. Об этом можно говорить, можно думать, но, чем больше слов, тем дальше от пути. Еще не родившимся не запретишь родиться, умирающим не помешаешь умереть. Умирают и рождаются рядом, а закона жизни и смерти не разглядишь.

Подражающий свету

В мнениях «возможно воздействует», «предается недеянию» сомнительно само допущение. Когда я смотрю на его основание, оно уходит в беспредельность; когда я ищу его вершину, не могу увидеть конца. Беспредельное, бесконечное — для него нет слов. При законах, общих с вещами, слова «возможно воздействует», «предается недеянию» относятся к основанию, но от начала до конца связаны с вещами. Пути не может ни быть, ни не быть. Название «путь» — лишь предположение. «Возможно воздействует», «предается недеянию» — эти мнения связаны лишь с одной стороной вещей. Разве внимают им люди глубоких мыслей? Если бы слов было достаточно, то, проговорив целый день, сумели бы исчерпать путь. Поскольку же слов недостаточно, то, проговорив целый день, можно исчерпать лишь вещи. Путь — высшее для вещей, его не вместить ни в слова, ни в молчание. Ни в словах, ни в молчании высшее о нем не выразить.



Глава 26

ВЕЩИ ВНЕ НАС

Вещи вне нас не дают определить их необходимость для нас³⁶⁸. Поэтому Встреченный Драконом был казнен, царевич Цит был зарезан, Сидящий На Корточках притворился безумным, Несущий Зло³⁶⁹ умер, Разрывающий На Части и Бесчеловечный погибли. Каждый хозяин ждет преданности от своих слуг, но преданному вряд ли поверит. Поэтому тело У Цзысюя носилось по реке, а Чан Хун умер в Шу. Кровь его в тайнике через три года обратилась в лазоревый камень. Каждый отец ждет поч-

тительности от сыновей, но почтительного вряд ли полюбит. Поэтому Сяо Цзи³⁷⁰ печалился, а Цзэн-цзы скорбел. Когда дерево трут о дерево, оно загорается, когда металл противостоит огню, он плавится. Когда силы жара и холода действуют в беспорядке, небо и землю охватывает большое возмущение. Тут и раскаты и удары грома, в ливне вспыхивает огонь и сжигает даже огромную софору³⁷¹. Горе человека еще сильнее. Он между двух опасностей, ему некуда бежать. В тревоге ничего не может совершить, сердце будто мечется между небом и землей, соболезнает, утешает в скорби, тонет в опасностях. Когда же польза и вред теснят друг друга, огонь разгорается еще сильнее и пожирает гармонию народа. Луне, конечно, не справиться с огнем³⁷². Тут наступает крушение, и учению приходит конец.

Семья Чжуана Чжоу была бедна, и он отправился к лучнику — Смотрителю Реки взять в долг зерна.

— Я скоро получу деньги с общины и ссужу тебе триста серебром, ладно? — ответил Смотритель Реки.

Чжуан Чжоу с гневом взглянул на него и молвил:

— Вчера, когда я, Чжоу, шел, посередине дороги меня окликнули. Я, Чжоу, оглянулся, заметил в колее Пескаря и спросил: «Зачем ты здесь, Пескарь?» Он же ответил: «Я ведаю волнами в Восточном море. Не найдете ли вы, благородный муж воды, хоть мерки или несколько пригоршней, чтобы спасти мне жизнь?» Я, Чжоу, ответил: «Я приведу тебе сюда воды Западной реки с юга от царей У и Юэ. Лад-

Глава 26

но?» Пескарь с гневом взглянул на меня и сказал: «Я утратил свою обычную среду, у меня нет выхода. Достань воды хоть мерку или несколько пригоршней, остался бы в живых. Чем говорить то, что сказали вы, благородный муж, лучше уж заранее искать меня в лавке с сушеной рыбой!»³⁷³

Царский сын Жэнь изготовил огромный крючок и толстую черную лесу, наживил для приманки пятьдесят молодых быков, уселся на корточках с бамбуковым шестом на Куйцзи-горе и забросил удочку в Восточное море. Удил утро за утром, но за целый год не поймал ни одной рыбы. Наконец проглотила приманку гигантская рыба, нырнула и утащила огромный крючок на самое дно, затем помчалась, вздымая плавниками седые волны, точно горы, всколыхнула всю воду морскую, распугала всех на тысячу ли вокруг грома, точно исходящим от богов и душ предков.

Раздобыв такую рыбу, царевич Жэнь ее разрезал, высушил и накормил досыта всех с востока от реки Чжэ до севера от Цаньфу. Об этом с восхищением передавали друг другу от поколения к поколению все рассказчики, даже самые ничтожные.

Ведь если с бамбуковой жердью и тонкой леской ходить к оросительной канаве, то выудишь лишь пескаря, а не гигантскую рыбу. Тем же, кто разукрашивает басни, домогаясь награды от начальства, далеко до больших достижений. Так вот и тому, кто не слышал предания о царевиче Жэне, далеко до участия в управлении миром.

Вещи вне нас

Конфуцианцы занимаются песнями и обрядами, чтобы разрывать могилы. Конфуцианец-учитель с кургана спрашивает:

— Как идет работа? Уж солнце показалось на востоке!

Конфуцианцы-ученики снизу ему отвечают:

— Еще не сняли нижнее и теплое платье покойника, во рту есть жемчужины.

В песне недаром поется:

Зеленая, зеленая пшеница
Покрыла склоны кургана.
При жизни не делал раздач,
Зачем же мертвому жемчужины во рту?³⁷⁴

Взялись конфуцианцы за волосы на висках трупа, прижали подбородок, металлическим шилом прокололи щеки, потихоньку разнимали челюсти, чтобы не повредить жемчужин во рту.

Ученик Старого Чертополоха³⁷⁵ ходил за хвостом, встретил Конфуция и, вернувшись, рассказал об этом учителю:

— Из какого там рода человек — не знаю. Туловище у него длинное, а ноги короткие, сгорбленный, а уши позади. Выглядит так, будто управляет всем среди морей.

— Это Цю, — сказал Старый Чертополох. — Позови его сюда.

Когда Конфуций пришел, Старый Чертополох сказал:

— Откажись, Цю, от своего тщеславия, от своего мудрого вида и станешь благородным мужем.

Глава 26

Сложив руки в приветствии, Конфуций отступил, а затем нахмурился и, изменившись в лице, спросил:

— Преуспеет ли мое дело?

— Сам не можешь вынести страданий одного поколения, а высокомерно навлекаешь беду на тьму поколений, — ответил Старый Чертополох. — Намеренно ли выдаешь себя за скудоумного? Не способен ли постичь общее? Совершать милости и упиваться радостью благодетельствованных, ведь это позор на всю жизнь! Так преуспевают лишь люди дюжинные, завлекая друг друга славою, связывая друг друга корыстью. Чем хвалить Высочайшего и порицать Разрывающего На Части, лучше забыть о них обоих и пресечь то, чем они прославились. Повернешься, кому-то повредишь; шевельнешься, что-то извратишь. Ведь мудрый каждый раз добивается успеха, но, приступая к чему-либо, полон нерешительности. А как быть с тобой? Так до конца и останешься высокомерным?!

Сунский царь Юаньцзюнь в полночь увидел во сне, как человек с распущенными волосами заглянул к нему из-под крышки и сказал:

— Я — из пучины Перерезывающей дорогу. Я — посланец к Дяде Реки от реки Цинцзян. Меня поймал рыбак Провидец.

Юаньцзюнь проснулся и велел разгадать сон. Гадание гласило: «Это Священная черепаха»³⁷⁶.

— Есть ли среди рыбаков Провидец? — спросил царь.

— Есть, — ответили слева и справа.

Вещи вне нас

— Повелеваю Провидцу явиться ко двору,— приказал царь.

На другой день Провидец явился, и государь спросил:

— Что поймал?

— В мои, Провидца, сети попалась седая черепаха,— ответил тот,— круглая, на пять чи.

— Поднеси мне свою черепаху,— велел царь.

Когда черепаху доставили, царя охватили сомнения: то хотелось ее убить, то хотелось оставить в живых. Гадание же о ней гласило: «Убить черепаху для гадания — к счастью!» Тогда черепаху зарезали. Семьдесят два раза прижигали ее панцирь, и все записи на бирках подтвердились.

— Священная черепаха сумела явиться во сне царю Юаню,— сказал Конфуций,— а не сумела избежать сетей Провидца. Ее знаний хватило на семьдесят два гадания — все записи на бирках подтвердились, а не хватило знаний избежать беды — не быть выпотрошенной. Так что и знания приносят трудности, и священному чего-то не хватает. Даже того, кто обладает высшим знанием, перехитрит тьма людей. Рыба не боится сетей, а боится розового пеликана. Откажись от малого знания, и проявится большое знание, откажись от доброты, и проявится естественная доброта.

Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя, ибо живет вместе с говорящими.

Творящий Благо сказал Чжуан-цзы:

— Ты говоришь о бесполезном.

Глава 26

— С тем, кто познал бесполезное, можно говорить и о полезном, — ответил Чжуан-цзы. — Ведь земля и велика и широка, а человек ею пользуется лишь в размере своей стопы. А полезна ли еще человеку земля, когда рядом с его стопой роют ему могилу вплоть до Желтых источников?

— Бесполезна, — ответил Творящий Благо.

— В таком случае, — сказал Чжуан-цзы, — становится ясной и польза бесполезного.

Чжуан-цзы сказал:

— Может ли не странствовать человек, способный странствовать? Может ли странствовать человек, не способный странствовать? Ах! Скрыться, порвать с миром — не в этом назначение обладающего истинным знанием и полной свойств. Ведь те падают, но не возвращаются, мчатся сквозь огонь, но не оборачиваются. Пусть люди относятся друг к другу, как царь и слуга, но лишь временно. Сменится поколение — и не станут презирать один другого. Поэтому и говорится: «Настоящий человек не оставляет следов своих деяний». Уважение к древности и презрение к современности — таков обычай учеников, а тем более последователей рода Кабаньей Шкуры. Кого из них не увлекло течением, судя по сегодняшнему миру? Только настоящий человек способен странствовать среди современников, не отклоняясь, следовать за другими, не теряя самого себя, не изучать чужих учений, но, не чуждаясь, воспринимать их мысли.

Вещи вне нас

Зрение пронизательное создает прозорливость, слух острый создает понимание, обоняние тонкое создает чуткость, вкус тонкий создает сладость, сердце пронизательное создает знания, знания пронизательные создают свойства. Ни один из этих путей не хочет быть прегражденным, преграды вызывают спазмы, если и при спазмах помехи не прекращаются, начинают топтать ногами, а это приносит огромный вред. Вещи, которые обладают знаниями, зависят от дыхания³⁷⁷, если дыхание неглубокое, в этом не вина природы. Прodelанные природой отверстия не закрываются ни днем, ни ночью, и только люди их затыкают. В утробе важна пустота, в сердце — естественное движение. Если в доме тесно, свекровь со снохами всегда ссорится. Если в сердце нет естественного движения, восприятия шести отверстий друг друга теснят. Насколько хороши для человека большие леса и высокие горы — не выразить даже пронизательному.

Добродетель, переливаясь через край, переходит в славу; слава, переливаясь через край, переходит в насилие. Замыслы возникают в крайности, знания появляются в спорах. Независимость появляется у того, кто упорно стоит на своем. Дело начальников будет успешным, если народ признает его должным. Весною в дождь и на солнце травы и деревья растут неудержимо, и тут пускают в ход серпы и мотыги. Но больше половины растений снова поднимаются, а почему — не ведают.

Глава 26

Тишиной можно помочь исцелить болезнь, массируя углы глаз, можно остановить старость, покоем можно вылечить испуг. Хотя подобное — дело лишь тружеников. Не испытав этого, предающиеся праздности не спрашивают об этом. О том, как мудрые предостерегли Поднебесную, проныцательные не ведали и не спрашивали. О том, как достойные предостерегали своих современников, мудрые не ведали и не спрашивали. О том, как государи предостерегали свое царство, достойные не ведали и не спрашивали. О том, как малый люд сообразуется с временем года, благородный муж не ведает и не спрашивает.

У стража Широких ворот³⁷⁸ умер отец, и страж ухитрился так исхудать, что заслужил ранг «пример для служащих». Тогда его сородичи стали доводить себя до такой худобы, что половина из них умерла.

Высочайший отдавал Поднебесную Никого Не Стесняющему, но Никого Не Стесняющий от него сбежал. Испытующий отдавал Поднебесную Омраченному Свету, но Омраченный Свет на него рассердился. Услышал³⁷⁹ об этом Помнящий О Других, увел своих учеников и уселся на корточках у реки Пустота. Все правители его оплакивали три года, а Наставник Олень с горя бросился в реку.

Вершей пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле

Вещи вне нас

зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова. Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!



Глава 27

ПРИТЧИ

В девяти речах из десяти — притчи³⁸⁰. В семи из десяти — речи людей почитаемых. Речи всегда новые, как вино из чарки, совпадают с естественным началом. Девять из десяти притч, которые обсуждаются, заимствованы извне. Ведь родной отец не становится сватом для собственного сына. Лучше, чтоб хвалил сына не отец, а другой человек. Не моя-де вина, вина чужая. Если речи тождественны моим, соглашаюсь; не тождественны моим, возражаю; тождественные моим объявляю истинными;

Притчи

не тождественные моим объявляю ложными. Семь из десяти — речи почитаемых, слова уже высказанные. Это речи стариков, по возрасту — предшественников. Но если престарелые лишь по возрасту не обладают знаниями основы <мирными> и утка <военными>, начала и конца, то они не предшественники. Если человек ни в чем не определил других, у него нет человеческого пути. Такого, у которого нет человеческого пути, назовем прахом человека. Речи всегда новые, как вино из чарки, совпадают с естественным началом; поэтому и развиваю их беспредельно, используя до конца лет своих. Пока нет слов, есть согласие. Согласие со словами не согласуется; и слова с согласием не согласуются. Поэтому и говорится «без слов». Речь не нуждается в словах. Бывает, что человек говорит всю жизнь, а ничего не скажет. Бывает, что всю жизнь не говорит, а все скажет. Бывает, что имеет свое мнение о возможном и невозможном, свое мнение об истинном и неистинном. Почему истинно? Истинно оттого, что истинно. Почему неистинно? Неистинно оттого, что неистинно. Почему возможно? Возможно оттого, что возможно. Почему невозможно? Невозможно оттого, что невозможно. В вещах, конечно, есть истинное, в вещах, конечно, есть возможное. Нет вещи без истинного, нет вещи без возможного. Но кто же способен овладеть этим надолго без речей, всегда новых, как вино из чарки, совпадающих с естественным началом? Вся тьма вещей делится на роды, вещи заменяют одна другую от начала до конца, будто по кругу, лишь в различной телесной форме. Их закона не уловить.

Глава 27

Это называется равновесием природы. Равновесие природы и есть естественное начало.

Чжуан-цзы сказал Творящему Благо:

— Конфуций проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что вначале объявлял истинным, под конец объявил ложным. Он еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным?!

— Конфуций полон желания трудиться, он преклоняется перед знаниями, — сказал Творящий Благо.

— Конфуций от этого отказался, но о своем отказе еще не говорил, — сказал Чжуан-цзы. — Слова Конфуция гласят: «Ведь человек получает от великой основы свои способности, а затем и разум, чтобы родиться. Когда поет, должен соблюдать тон, когда говорит, должен соблюдать правила. Если я пекусь о пользе и справедливости, то любовью и ненавистью, истинным и ложным покоряю лишь людские уста; а чтобы покорить людские сердца, должен решиться им противостоять и тогда определить установления Поднебесной. Увы! Увы! Ведь мне этого не достичь».

Цзэн-цзы дважды служил, и чувства его дважды менялись. Он сказал:

— Я служил при жизни родителей, получал лишь три фу, а сердце радовалось. Потом получал три тысячи чжунов³⁸¹, но не посылал родителям, и сердце мое печалилось.

Ученики спросили у Конфуция:

Притчи

— Можно ли такого, как Цзэн-цзы, считать невиновным в корысти?

— Была корысть. Разве свободный от корысти предавался бы печали? Такой смотрел бы на три фу или три тысячи чжунов, как птичка на пролетающего перед ней комара.

Странник Красоты Совершенной сказал Владеющему Своими Чувствами из Восточного предместья:

— С тех пор как я слушаю ваши речи, за первый год стал безыскусственным; за второй год научился следовать за другими; за третий год — постигать других; за четвертый год — уподобляться вещам; за пятый приблизился; за шестой год постиг разумом сообщения чувств³⁸²; за седьмой год завершил объединение с природой; за восьмой год забыл о смерти, забыл о жизни; за девятый год постиг великое мельчайшее.

При жизни действуют и умирают.

— Действительно ли это так? — спросил Советующий³⁸³. — Тогда для смерти есть причина, а для жизни, силы жара нет причины. Как же может в одном быть причина? Как же может в другом не быть причины? У неба есть число периодов, на земле есть местности, занятые человеком. Где же мне ее искать? Не ведаю, где она кончается. Разве в таком случае для нее нет предопределения? Не ведаю, когда она начинается. Разве в таком случае для нее есть предопределение? Если есть отклики, разве можно считать, что нет

Глава 27

душ предков? Если нет откликов, разве можно считать, что есть души предков?

Многие Полутени спросили у Тени:

— Почему раньше вы смотрели вниз, а теперь смотрите вверх; раньше собирали волосы в пучок, а теперь распустили; раньше сидели, а теперь встали; раньше двигались, а теперь остановились?

Тень ответила:

— Зачем спрашиваете о мелочах? Просто двигаюсь. Я этим обладаю, но почему, не ведаю. Я, быть может, подобна сброшенной змеиной коже, линовищу цикады, но, быть может, им и не подобна. В темноте и ночью я исчезаю, днем и при огне появляюсь. Не от них ли я завишу? А они еще от чего-то зависят? Они приходят, и я с ними прихожу, они уходят, и я с ними ухожу. Они зависят от сильного света, и я — от сильного света. Если это сильный свет, то зачем же у меня спрашивать?

Ян Цзыцзюй на юге достиг местности Пэй, и когда Лао-цзы, странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лао-цзы подъял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же вижу, что нельзя.

Ян Цзыцзюй промолчал. Когда же вошли в харчевню, Ян Чжу подал Лао-цзы воды для умывания и полоскания

Притчи

рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверьми, подполз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно мне, ученику, хотелось попросить у учителя объяснения, но не осмелился, ибо учитель шел без отдыха. Ныне же есть свободное время, дозвоьте мне задать вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? Ведь и «чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным»! — ответил Лао-цзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Цзыцзюй со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде в харчевне Ян Чжу приветствовали жильцы, хозяин приносил ему циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали место на циновке, гревшиеся давали место у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за место на циновке.



Глава 28

ПЕРЕДАЧА ПОДНЕБЕСНОЙ

Высочайший уступал Поднебесную Никого Не Стесняющему, но тот от нее отказался. Тогда Высочайший предложил ее Цзычжоу Отцу Устоявшему³⁸⁴. И Отец Устоявший молвил:

— Стать мне Сыном Неба? Это, пожалуй, возможно. Только хворь меня одолела, излечиться нужно, править Поднебесной мне недосуг. Не говоря уже о другом, хоть Поднебесная и важна, но не губить же за нее собственную жизнь.

Передача Поднебесной

Доверить Поднебесную можно лишь тому, кто не будет жаждасть управлять Поднебесной.

Ограждающий уступал Поднебесную Цзычжоу Дяде Устоявшему. И Дядя Устоявший молвил:

— Хворь меня одолела, излечиться нужно, править Поднебесной мне недосуг. Поднебесная, конечно, предмет огромный, но жизнь свою на нее не променяю.

Вот этим-то и отличаются от обычных людей те, кто владеют путем.

Ограждающий уступал Поднебесную Умеющему Свернуться, а тот молвил:

— Я стою в центре пространства, в центре времени. Зимой одеваюсь в шкуры, летом — в тонкую ткань из травы. Весной пашу и сею, даю телу потрудиться, осенью собираю урожай, даю телу отдохнуть. С восходом начинаю трудиться, с заходом — отдыхать. Среди неба и земли мне привольно, в сердце, в мыслях — доволен собой. Что мне делать с Поднебесной? Увы! Плохо ты меня знаешь!

Отказавшись от Поднебесной, он тут же ушел, удалился далеко в горы, а куда — неведомо.

Ограждающий уступал Поднебесную своему другу, Земледельцу из Каменных дворов³⁸⁵. И молвил Земледелец:

— Я от своего хозяйства устал, ведь я муж, отвечающий за сильных работников³⁸⁶. За твоими достоинствами, Ограждающий, мне не угнаться.

И тут они с женой взвалили пожитки на плечи, на голову, взяли за руки детей, ушли к морю и до конца жизни не вернулись.

Глава 28

Великий государь Отец Верный³⁸⁷ жил в Бинь, и на него напали Люди-Олени. Отец Верный поднес им шкуры и шелка — не приняли; поднес им собак и коней — не приняли; поднес им жемчуг и нефрит — не приняли. Люди-Олени требовали землю. И тут великий государь Отец Верный сказал:

— Слышал я, что нельзя губить народ из-за земли, которая служит ему для прокормления. Мне не вытерпеть, когда сосед старшего брата убивает младшего; когда сосед отца убивает сына. Все вы заставляете меня остаться здесь жить. Какая для вас разница, служить мне или Людям-Оленям?

Тут он взял кнут, оперся о посох и пошел. Народ цепью последовал за ним. Затем они создали царство под горой Двуглавой. Вот великого государя Отца Верного можно называть уважающим жизнь. Тот, кто способен уважать жизнь, даже будучи знатным и богатым, не станет губить себя из-за того, что служит ему для прокормления, даже будучи бедным и презренным, не станет навлекать на свое тело опасность ради выгоды. В нынешнем же мире тот, кто занимает высокий пост, обладает почетным рангом, ценит это, боясь потерять; а завидя выгоду, легкомысленно губит свое тело. Разве это не заблуждение?!

Жители Юэ убили одного за другим трех царей. Царский сын... <знак отождествлению не поддается>³⁸⁸ в страхе бежал в Красные пещеры. Юэсцы, оставшись без царя, долго его искали, не нашли и наконец отправились за ним в Красные пещеры. Царский сын... не пожелал к ним выйти.

Передача Поднебесной

Тогда юэсцы подожгли полынь, выкурили его из пещеры и возвели на царскую колесницу. Взявшись за вожжи, царский сын... взошел на колесницу, возвел очи к небу и, вздохнув, воскликнул:

— О! Сан царя! О! Сан царя! Отчего не миновал ты меня!

Не из ненависти к сану царя говорил так царский сын... а из страха перед грозившей ему бедой. Такой, как царский сын... можно сказать, не стал бы губить свою жизнь ради царства. Потому-то юэсцы и желали поставить его своим царем.

Царства Хань и Вэй спорили друг с другом из-за захваченной земли. Учитель Хуа-цзы встретился с царем Чжаоси³⁸⁹, который выглядел опечаленным, и ему сказал:

— Предположим, ныне перед вами, государь, высеченное на камне предание Поднебесной, которое гласит: «Возьмешь спорную землю левой рукой — правую потеряешь, возьмешь спорную землю правой рукой — левую потеряешь. Однако же, взяв спорную землю, овладеешь всей Поднебесной». Взяли бы вы ее, государь?

— Я, единственный, не взял бы, — ответил Чжаоси.

— Прекрасно, — сказал учитель Хуа-цзы. — Отсюда видно, что две руки важнее, чем вся Поднебесная, а тело важнее, чем обе руки. А ведь царство Хань намного меньше всей Поднебесной, оспариваемая же ныне земля намного меньше царства Хань. Вам, государь, конечно, не следует подобной скорбью ранить тело и губить жизнь.

Глава 28

— Прекрасно! — воскликнул царь Чжаоси. — Многие учили меня, единственного, но таких речей мне еще не удавалось слушать. Можно сказать, что учитель Хуа-цзы познал соотношение важного и неважного.

Прослышав о том, что Янь Врата Бытия овладел путем, лусский царь не замедлил отправить к нему гонца с шелком в дар. Янь Врата Бытия жил в грязной деревеньке, одевался в холст из пеньки, сам кормил и поил буйвола. Янь Врата Бытия вышел к гонцу лусского царя, и тот спросил:

— Это дом Яня Врата Бытия?

— Это дом Врата Бытия, — отвечал Янь.

Гонец поднес шелк, но Янь Врата Бытия молвил:

— Боюсь, что вы не поняли приказа и это могут вам поставить в вину. Не лучше ли проверить?

Гонец возвратился к царю, проверил и, когда явился снова, уже не нашел Яня.

Подобные Яню искренне ненавидят богатство и знатность. Недаром говорят: «Истина пути в том, чтобы совершенствоваться самому, все остальное лишь сор — и управление царством, и управление Поднебесной». Вот почему мудрый считает бесполезными заслуги предков и древних царей, они не нужны ни для самосовершенствования, ни для сохранения жизни. Разве не прискорбно, что ныне многие цари, погрязнув в пошлости, жертвуют жизнь ради вещей! Мудрому же надлежит выяснить причины, почему это происходит, почему так действуют. А ныне известен случай, когда жемчужиной суйского царя³⁹⁰ сбили из арбалета птич-

Передача Поднебесной

ку на высоте в тысячу жэней. Не смешно ли, что бесценное сокровище использовали для достижения столь ничтожной цели! Так разве жизнь не важнее сокровища суйского царя?

Учитель Ле-цзы попал в нужду и отощал от голода. Какой-то гость поведал об этом чжэнскому царю Цзяню.

— Разве государь, — спросил он, — не прослышет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле Защита Разбойников бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзянь тотчас велел служителю одарить Ле-цзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но прося не принял. Посланец удалился.

Ле-цзы вошел в дом. Жена посмотрела на него, стала бить себя в грудь и сказала:

— Слышала я, что семья человека, постигшего учение, обретает покой и радость. Мы же отощали от голода. Царь дарит вам, Преждерожденному, зерно. Разве это не судьба? А вы, Преждерожденный, отказываетесь!

Учитель Ле-цзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял дара.

А народ и вправду восстал и прикончил Цзяня.

Когда царь Чу Светлейший³⁹¹ лишился своего царства, за ним последовал мясник, забивающий овец, Рассуждающий³⁹².

Глава 28

Вновь обретя царство, государь стал награждать всех, кто не покинул его в беде. Очередь дошла и до мясника.

— Великий государь лишился царства, — сказал Рассуждающий, — и я лишился скотобойни. Ныне великий государь вновь обрел свое царство, и я, Рассуждающий, вновь обрел свою скотобойню. Так, ко мне, вашему слуге, вернулись и ранг, и жалованье. Какая же мне еще нужна награда?

— Заставить его принять награду, — передал в ответ государь.

— Не по моей, вашего слуги, вине великий государь лишился царства, — сказал Рассуждающий, — поэтому я не смею принять казни. Не моя заслуга в том, что великий государь вновь обрел царство, поэтому не смею принять и награды.

— Привести его ко мне, — велел царь.

— По законам царства Чу предстать перед царем можно, лишь получив награду за важные заслуги. Ныне же у меня, вашего слуги, не хватает знаний, чтобы сохранить царство; не хватает смелости, чтобы принять смерть в бою с разбойниками. После вторжения армии царства У в столицу Ин, я, Рассуждающий, в страхе бежал от разбойников, а не последовал за вами намеренно, великий государь. Ныне же вы, великий государь, желаете, чтобы я, Рассуждающий, предстал перед вами. О таком нарушении закона и клятвенного договора³⁹³ в Поднебесной мне, вашему слуге, еще не приходилось слышать.

Передача Поднебесной

Царь обратился к Конюшему Владеющему Своими Чувствами³⁹⁴ со словами:

— Мясник Рассуждающий звания весьма презренного, а суждения имеет весьма высокие. Передай ему от моего имени, чтобы занял место среди Трех великих мужей³⁹⁵.

И велел мясник передать царю:

— Я знаю, насколько место среди Трех великих мужей почетнее моего прилавка на рынке. Мне также известно, во сколько раз жалование в десять тысяч чжунов больше прибыли мясника. Но если я посмею кормиться от такого высокого ранга и жалования, моего государя станут называть безумно расточительным. Лучше мне вернуться на рынок, забивать овец.

Так мясник и не принял награды.

Юань Сянь жил в Лу за круглой оградой в доме, крытом соломой, проросшей травой. Поломанные двери из хвороста держались на тутовых ветках, окном служило горлышко разбитого кувшина. Заткнув окна сермягой, он и жена сидели выпрямившись и перебирали струны в своих комнатах, протекавших сверху и отсыревших снизу.

К Юань Сяню приехал в гости Цзыгуна запряженной рослыми конями колеснице с высоким передком, которая не смогла втиснуться в переулке. Цзыгуна, одетого в нижнее лиловое и верхнее белое платье, встретил у ворот Юань

Глава 28

Сянь в шапке из бересты, в соломенных сандалиях, опираясь о посох из белой мари³⁹⁶.

— Ах! — воскликнул Цзыгун. — Не заболели ли вы, Преждерожденный?

— Ныне я, Сянь, не болен, а беден, — ответил Юань Сянь. — Я, Сянь, слышал, что больным называют того, кто не способен осуществлять своего учения; а бедным того, кто не имеет богатства.

Цзыгун, пристыженный, остановился в нерешительности, а Юань Сянь, усмехаясь, сказал:

— Действовать в надежде на похвалу современников, сближаться со всеми и заводить друзей, учиться самому для других, а поучать других для себя, прикрываясь милосердием и справедливостью, украшать колесницу и коней — вот то, чего я, Сянь, не могу терпеть³⁹⁷.

Цзэн-цзы жил в царстве Вэй, одевался в посконный халат без верхнего платья. Лицо его опухло, руки и ноги покрылись мозолями. По три дня не разводил огня, по десять лет не шил себе одежды. Поправит шапку — кисти оторвутся, возьмется за ворот — локти обнажатся, схватится за соломенные сандалии — задники оторвутся. Но, шаркая сандалиями, он распевал шанские гимны, и голос его, подобный звуку металла и камня, наполнял небо и землю. Сын Неба не обрел в нем³⁹⁸ слуги, правители не обрели друга, ибо воспитывающий волю забывает о телесной форме, воспитываю-

Передача Поднебесной

щий телесную форму забывает о выгоде, постигший же путь забывает о сердце.

Конфуций сказал Янь Юаню:

— Подойди, Хой! Семья у тебя бедная, состояние низкое. Почему не идешь служить?

— Не хочу служить,— ответил Янь Юань.— У меня, Хоя, за городской стеной поле в пятьдесят му, урожая хватает на кашу, внутри городской стены поле в десять му, хватает и шелка, и пеньки. Игрой на цине достаточно себя веселю; учения, воспринятого у вас, учитель, достаточно для наслаждения. Я, Хой, не хочу служить.

Конфуций, изменившись в лице, печально сказал:

— Как прекрасны твои мысли, Хой! Я, Цю, слышал, что умеющий довольствоваться малым, не станет отягощать себя из-за выгоды; что не страшится утратить ее тот, кто способен удовлетвориться собой; что тот, кто совершенствует в себе внутреннее, не стыдится остаться без службы. Об этом я давно твердил, а ныне увидел это в тебе, Хой. Это и есть мое, Цю, приобретение.

Царевич Моу из Средних гор спросил у Чжань-цзы:

— Как мне быть? Телом скитаюсь по рекам и морям, а сердцем пребываю у дворцовых ворот в Вэй.

— Цени жизнь,— ответил Чжань-цзы.— Кто ценит жизнь, презирает выгоду.

Глава 28

— Знаю это, — ответил царский сын Моу, — да еще не могу с собой совладать.

— Не можешь с собой совладать, — сказал Чжань-цзы, — тогда следуй <за своими страстями>. Разума не повредишь. Помешать следовать <за своими страстями> тому, кто не может с собой совладать, — значит нанести ему двойную рану. Человеку же с двойной раной не войти в число долголетних.

Моу был сыном вэйского царя, владевшего тьмой колесниц. Ему было труднее скрыться в пещере на высокой скале, чем мужу в холщовой одежде³⁹⁹. Хотя он не достиг пути, но, можно сказать, имел о нем представление.

Терпя бедствие между Чэнь и Цай, Конфуций семь дней оставался без горячей пищи, питался похлебкой из лебеды, не заболтанной мукой. Выглядел очень изнуренным, но пел в комнате, подыгрывая себе на струнах.

Янь Юань собирал овощи, а Цзылу и Цзыгун заговорили между собой:

— Учителя дважды изгоняли из Лу, он заметал следы в Вэй, на него свалили дерево в Сун, он терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай. Того, кто убьет учителя, не обвинят в преступлении; тот, кто оскорбит учителя, не нарушит запрета⁴⁰⁰. А он все еще продолжает петь и играть на цине. Может ли благородный муж быть настолько бесстыдным?

Ничего не возразив, Янь Юань вошел к Конфуцию и обо всем ему передал. Конфуций оттолкнул цинь, глубоко вздохнул и сказал:

Передача Поднебесной

— Оба они, Ю и Сы, — ничтожные люди! Позови их, я им объясню.

Когда Цзылу и Цзыгун вошли, Цзылу произнес:

— Вот это можно назвать безвыходным положением!

— Что это за слова? — ответил Конфуций. — Постичь учение, вот что называется удачей для благородного мужа. Зайти в тупик в учении, вот что называется безвыходным положением. Если, храня учение о милосердии и справедливости, я, Цю, ныне встретился с бедствиями смуты, о каком безвыходном положении может идти речь? Поэтому тот, кто исследует свое внутреннее, не зайдет в тупик в учении, не утратив своих добродетелей перед лицом опасности. Лишь когда наступают холода и выпадает иней, мы узнаем красоту вечнозеленых сосен и кипарисов. Бедствие между Чэнь и Цай — да, для меня, Цю, это счастье!

Конфуций снова взялся за цинь, стал перебирать струны и петь. Цзылу поднял щит и с воинственным видом стал танцевать, а Цзыгун сказал:

— Насколько высоко небо, насколько низка земля — я не ведаю. А вот те, кто в древности обрел учение, радовались и в беде, радовались и при удаче. Их радость не зависела ни от беды, ни от удачи. Если есть учение и добродетель, тогда удача и неудача чередуются так же, как холод и жара, ветер и дождь. Поэтому Никого Не Стесняющий радовался на южном берегу Ин, а Гун Бо был доволен собой на вершине горы Гун⁴⁰¹.

Глава 28

Ограждающий уступал Поднебесную своему другу, Северянину Не Допускающему Выбора⁴⁰², и тот сказал:

— Удивительный вы, государь, человек! Жили посреди орошаемого поля, а прогуливались в воротах Высочайшего. И это еще не все! Еще хотите осквернить и меня своими позорными поступками. Мне стыдно на вас смотреть!

И он бросился в пучину реки Цинлин.

Собираясь идти походом против Разрывающего На Части, Испытующий стал советоваться со Вспыльчивым Суем⁴⁰³. Вспыльчивый же сказал:

— Не мое дело.

— С кем же можно посоветоваться? — спросил Испытующий.

— Я не знаю, — ответил Вспыльчивый.

Тогда Испытующий стал советоваться с Омраченным Светом. Омраченный Свет сказал:

— Не мое дело.

— С кем же можно посоветоваться? — спросил Испытующий.

— Я не знаю, — ответил Омраченный Свет.

— А каков Найденный На Реке Инь? — спросил Испытующий.

— Подвергнувшись насилию стерпит позор, — ответил Омраченный Свет. — О прочем не ведаю.

Тогда Испытующий, посоветовавшись с Найденным На Реке Инь, пошел походом против Разрывающего На Части и его победил.

Передача Поднебесной

Тут он стал уступать Поднебесную Вспыльчивому. Отказываясь, тот сказал:

— Вы, правитель, перед походом против Разрывающего На Части, просили моего совета, хотели выдать меня за бунтовщика. Победив Разрывающего На Части, уступаете мне Поднебесную, желая выдать за алчного. Я родился во времена смуты, но я не могу больше терпеть, когда человек без пути дважды оскверняет меня своими позорными поступками!

И тут Вспыльчивый бросился в воды реки Чжоу и утонул. Испытующий стал тогда уступать Поднебесную Омраченному Свету и сказал:

— Этот поход советовал знающий, его выполнил воинственный, милосердный же станет заселять Поднебесную — таково учение древних. Почему бы вам, мой учитель, не встать на трон?

Отказываясь, Омраченный Свет сказал:

— Свергнуть высшего — нарушить долг; убивать народ — нарушить милосердие. Если другой, рискуя, шел на преступление, мне пожинать его выгоду — значит стать бесчестным. Я слышал, что «нельзя принимать жалованье от того, кто нарушил свой долг; нельзя ступать на ту землю, где царствует человек без пути», а тем более позволять почитать себя! Я не могу больше этого терпеть!

И, взяв камень, Омраченный Свет погрузился в воды реки Лу.

Глава 28

В старину, когда возвысилось царство Чжоу⁴⁰⁴, в царстве Одинокый Бамбук жили два мужа, одного звали Старший Дядя Ровный, другого — Младший Дядя Равный. Они сказали друг другу:

— Мы слышали, будто кто-то на Западе постиг учение, попробуем сходить на него поглядеть.

Когда они прибыли к южному склону горы Двуглавой, о них услышал царь Воинственный и послал Чжоу-гуна с ними повидаться, а также заключить клятвенный союз со словами: «Примите должность первого ранга, жалованье увеличу на два ранга. Заколем жертвенное животное и его закопаем»⁴⁰⁵.

Поглядев друг на друга, оба мужа усмехнулись и сказали:

— Вот странно! Это не то, что мы называем учением. В старину, когда Священный Земледелец владел Поднебесной, он своевременно со всем уважением приносил жертвы, но не молил о счастье. И людям он был предан, полон доверия, все приводил в порядок, но ничего не просил. Те, кому нравилось вместе с ним управлять, управляли; кому нравилось вместе с ним наводить порядок, наводили порядок. Но он не создавал себе славы с помощью чужих пороков; не возвышал себя низостью других; не обогащался, пользуясь удобным случаем. Ныне же чжоусцы, увидев смуту у иньцев, спешат взяться за управление. Против высших плетут заговоры, низших подкупают. Опираясь на оружие, поддерживают страх. Выдают за доверие клятву о союзе с закланием жертвенного животного. Превозносят собственные поступ-

Передача Поднебесной

ки, чтобы уговорить толпу. Убивают и карают ради выгоды. Это означает свергнуть смутьяна, чтобы заменить его деспотом. Мы слышали, что мужи древности во времена порядка не уклонялись от своих обязанностей, но не держались за них для того лишь, чтобы влачить существование во времена смуты. Ныне же Поднебесная во мраке, добродетель чжоусцев в упадке, и стать рядом с ними означает запачкаться самим. Лучше от этого уклониться и сохранить свое достоинство.

Оба брата пошли на север на гору Первого Солнца, где и умерли от голода.

Такие мужи, как Старший Ровный и Младший Ровный, не станут опираться на богатство и знатность, добытые нечестным путем. Столкнувшись с жестокостью в поступках при своем высоком сознании долга, они наслаждались лишь своими стремлениями и не служили миру. Таков был нравственный долг этих двух мужей.



Глава 29

РАЗБОЙНИК ЧЖИ

У Конфуция был друг Цзи Под Ивой⁴⁰⁶, младшего брата которого звали Разбойник Чжи. За Разбойником Чжи следовало девять тысяч удалцов. Они бесчинствовали по всей Поднебесной, нападали на правителей и убивали их, прорывались через стены и двери, угоняли чужих буйволов и коней, уводили чужих жен и дочерей. В жадности забывали о собственной родне, не заботились о родителях и братьях, не приносили жертв предкам. В местностях, по

Разбойник Чжи

которым они проходили, жители крупных царств оборонялись за стенами городов, жители малых Царств укрывались за стенами селений. От разбойников страдал весь народ.

Обратившись к Цзи Под Ивой, Конфуций сказал:

— Тот, кого называют отцом, должен уметь наставить своего сына; тот, кого называют старшим братом, должен уметь научить младшего. Если отец не способен наставить своего сына, а старший брат не способен научить младшего, то они не уважают родства между отцом и сыном, между старшим и младшим братом. Ныне вы, Пржеджерожденный, достойный муж среди современников, а ваш младший брат, Разбойник Чжи, — пагуба всей Поднебесной, и вы не способны его научить. Я, ничтожный Цю, стыжусь за вас, Пржеджерожденного. Разрешите отправиться к нему и вместо вас, Пржеджерожденного, его усовестить.

Цзи Под Ивой ответил:

— Вы, Пржеджерожденный, говорите, что тот, кого называют отцом, должен уметь наставить своего сына; того называют старшим братом, должен уметь научить младшего. Но если сын не слушает наставлений отца, а младший брат не принимает поучений старшего? Что можно поделать даже при таком красноречии, каким ныне владеете вы, Пржеджерожденный? Да ведь что за человек Чжи! Сердце — точно бьющий фонтаном источник, мысль — будто смерч, силы хватит, чтобы справиться с любым врагом, а красноречия — приукрасить любое злодеяние. Угодите ему — обрадуется, станете ему перечить — разгневается. Ему легко оскорбить

Глава 29

другого словами. Вы, Пржеждерожденный, не должны к нему отправляться.

Конфуций не послушался и отправился к Разбойнику Чжи с Янь Юанем — возничим и Цзыгуном — помощником.

В это время Разбойник Чжи, расположив на отдых свою ватагу на солнечном склоне горы Великой, резал человеческую печень⁴⁰⁷ и кормил всех ужином.

Конфуций спустился с повозки, пошел вперед и, встретившись с Дозорным, произнес:

— Я, лусец Кун Цю, прослышал о высокой справедливости военачальника.

Он двукратно почтительно поклонился Дозорному, и тот пошел с докладом. Выслушав Дозорного, Разбойник Чжи сильно разгневался: глаза засверкали, словно звезды, волосы встали дыбом, подняв шапку, и он сказал:

— Не тот ли это Кун Цю, искусный лжец из царства Лу? Передай ему от меня: «Ты сеешь ложь, разносишь клевету, безрассудно восхваляешь царей Прекрасного и Воинственного; носишь шапку, разукрашенную ветками, словно дерево, опоясываешься шкурой с дохлого быка. Ты слишком много разглагольствуешь об ошибочном учении, не пашешь, а ешь; не ткешь, а одеваешься⁴⁰⁸. Шлепая губами и молотя языком, ты по собственному произволу решаешь, где правда, а где ложь, чтобы вводить в заблуждение владык Поднебесной, чтобы мудрые мужи Поднебесной не занимались своим делом. В безрассудстве выдумал сыновнее почтение, братское повиновение и домогаешься удачи у правителей, у

Разбойник Чжи

богатых и знатных. Преступления твои тяжкие. Скорее уходи, а не то я добавлю твою печень к нашей сегодняшней трапезе».

Конфуций снова просил доложить, сказав:

— Я, Цю, удостоился благоволения вашего брата Цзи Под Ивой и хочу взглянуть на землю под вашими ногами.

Дозорный снова доложил, и Разбойник Чжи передал в ответ:

— Пусть подойдет.

Конфуций поспешил войти. Он отступил, обходя циновку, и двукратно поклонился Разбойнику Чжи.

Разбойник Чжи пришел в ярость, глаза у него загорелись огнем. Широко шагнув, он схватился за рукоять меча и прорычал, словно кормящая тигрица:

— Подойди, Цю. Если твои слова придутся мне по душе — будешь жить, не придутся — умрешь!

— Я, Цю, слышал, — заговорил Конфуций, — что в Поднебесной существуют три добродетели. Если человек вырастает высокий, не встречает равного себе красотой, если, любясь на него, радуются и стар и мал, и благородный и презренный, то он обладает высшей добродетелью. Если человек своими познаниями объемлет небо и землю, способен красноречиво рассуждать обо всем, то он обладает средней добродетелью. Если человек отважен и решителен, собирает вокруг себя толпы и ведет воинов, то он обладает низшей добродетелью. Одной из этих добродетелей уже достаточно, чтобы встать лицом к югу и назвать себя единст-

Глава 29

венным. Ныне вы, военачальник, обладаете всеми тремя одновременно. Рост восемь чи и два цуня, от глаз и лица исходит блеск, губы — чистая киноварь, зубы — ровный перламутр раковин, голос, словно медный колокол, а называетесь вы Разбойник Чжи. Мне, ничтожному Цю, стыдно за вас, военачальник. Если у вас, военачальник, есть желание выслушать меня, своего слугу, то я, ваш слуга, прошу разрешения посетить послом на юге У и Юэ, на севере Ци и Лу, на востоке Сун и Вэй, на западе Цзынь и Чу. Я их склоню построить для вас, военачальник, стену длиной в несколько сот ли, основать город в сотни тысяч дворов и почитать вас, военачальник, как правителя. Вместе со всей Поднебесной вы обновитесь, прекратятся сражения, отдохнут воины. Соберете своих братьев, будете их кормить и приносить жертвы предкам. Таким должно быть поведение мудрого и талантливого мужа, таково желание всей Поднебесной.

— Подойди, Цю, — в великом гневе ответил Разбойник Чжи. — Все, кого можно прельстить и соблазнить выгодой, глупы и невежественны. Если ныне я вырос высоким и красивым, и люди, любуясь на меня, радуются, так это достоинство, переданное мне отцом и матерью. Разве я о нем не знал бы, если бы ты, Цю, меня не прославил? Да притом я слышал, что любитель превозносить человека в лицо не прочь поносить его за спиной. Ныне ты, Цю, посулил мне собрать народ за большой стеной. Соблазняя меня выгодой, разложил приманку, как невежде. Но разве царства долговечны? Нет царства большего, чем Поднебесная. Высочайший и

Ограждающий владели Поднебесной, но у их сынов и внуков не стало земли — даже чтобы воткнуть шило. Испытующий и Воинственный воцарились в Поднебесной, но род их был прерван и истреблен. Не был ли тому причиной соблазн большой выгоды Поднебесной?

А еще я слышал, что в старину людей было мало, птиц же и зверей — множество. Чтобы спастись от них, люди селились тогда в гнездах. Днем собирали желуди и каштаны, а по ночам ютились на деревьях. Поэтому их и называли «Род Владеющих Гнездами»⁴⁰⁹. В древности люди не знали одежды. Летом запасали побольше хвороста, а зимой грелись у костра. Поэтому их и называли «Народ, Умеющий Жить». Во времена Священного Земледельца процветали высшие свойства: человек спал спокойно, пробуждался довольный, знал свою мать, но не знал своего отца⁴¹⁰, бродил вместе с оленями и лосями, пахал и кормился, ткал и одевался. Никто не хотел вредить другому. Однако Желтый Предок не сумел сохранить этих свойств — сражался с Красным Злодеем⁴¹¹ на равнине Чжолу, и кровь залила сотни ли. Высочайший и Ограждающий стали вершить дела и поставили много начальников. Испытующий изгнал своего государя, Воинственный убил Бесчеловечного. И с тех пор сильные помыкают слабыми, многочисленные угнетают малочисленных. Со времен Испытующего и Воинственного все стали припешниками смутьянов.

А ныне ты насаждаешь путь Прекрасного и Воинственного, насаждаешь красноречие в Поднебесной, чтобы по-

Глава 29

учать потомков. В широком халате с узким поясом ты лицемерными речами и фальшивыми поступками вводишь в заблуждение владык Поднебесной, домогаясь богатства и знатности. Нет большего разбойника, чем ты! Почему же в Поднебесной зовут разбойником меня, Чжи, а не тебя, Конфуций?

Своими сладкими речами ты уговорил Цзылу и заставил следовать за собой. Цзылу снял высокую шапку храбреца, отвязал свой длинный меч и стал слушать твои поучения. Все в Поднебесной заговорили о том, что Конфуций-де способен остановить насилие и запретить злодеяние. А в конце концов, когда Цзылу захотел убить вэйского царя, да не сумел, тело его засолили и выставили на восточных воротах Вэй. Это ты виновен в его неудаче!

Не зовешь ли ты сам себя талантливым мужем, мудрецом? А ведь тебя дважды изгоняли из Лу, ты заметал следы при бегстве из Вэй, терпел бедствие в Ци, был осажден между Чэнь и Цай. Во всей Поднебесной тебе не нашлось места. Твое учение довело Цзылу до такой беды — его засолили! Разве стоит ценить твоё учение? Оно ничего не даёт ни тебе самому, ни людям!

Никого в мире не возвышали так, как Желтого Предка. А он не сумел обрести целостных свойств: сражался на равнине Чжолу, и кровь залила сотни ли. Высочайший не был милостив к сыну. Ограждающий не был почитителен с отцом. Молодой Дракон наполовину иссох телом. Испытующий изгнал своего государя. Царь Воинственный пошел походом

против Бесчеловечного. Царь Прекрасный был заключен в Юли. Этих шестерых мужей в мире возвышали. Если же судить здраво, все они во имя выгоды вводили в заблуждение свою истинную природу, насиловали собственные чувства и характер. Их поведение было весьма постыдным.

Среди добродетельных мужей в мире называли Старшего Ровного и Младшего Ровного. А оба они отказались стать государями в царстве Одинокый Бамбук, умерли от голода на горе Первого Солнца, и тела их остались без погребения. Бао Цзяо⁴¹² приукрашивал собственное поведение и порицал современников, а умер, обхватив дерево. Наставник Олень, подав совет государю, не был выслушан и, взяв камень, бросился в Реку, был съеден рыбами и черепахами. Цзе Цзытуй был самым преданным. Он отрезал кусок мяса от своего бедра, чтобы накормить царя Прекрасного. Когда же Прекрасный от него отвернулся, Цзытуй в гневе ушел, и, обхватив дерево, сгорел. Вэй Шэн назначил встречу с девушкой под мостом, она не пришла. Вода все прибывала, а Вэй Шэн не уходил и утонул, обхватив опору моста. Эти шестеро мужей, попав в сети славы, легкомысленно расстались с жизнью. Смертью они не отличались от пса, разорванного на куски, свиньи, унесенной течением, или нищего с его чашей для подаяний. Они забыли об основном — о долголетии.

Самыми верными слугами в мире называли царевича Цита и У Цзысюя. Тело Цзысюя утонуло в реке, у Цита вырезали сердце. Этих двух мужей в мире называли верными слугами, а в конце концов над ними смеялись все в Под-

Глава 29

небесной. Ни один из тех, о ком говорилось ранее, включая Цита и У Цзысюя, не достоин уважения.

Чем же ты, Цю, меня убедишь? Если делами загробными, то их я не могу знать; если делами людскими, то только теми, о которых я уже слышал. Теперь же я тебя наставляю с помощью человеческих чувств. Зрение человека влечет к красоте, слух — к музыке, уста — ко вкусному, воля — к полноте. Высший предел жизни сто лет⁴¹³, средний предел — восемьдесят лет, низший предел — шестьдесят лет. А если исключить время болезней и страданий, смертей и утрат, горя и беды, так всего лишь четыре-пять дней за одну луну человек смеется, широко раскрыв рот. Ограниченное же во времени при сравнении с неограниченным подобно мгновению, в которое скакун промелькнет мимо щели. Все те, кто не способен наслаждаться своими мыслями и желаниями, поддерживать жизнь многие годы, не понимают пути. Все, что ты, Цю, говоришь, я отбрасываю. Побыстрей уходи, возвращайся к себе и больше об этом не заговаривай! Ты обманываешь и хитришь, фальшивишь и лицемеришь. Твое учение лживо. Разве его стоит обсуждать? Оно не может дать полноты истины.

Конфуций двукратно поклонился и поспешил удалиться. Вышел за ворота, поднялся на повозку, но трижды ронял вожжи. Глаза ему застлал туман, он ничего не видел, побледнел, словно угасший пепел. Стоял, опершись о перекладину, повесив голову, и еле дышал.

Разбойник Чжи

На обратном пути, у восточных ворот Лу, он встретил Цзи под Ивой, и тот сказал:

— Сейчас вы в воротах, а несколько дней вас не было видно. Судя по повозке и коням, Вы были в пути. Быть может, ездили повидаться с Чжи?

Конфуций возвел очи к небу и, вздохнув, ответил:

— Да.

— Не пошел ли Чжи против вашей воли, как я предупреждал? — просил Цзи Под Ивой.

— Да, — ответил Конфуций. — Можно сказать, что я, Цю, сделал себе прижигание, не будучи больным. Поспешил погладить тигра по голове, заплести ему усы и чуть было не попал к нему в пасть.

Цзычжан спросил человека по прозвищу Выгода Любой Ценой⁴¹⁴:

— Почему вы не стремитесь к справедливости? Без справедливости вам не будут доверять, без доверия не получите службы, без службы не будет и выгоды. Справедливость — верное средство добиться славы и выгоды. А те мужи, что пренебрегают славой и выгодой, отвращаются от них в своем сердце, разве могут хоть один день обойтись в своих поступках без справедливости?

Выгода Любой Ценой ответил:

— Бесстыжий богатеет, болтливого прославляют. Доверие — верное средство добиться славы и выгоды. А те му-

Глава 29

жи, что пренебрегают славой и выгодой, отвращаются от них в своем сердце, не сохраняют ли в поступках свою природу?

— В старину Разрывающего На Части и Бесчеловечного чествовали как Сынов Неба, богатство их составляла вся Поднебесная, — сказал Цзычжан. — А ныне скажите стяжателю: «Ты действуешь подобно Разрывающему На Части и Бесчеловечному», — и он устыдится, станет негодовать, — таких презирает даже мелкий люд. Конфуций и Мо Ди были бедны, как простолюдины. А ныне скажите жрецу, ведающему заклинанием жертвенных животных: «Вы действуете подобно Конфуцию и Мо Ди», — и он побледнеет, смутится и скажет, что недостойн такой похвалы. Мужичей действительно чествуют. Так что облеченный властью Сын Неба не обязательно благороден, а бедняк, простолюдин не обязательно презрен. Деление на благородных и подлых в поступках — добрых или недобрых.

— Мелких воров — в темницы, крупных — в цари. У ворот царей и обретаются мужичей, ратующие за справедливость. В старину Сяобо, царь Хуань, убил своего старшего брата и вошел к его жене, а Гуань Чжун стал его советником. Тяньчэн Цзычан убил своего государя и украл его царство, а Конфуций принял от него в подарок шелк. В своих речах <Гуань Чжун и Конфуций> их осуждали, а в своих делах падали еще ниже, чем они. Разве это не противоречие? В их груди слова воевали с делами! Поэтому в преданиях и говорится: «Кто добрый? Кто недобрый? Победил — стал во главе, неудачник — остался в хвосте».

Разбойник Чжи

— Если вы не станете поступать по обычаю, — сказал Цзычжан, — то не будет различия между родичами и чужими, не будет сознания долга у благородных и презренных, не будет порядка в отношениях между старшими и младшими. Как же тогда разбираться в пяти устоях и шести основах?⁴¹⁵

Выгода Любой Ценой ответил:

— Соблюдалось ли различие между родичами и чужими, когда Высочайший убил своего старшего сына, а Ограждающий изгнал своего единоутробного младшего брата? Было ли сознание долга у благородных и презренных, когда Испытующий изгнал Разрывающего на Части, а Воинственный пошел походом на Бесчеловечного? Соблюдался ли порядок в отношениях между старшими и младшими, когда Ван Цзи⁴¹⁶ взял власть, а Чжоугун убил своего старшего брата? Можно ли разобраться в пяти устоях и шести основах после конфуцианцев с их лицемерными речами и моистов с их всеобщей любовью? И притом ведь вы действуете воистину ради славы, а я действую воистину ради выгоды, а сущность славы и выгоды не согласуется с естественными законами, ее не найти в пути. Попросим же на днях рассудить нас с вами Свободного От Условностей⁴¹⁷.

Свободный От Условностей сказал:

— Мелкий человек жертвует собой ради богатства, благородный муж — ради славы. То, от чего меняются их чувства, изменяется характер, — различно, но если бы они бросили то, чем занимаются, и предались тому, чем не занимаются, стали бы одинаковыми. Поэтому и говорится:

Глава 29

«Не будь мелким человеком, вернись к своему естественному началу; не будь благородным мужем, следуй естественным законам». И в кривом и в прямом увидишь высшее в природе. Наблюдая за всеми четырьмя сторонами, останавливайся вместе с временами года. И в истинном и в ложном держись середины круга. Совершенствуйся сам, думай и странствуй вместе с путем. Не предавайся чему-либо одному, не совершенствуйся в справедливости, и тогда оставишь свои деяния. Не гонись за богатством, не жертвуй собой ради совершенства, отбрось все и станешь естественным. У Цита вырезали сердце, у Цзыся вырвали глаза, — до гибели их довела преданность. Прямой человек свидетельствовал против отца⁴¹⁸, Вэй Шэн утонул, — до беды их довело доверие. Бао-цзы стоял, пока не высох, Шэнь-цзы⁴¹⁹ не сумел оправдаться, — до беды их довела честность. Конфуций не виделся с матерью⁴²⁰, Куан Чжан не встречался с отцом⁴²¹ — таковы изъяны справедливости. Все это передавалось из поколения в поколение, и считалось, что те мужи, которые стремились к правильным речам и соответствующим делам, попадали в беду и гибели.

Недовольный сказал Довольному⁴²²:

— Каждый человек в конце концов жаждет если не славы, так выгоды. Стоит человеку разбогатеть, и все к нему бегут, а придя, становятся ниже его и снизу его чествуют. Поэтому лезть низших и принимают за путь к долголетию, покою и наслаждениям. Ныне только вы один свободны от

страстей. Разве у вас не хватает знаний? Или есть знания, но не хватает сил? Оттого и предаетесь поискам истины?

Довольный ответил:

— Ныне здесь есть человек, который считает, что мужи, родившиеся с ним в одно время и живущие с ним в одном селении, отрешились от пошлости и превзошли своих современников. Но сам он нисколько не думает постичь правильное учение, чтобы обозревать древнее и современное, отделять истинное от ложного. Он изменяется вместе с дюжинными современниками, отказывается от самого важного, отбрасывает самое ценное, чтобы предаваться своим занятиям. Не далеко ли это от того, что сам он называет путем к долголетию, покою и наслаждениям? Разве жестокие страдания и безмятежный покой не отражаются на теле? Разве ужас испуга и радость веселья не отражаются на сердце? Он знает, что действует, но не знает, почему действует. Поэтому будь он даже таким почитаемым, как Сын Неба, владей он таким богатством, как Поднебесная, не сумел бы избежать беды.

— Богатство не бесполезно, — сказал Недовольный. — Предела красоты и власти не достичь ни настоящему человеку, ни добродетельному. Он берет отвагу и силу других, но не ради устрашения и насилия; принимает знания и советы других для изучения и понимания; прибегая к достоинствам других, становится добродетельным и добрым. Даже не владея царством, он величествен, как государь, как отец. Ведь чтобы сердце наслаждалось музыкой, красотой, яствами,

Глава 29

властью, человеку не нужно учиться; чтобы тело наслаждалось покоем, не нужно подражать образцам; чтобы любить и ненавидеть, от чего-то отказываться и чего-то домогаться, естественно, не требуется наставника, — такова человеческая природа. Кто же способен от этого отказаться, хотя бы вся Поднебесная его порицала?

— Поступки мудрого, — сказал Довольный, — вдохновляются народом, но не нарушают его мерила. Поэтому, имея достаток, не заводят тяжбы, не действуют и большего не домогаются. Когда же нет достатка, то домогаются большего, повсюду заводят тяжбы, но не считают себя жадными. Те же, кто обладает избытком и от него отказывается, бросает управление Поднебесной, но не считают себя бескорыстными. К бескорыстию или жадности не принуждают извне, напротив, их рассматривают как мерило. Облеченный властью Сына Неба не гордится перед другими своим благородством. Его имущество — вся Поднебесная, но он не пользуется своим богатством, чтобы посмеяться над другими. Те же, кто не принимает поста или от него отказывается, не ищут славы и похвал. Обдумав бедствия и неудачи, которыми он грозит, находят в нем вред для своей природы. Высочайший и Ограждающий стали владыками, и воцарился мир. Они не облагодетельствовали Поднебесную, но и не загубили свою жизнь ради красоты. Умеющий Свернуться и Никого Не Стесняющий могли стать владыками, но не приняли поста. Отказывались не лицемерно, ибо не хотели повредить себе делами. Оба они стремились к полезному для себя, отказы-

ваясь от вредного, а в Поднебесной их превознесли как добродетельных. Так могут обрести это название те, кто отнюдь не домогался славы и похвал.

— Те, кто во имя славы изнуряет свое тело, отказывается от наслаждений, ограничивает себя в пище, лишь бы подержать жизнь, обрекает себя на длительные болезни и постоянную нужду вплоть до самой смерти, — сказал Недовольный.

— Счастье в умеренности, вред в излишествах, — сказал Довольный. — И так во всем, а особенно — в богатстве. А ныне богачи услаждают свой слух колоколами, барабанами, свирелями и флейтами; они объедаются мясом травоядных и хлебоядных животных, хмелеют от густого вина. Удовлетворяя свои прихоти, забывают о деле, — это ли не смута? Отягощенные изобилием, они будто взбираются на высоту с тяжелой ношей, — это ли не страдание? Жаждают богатства, а получают болезни; жаждут власти, а истощают свое тело. Пребывая в покое, как бы тонут в пучине; когда тело наливается соками, приходят в гнев, — это ли не болезнь? В погоне за богатством и наживой набивают все до отказа, ни о чем не желают слышать, ни от чего не хотят отступить; мчатся все быстрее не в силах остановиться, — это ли не позор? Богатство скапливается, его некуда девать; но его прижимают к груди и не могут с ним расстаться; сердце исполнено огорчений, но желания растут, их невозможно остановить, — это ли не горе? В собственном доме подозревают кражи, в каждом видят вора; выйдя из дома, страшат-

Глава 29

ся разбойников; дома у них окружены башнями и бойницами, за стенами они не осмеливаются ходить поодиночке, — это ли не страх?

Что может быть вреднее всех этих пороков в Поднебесной? А об этом все забывают, не пытаются разобраться и спохватываются лишь когда придет беда. И тогда, истощив все свое естество, все богатства, не вернут ни дня покоя. Этого не видят, ослепленные славой; не понимают — в погоне за выгодой. Так не заблуждение ли вся эта борьба, которая опутывает и тело, и мысли?!



Глава 30

ОТУЧИЛ ФЕХТОВАТЬ

Некогда царь Чжао Прекрасный⁴²³ приистрастился к фехтованию. Фехтовальщики осаждали его ворота, и гостили у него по три тысячи человек и более. Днем и ночью перед дворцом происходили поединки. За год убивали и ранили больше сотни удалцов. Страсть же царя оставалась ненасытной.

Прошло три года. Царство Чжао стало приходить в упадок, другие цари начали строить против него козни. Сокрушаясь об

Глава 30

этом, наследник Печальный собрал всех придворных, чьи места справа и слева, и спросил:

— Кто бы взялся отвратить царя от его страсти и положить конец поединкам фехтовальщиков? Тому я дал бы в награду тысячу золотом.

— Это под силу только Чжуан-цзы, — ответили справа и слева.

Наследник отправил посланцев к Чжуан-цзы, чтобы поднести ему тысячу золотом. Чжуан-цзы золота не принял, но отправился вместе с посланцами и, представ перед наследником, спросил:

— Что повелит мне наследник, награждая меня, Чжоу, тысячей золотом?

— Прослышав о вашей пронизательности и мудрости, учитель, — ответил наследник, — я почтительно поднес тысячу золотом на дары вашей свите. Но разве осмелюсь я заговорить, если Вы, учитель, дар отклонили!

— Я слышал, — сказал Чжуан-цзы, — что вы, наследник, хотите с моей помощью отвратить царя от его страсти. Предположим, что я, ваш слуга, отговаривая высшего, государя, стану ему перечить, и для низшего, для вас, наследник, не сумею уладить дело. Меня покарают смертью. К чему тогда мне, Чжоу, золото? Предположим, что я, ваш слуга, уговорю высшего, великого государя, улажу дело низшего, ваше, наследник. Ведь тогда я получу все, что бы ни пожелал в царстве Чжао!

Отучил фехтовать

— Верно!— молвил наследник,— но у всех фехтовальщиков, которых принимает наш государь, волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, чем спереди. У них сердитый вид, а речь косноязычна. Такие-то царю и нравятся. Если же нынче вы, учитель, предстанете перед государем в платье мыслителя, дело примет плохой оборот.

— Дозвольте мне приготовить себе костюм фехтовальщика,— попросил Чжуан-цзы.

Через три дня Чжуан-цзы в костюме фехтовальщика встретился с наследником и вместе с ним предстал перед царем.

Царь ожидал их, обнажив клинок.

Не спеша Чжуан-цзы вошел в зал, а, глянув на царя, не поклонился.

— Если желаешь чему-нибудь меня обучить,— сказал государь,— покажи сначала свое умение наследнику.

— Я, ваш слуга, слышал, что великому государю нравится фехтование, поэтому и предстал перед государем как фехтовальщик.

— Как ты управляешься с мечом?— спросил государь.

— Через каждые десять шагов меч в руке вашего слуги разит одного человека, на тысяче ли не оставляет в живых ни одного путника.

— В Поднебесной тебе нет соперника!— воскликнул обрадованный царь.

— Хорошо бы с кем-нибудь помериться силами. Фехтуя, я, сделав ложный выпад, даю противнику как будто

Глава 30

преимущество. Но, нанося удар позже него, опережая его в попадании.

— Вы, учитель, пока отдохните! Ожидайте приказа в своих покоях. Я же велю устроить забаву и приглашу Вас, учитель, — сказал царь.

Тут государь устроил состязание меченосцев, и за семь дней убитых и раненых оказалось более шестидесяти человек. Отобрав пять-шесть победителей, царь велел вручить им мечи возле дворца, а сам призвал Чжуан-цзы и объявил:

— Сегодня испытаем, кто из мужей искуснее всех в фехтовании!

— Давно жду этого дня, — ответил Чжуан-цзы.

— Какова длина оружия, которым вы, учитель, будете сражаться? — спросил царь.

— Могу сражаться любым, который вручат мне, вашему слуге, — ответил Чжуан-цзы. — Но у меня, вашего слуги, есть три меча. Буду драться любым, только по выбору государя. Прежде чем испробовать, дозволейте о них рассказать.

— Готов выслушать речь о трех мечах, — согласился царь.

И Чжуан-цзы повел свой рассказ:

— Первый меч — меч Сына Неба, второй — меч царский, третий — меч удальца.

— Каков же меч Сына Неба? — спросил его царь.

— У меча Сына Неба лезвие от Ласточкиного Потока⁴²⁴ до Каменной стены, острое — пик горы Преємства⁴²⁵ в царстве Ци, тупая сторона — от Цзинь до Вэй, чашка эфеса — Чжоу и Сун, рукоять — Хань и Вэй, в ножны вмещаются

Отучил фехтовать

все варвары, все времена года; в перевязи — море Бохай, в портуpee — гора Вечности. С его помощью обуздывают пять первоэлементов, определяют преступления и достоинства⁴²⁶, отделяют жар от холода, удерживают весну и лето⁴²⁷, вершат дела осенью и зимой⁴²⁸. Рубанешь этим мечом прямо — никто перед тобой не устоит, взмахнешь вверх — никто сверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Вверху — рассечет плывущие облака, внизу — перережет земные веси. Толькопустишь меч в ход — наведешь порядок среди царей и вся Поднебесная покорится. Таков меч Сына Неба!

— Каков же царский меч? — как в тумане, растерянно спросил царь Прекрасный.

— Лезвием царского меча служат мужи знающие и отважные; острием — мужи бескорыстные и честные; тупой стороной — мужи достойные и добрые; чашкой эфеса — мужи преданные и мудрые; рукоятью — мужи отваги и доблести. Рубанешь этим мечом прямо — никто перед тобой не устоит, взмахнешь вверх — никто сверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Наверху он уподобляется круглому Небу, чтобы послушны были все три рода светил⁴²⁹, внизу уподобляется квадратной земле, чтобы послушны были времена года; в центре согласуется с желаниями народа, чтобы был покой во всех четырех сторонах. Толькопустишь меч в ход — поразит словно удар грома, и каждый во всех четырех границах явится в одежде гостя⁴³⁰, чтобы повиноваться указам государя. Таков царский меч!

Глава 30

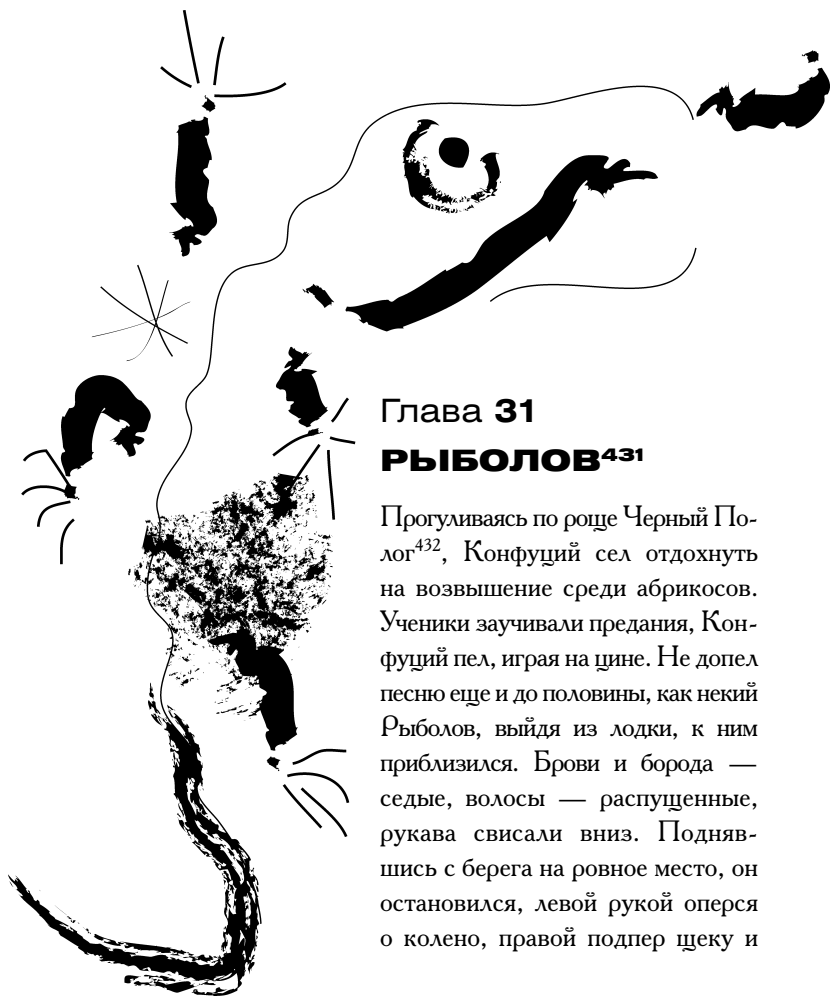
— Каков же меч удальца? — спросил царь.

— Меч удальца для всех, у кого волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, чем спереди; у кого сердитый вид, а речь косноязычна; кто вступает перед Вами в поединки, сверху — перерезает горло, перерубает шею, снизу отсекает печень и легкие. Таков меч удальца, что не отличается от драчливого петуха. Жизнь его может прерваться в любое утро. Для государственных дел он не годится. Ныне у вас, великий государь, пост Сына Неба, а пристрастились вы к мечу удальца. Мне, вашему ничтожному слуге, стыдно за вас, великий государь!

Царь повел Чжуан-цзы за собой в зал, стольничий подавал кушанья, но все перемены царь трижды отсылал по кругу.

— Доклад о мече закончен, — заметил Чжуан-цзы. — Посидите в тишине, великий государь, успокойте свое дыхание.

После этого царь Прекрасный три месяца не покидал дворца, и все фехтовальщики, облачившись в траур, покончили с собой на своих местах.



Глава 31

РЫБОЛОВ⁴³¹

Прогуливаясь по роще Черный Полог⁴³², Конфуций сел отдохнуть на возвышение среди абрикосов. Ученики заучивали предания, Конфуций пел, играя на цине. Не допел песню еще и до половины, как некий Рыболов, выйдя из лодки, к ним приблизился. Брови и борода — седые, волосы — распущенные, рукава свисали вниз. Поднявшись с берега на ровное место, он остановился, левой рукой оперся о колено, правой подпер щеку и

Глава 31

стал слушать. Когда же песня закончилась, он подозвал Цзыгуна и Цзылу. Оба они подошли.

Указав на Конфуция, гость спросил:

— Вот тот что за человек?

— Благородный муж из царства Лу, — ответил Цзылу.

— Из какого рода?

— Из рода Кунов.

— Чем занимается человек из рода Кунов?

Цзылу промолчал, а Цзыгун ответил:

— Человек из рода Кунов подчиняет свой характер преданности и доверию, вершит милосердие и справедливость, украшает обряды и музыку, отбирает правила отношений человека к человеку, чтобы были преданы властителю, высшему, чтобы улучшались отношения во всем народе, у низших. Все это принесет пользу Поднебесной. Вот чем занимается человек из рода Кунов.

— Владеет ли благородный муж землей? — спросил снова гость.

— Нет.

Гость рассмеялся, повернулся и пошел, говоря:

— Милосерден-то милосерден, но, пожалуй, самого себя не освободит. Утруждает сердце, изнуряет тело, подвергает опасности истинное в самом себе. Увы! Как далеко отошел он от учения!

Цзыгун вернулся и доложил обо всем Конфуцию. Тот оттолкнул цинь, поднялся и сказал:

— Не мудрец ли то был? — пошел вниз его искать и догнал на берегу озера. Рыболов как раз взялся за шест и выводил лодку, когда, обернувшись, заметил Конфуция, возвратился к селению и остановился.

Конфуций с благоговением отступил, двукратно поклонился и подошел поближе.

— Чего ты ищешь? — спросил Рыболов.

— Только что вы, Преждерожденный, не договорили и ушли, — сказал Конфуций. — Я, Цю, человек негодный, еще не узнал, что вы хотели сказать. Я, ничтожный, ожидал возможности вам поклониться. К счастью, услышал, как вы кашляли. Помогите мне, Цю, поскорее!

— Ах! — воскликнул Рыболов. — Как сильна у тебя любовь к учению!

Конфуций двукратно поклонился и, поднимаясь, сказал:

— Я, Цю, учусь с детства и поныне, до шестидесяти девяти лет. Но слышать об истинном учении мне не доводилось. Разве осмелюсь не очистить для этого сердца?

— Подобные по роду следуют друг за другом, подобные по голосу откликаются друг другу, — сказал Рыболов. — Таков естественный закон. Разрешите мне объяснить, чем обладаю я и чем занимаешься ты. То, чем ты занимаешься, дела людские: Сына Неба, царей, великих мужей, простолюдинов. Если каждый, принадлежащий к этим четырем званиям, на своем месте, то правление прекрасное; но нет смуты больше той, когда они не отвечают своим постам. Если должностные лица исполняют свои обязанности, а люди за-

Глава 31

ботятся о своих делах, то нет никаких беспорядков. Поэтому заросшие травой поля, дом без кровли, недостаток пищи и одежды, не внесенные в срок налоги, раздоры между женой и наложницей, несогласие между старыми и малыми — таковы заботы простолюдина; небрежность и лень народа и подчиненных, опасение не справиться с обязанностями, не выполнить порученных дел, оказаться небезупречным в поступках, утратить заслуги и доброе имя, потерять ранг и жалование — таковы заботы великого мужа; мятежи влиятельных родов, отсутствие при дворе верных слуг, искусных ремесленников, недостаток красоты в дарах Сыну Неба, боязнь оказаться ниже других весной и осенью, непокорным Сыну Неба — таковы заботы царя; отсутствие гармонии между силами жара и холода, несвоевременное наступление тепла и мороза, вред, причиняемый ими всем вещам; смуты царей, споры из-за заслуг в походах, самоуправные захваты друг у друга, когда калечат людей, истощение богатств, беспорядок в обрядах и музыке, ухудшение отношений между людьми, распутство и беспорядки в народе — таковы заботы Сына Неба и его советников. Ныне же ты, не облеченный властью ни царя, ни сановника, не обладающий рангом великого слуги или его должностного лица, по собственному произволу украшаешь обряды и музыку, отбираешь правила отношений между людьми, чтобы улучшить отношения во всем народе. Не слишком ли много на себя берешь? Да притом людям присущи восемь пороков, а тем, кто служит, — четыре зла, которые нельзя не изучить. Делать то, что не по-

ручено, называется превышением власти; выдвигать то, что не достаивают вниманием, — болтливостью; хвалить, не разбирая, где правда, где ложь, — лестью; со страстью судить о чужих недостатках, — поношением; отделиться от родных, отколоться от друзей, — бунтом; восхвалять лживого, чтобы нанести удар по ненавистному, — злонамеренностью; хладнокровно допускать и доброе, и злое без разбора, чтобы воровски овладеть желаемым, — коварством. Из-за этих восьми пороков поднимают смуту вовне, среди других, губят самого себя внутри, благородные мужи лишаются друзей, мудрые цари — слуг. Четыре зла следующие: питать пристрастие к важным делам, к переменам и изменениям обычного, долговременного, чтобы присвоить себе заслуги и славу, называется злоупотреблением; вершить дела лишь по собственному произволу, захватывать людей для собственных нужд — алчностью; не исправлять замеченных ошибок, усугублять их вопреки советам — высокомерием; не разбирая кто хорош, а кто плох, одобрять с тобой согласных, не одобрять с тобой несогласных — самодурством. Таковы четыре зла. Сумел бы ты уничтожить эти восемь пороков, искоренить эти четыре зла, тогда и мог бы начать свое воспитание.

Конфуций опечалился, вздохнул, двукратно поклонился и, поднимаясь, сказал:

— Меня, Цю, дважды изгоняли из Лу, на меня свалили дерево в Сун, я заметал следы при бегстве из Вэй, был осажден между Чэнь и Дай. Как же мог я, Цю, четыре раза избежать позора, если не понимал, в чем мои ошибки?

Глава 31

Рыболов, огорченный, изменился в лице и сказал:

— Трудно, очень трудно тебя вразумить! Вот Боявшийся своей тени, своих следов от них уходил. Но как бы он ни спешил, тень от него не отставала, чем быстрее передвигал ноги, тем больше оставалось следов. Думая, что медлит, бежал без передышки, пока не лишился сил и не умер. Он был также очень глуп: не видел, что останься он в темноте, и тень исчезнет, стой он на месте — и следов не будет. Ты почти не избежал того же во время своих размышлений о милосердии и справедливости, тождестве и различии, наблюдений за изменениями в движении и покое, за правилами вручения и получения, за упорядочением любви и ненависти, гармонией радости и гнева. Начни внимательно совершенствовать самого себя, тщательно хранить в себе истинное, возвращать другим все вещи, и не станет у тебя никаких тягот. Ныне же ты не достиг совершенства сам, а ищешь его у других. Разве это также не внешнее?

Опечаленный, Конфуций спросил:

— Разрешите задать вопрос: что вы называете истинным?

— Истинное — высшая искренность, высшее чистосердечие. Без искренности, без чистосердечия нельзя взволновать других. Поэтому плач по принуждению не вызывает печали даже в скорби; гнев по принуждению не внушает страха даже перед великим; любовь по принуждению⁴³³ не выражает согласия даже в улыбке. При истинной скорби не голосят, а печалются; при истинном гневе не кричат, а внушают страх; при истинной любви и без улыбок царит согласие.

При истинном внутри волнение проявляется и во внешнем — вот чем ценно истинное. Применяя истинное в отношениях между людьми, в служении родным, становятся почтительными детьми и милостивыми родителями; в служении государю становятся преданными и прямыми; когда пьют вино, становятся радостными и веселыми; на похоронах — скорбными и печальными. Главное в преданности и прямоте — подвиг, главное на пиру — веселье, главное на похоронах — печаль, главное в служении родителям — своевременность. В красоте подвигов нет единообразия, в служении родителям нужна своевременность, а в чем — неважно. Вино пьют в радости, не выбирая чарок. В похоронах участвуют со скорбью, не расспрашивая об обряде. Обряды созданы обычаями века, истинное же воспринято от природы, естественное нельзя изменить. Вначале мудрые уподоблялись природе, ценили истинное, не связывали себя обычаями. Глупые же, напротив, не способны уподобиться природе. Они печалились о людях, не умели ценить истинное, в своих хлопотах дошли до пошлости, поэтому-то о них и не стоит говорить. Как жаль, что ты давно уже погрузился в человеческое лицемерие и слишком поздно услышал о великом учении!

Конфуций снова дважды поклонился и, вставая, сказал: — Ныне я, Цю, удостоился встречи — счастья, подобного Небу! Не устыдитесь ли вы, Преждерожденный, если приближусь к вам в одежде слуги, чтобы вы лично обучали меня? Осмелюсь ли спросить, где ваше жилище? Разрешите поскорее воспользоваться вашими наставлениями и поскорее воспринять великое учение?

Глава 31

— Можно идти вместе с тем, с кем достигнешь тончайшей сущности пути, но нельзя идти вместе с тем, кому этот путь неведом, — ответил Рыболов. — Я об этом слышал и остерегусь, чтоб не совершить ошибки. Ты старайся сам. Я же ухожу, я ухожу.

И он заработал шестом, удаляясь, а в тростниках за лодкой длинной лентой протянулся след.

Янь Юань вернулся к повозке, Цзылу отдал ему вожжи, но Конфуций не обернулся. Он осмелился взойти на повозку лишь после того, как стихли удары шеста и улеглись волны.

Стоя рядом с повозкой, Цзылу спросил:

— Чем заслужил такое Рыболов? Я, Ю, давно уже служу вам, но никогда еще не видел, чтобы вы, учитель, отнеслись к человеку с таким благоговением. Властители тысячи колесниц, тьмы колесниц в своих дворцах всегда принимали вас, учитель, как равного, вы же, учитель, сохраняли на церемониях свой гордый вид. Ныне вам противостоял Рыболов с шестом, а вы, учитель, сгорбленный, словно цинь, гнули перед ним спину, с поклонами отвечая на каждое слово. Не чересчур ли это? Все мы, ученики, удивляемся вам, учитель!

Конфуций упал на перекладину повозки и, вздохнув, ответил:

— Ах, трудно! Как трудно просветить тебя, Ю! Давно уже ты погрузился в изучение обрядов и долга, а доньше не избавился от грубых мыслей. Подойди, я с тобой поговорю. Не уважить старшего при встрече — значит допустить ошибку в обряде; не почтить добродетельного при встрече — зна-

Рыболов

чит не проявить милосердия. Даже если это не настоящий человек, его нельзя презирать. Презирующий людей не искренен и не обретает свое истинное, а поэтому постоянно губит самого себя. Как жаль! Не быть милосердным — нет беды большей, а она в тебе, Ю. Ведь путь — источник всей тьмы вещей. Теряя его, все умирает, обретая его, все живет. Тот, кто в делах ему противодействует, — терпит поражение; тот, кто в делах с ним согласуется, — добивается успеха. Поэтому мудрый почитает все, в чем присутствует путь. Нынешний же Рыболов, можно сказать, обладает путем. Посмел ли я его не почитать?!



Глава 32

ЛЕ ЗАЩИТА РАЗБОЙНИКОВ

Ле Защита Разбойников направился в Ци, но с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

— Почему возвратился? — спросил Темнеющее Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

— Я ел в десяти харчевнях, и в пяти мне подавали раньше всех.

— Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела просачива-



Ле Защита Разбойников

ется в виде луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, — значит готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, который отдает все свои силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот царь захочет поручить мне дела и станет ждать от меня заслуг.

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнеющее Око. — Но если ты останешься у себя, люди станут искать у тебя защиты.

Вскоре Темнеющее Око пришел к Ле-цзы и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу, <как подчиненный> Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Ле-цзы. Ле-цзы босой, с туфлями в руках побежал за Темнеющим Оком и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку вы, Преждерожденный, пришли, не дадите ли мне совета?

— Все кончено! Я же предупреждал, что люди станут искать у тебя защиты. Это действительно так. Способный привлечь других, чтобы стекались к тебе, ты оказался неспособным помешать искать у тебя защиты. К чему это?

Стоит результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. Оно бессмысленно и поколеблет

Глава 32

твои способности. Никто из последователей этого тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве помогут созреванию друг друга?

Искусный трудится, знающий печалится, неспособному же не к чему стремиться. Наевшись досыта, скитается в праздности, подобно отвязавшемуся в половодье челну, пустой движется по воле волн.

Чжэнец Педант⁴³⁴ учился в местности рода Одетых В Мехе⁴³⁵, благоговейно повторяя все нараспев. Через три года стал конфуцианцем, и милости потекли к нему рекой на девять ли, благодеяния распространились на три рода. Младшему же брату он велел стать моистом. Когда пошли споры между конфуцианцами и моистами, отец Педанта помогал Мо Ди, и через десять лет Педант покончил с собой.

Отец увидел Педанта во сне, и тот сказал:

— Ведь это я велел вашему младшему сыну стать моистом. Почему бы вам не взглянуть на мою могилу и не убедиться, какие над ней могучие кипарисы?⁴³⁶

То, что творит вещи, воздает человеку, но воздает не самому человеку, а его природе. Один <Педант>, конечно, принудил другого <брата>, но, чтобы презирать своего отца, человек должен считать себя выше других. С тех пор как подрались цисцы, которые пили воду из одного колодца, стали говорить: «В нынешнем мире все — Педанты». По

Ле Защита Разбойников

этой-то причине и пользуется незнанием тот, кто обладает достоинством, а тем более тот, кто обладает путем. В старину это называлось: «Избежать кары природы».

Мудрый обретает покой в том, что дает покой; не ищет покоя в том, что не дает покоя. Дюжинный человек ищет покой в том, что не дает покоя; не обретает покоя в том, что дает покой.

Чжуан-цзы сказал:

— Познать путь легко, не говорить о нем трудно. Познать и не говорить — так достигнешь естественного. Познать и говорить — так достигнешь человеческого. Древние люди обращались к естественному, а не к человеческому.

Чжу Легкомысленный был учеником Урода Полезного⁴³⁷, учился убивать драконов⁴³⁸. Разорил свою семью, обладавшую тысячей золотом, и за три года овладел мастерством. Однако своему искусству он не нашел применения.

Мудрый и необходимое не считает необходимостью, поэтому не обладает оружием. Дюжинный человек считает необходимостью и не необходимое, поэтому обладает многим оружием. Послушен оружию, поэтому и пускает его в ход при своих домогательствах. Но тот, кто полагается на оружие, гибнет.

Глава 32

Мелкий человек в своих знаниях не выходит за пределы свертка с подарком и дощечки для письма. Он утруждает свой разум незначительными препятствиями, а хочет всемерно помогать пути и всем вещам и в великом единстве с ними очищать свое тело. Подобные ему, не зная первоначала, обременяя свое тело, блуждают во вселенной.

Другой же, настоящий человек, обращается разумом к безначальному и сладко дремлет в небытии. Он подобен воде, которая течет без формы и, просачиваясь, обнаруживается в великой чистоте.

Как печально! Ведь, обратив свои знания на кончик волоска, не познаешь великого покоя.

Жил среди сунцев Цао Торгаш⁴³⁹. Отправил его сунский царь послом в Цинь и дал ему с собой несколько колесниц. А Торгаш сумел угодить циньскому царю, и колесниц у него стала сотня.

Вернувшись в Сун, Торгаш встретился с Чжуан-цзы и стал над ним смеяться:

— Вы живете в самом закоулке нищей деревеньки, от нужды плетете сандалии. У меня, Торгаша, конечно нет ни такой длинной иссохшей шеи, ни такого желтого лица. Зато стоило мне вразумить властителя тьмы колесниц, и за мной последовала их сотня.

— Уходи прочь! — ответил Чжуан-цзы. — Когда циньский царь хворал, он звал лекарей. Тот лекарь, что вскрыл чирей и удалил легкую опухоль, получил одну повозку; тот,

Ле Защита Разбойников

что вылизал геморрой, — пять повозок. Чем ниже способ лечения, тем выше награда⁴⁴⁰. Как же ты лечил его геморрой, что заслужил столько колесниц?

Лусский царь Айгун спросил у Яня Врата Бытия:

— Будет ли лучше в царстве при Конфуции? Я считаю его даровитым деятелем.

— Он опасен! Быть беде! — ответил Янь Врата Бытия. — Конфуций разрисовывает даже фазаньи перья. Занимаясь лишь цветистыми речами, выдает побочное за главное. Терпеливо поучает народ, не зная его и ему не доверяя. Воспринимая лишь свои мысли, управляя лишь своим умом, разве достоин он стоять над народом? Считать его пригодным, кормить его можно лишь по ошибке. Он ныне велит народу уйти от сущности, учиться лицемерию — это не то, чему следует поучать народ. Лучше от этого отказаться, а не то трудно будет управлять, достанется забот и последующим поколениям.

Раздавать так, чтобы о даяниях не забывали, это не похоже на даяния природы. Купцов оседлых и странствующих не разделяют по рангам. Хотя дела их различны, но мудрые отнюдь не разделяют их по рангам.

Орудия внешних пыток — металл и дерево⁴⁴¹. Орудия внутренних пыток — действия и ошибки. Малый люд, подвергшийся внешней пытке, допрашивают металл и дерево;

Глава 32

подвергшихся внутренней пытке грызут силы жара и холода. Ведь избежать пытки и внешней, и внутренней способен лишь настоящий человек.

Конфуций сказал:

— Познать каждое человеческое сердце труднее, чем природу, оно опаснее, чем горы и реки. У природы есть сроки весны и осени, зимы и лета, утра и вечера. У человека же лицо непроницаемо, чувства таятся глубоко. Бывает с виду добрый, но алчный; бывает одаренный, похожий на никчемного; бывает нетерпеливый, но проницательный; бывает внешне решительный, а внутренне медлительный; бывает внешне нерешительный, а внутренне вспыльчивый; поэтому и случается, что стремятся во имя долга пожертвовать собой, будто охваченные жадой, но и отступают от долга, будто опаленные жаром. Поэтому-то государь посылает человека далеко, чтобы проверить его преданность; посылает близко, чтобы проверить его почтительность; дает сложные поручения, чтобы проверить его способности; задает вопросы внезапно, чтобы проверить его сообразительность; назначает кратчайший срок исполнения, чтобы проверить, насколько можно ему доверять; вверяет ему богатство, чтобы посмотреть, насколько он милосерден; сообщает ему об опасности, чтобы посмотреть, насколько он верен долгу; поит допьяна, чтобы посмотреть, куда он склонится; сажает его в смешанные <вместе с женщинами> ряды, чтобы посмотреть, насколько он целомудрен. В этих девяти испытаниях и обнаруживают человека негодного.

Ле Защита Разбойников

Покойный Отец Правильный⁴⁴² при первом указе о возведении в ранг пригибался, при втором указе горбился, при третьем указе клонился до земли и уползал вдоль стены. Кто посмел бы не счесть его за образец! А есть и такие мужи: при первом указе становятся надменными, при втором — красуются на колеснице, при третьем — начинают звать всех старших по имени. Кого же из них уподобишь Высочайшему и Никого Не Стесняющему?

Нет разбойника хуже того человека, чьи достоинства искусственные, чье сердце обладает выражением, как ресницы. Если выраженное его ресницами сопоставить с его внутренним, то рассмотрение его внутреннего нанесет ему поражение.

Злых свойств — пять. Основное — считать главными собственные достоинства. Что это означает? Это означает — превозносить собственные достоинства и порицать тех, кто поступает по-иному.

Бедствия вызывают восемь крайностей, успех приносят три необходимости, тело вмещает шесть внутренних органов. Красота, длинная борода, высокий рост, крепкое телосложение, цветущий вид, величие, смелость и решительность — это восемь крайностей. При превосходстве над другими они служат причиной бедствий. Покорность, уступчивость, опасение оказаться хуже других — эти три необходимости приносят успех. Сообразительность проникает во внешнее, сме-

Глава 32

лые поступки вызывают большие обиды; милосердие и справедливость вызывают многие укоры. Кто проник в сущность жизни — велик; кто проник в знания — незначителен; постигший большую жизнь <природу> следует за главным; постигший малую жизнь отдельного человека, свою собственную> следует за случайным.

Некто удостоился приема у сунского царя, был пожалован десятью колесницами и стал хвастаться своими десятью колесницами перед Чжуан-цзы. Чжуан-цзы же сказал:

— У Реки жила бедная семья, которая кормилась тем, что плела вещи из полыни. И вот юноша из этой семьи нырнул в пучину и достал жемчужину ценой в тысячу золотом.

— Разбей ее камнем! — велел ему отец. — Ведь жемчужина в тысячу золотом хранится под челюстью у Черного Дракона в Девятой Пучине. Ты достал ее лишь потому, что он спал. А проснется Черный Дракон и сожрет тебя без остатка!

Ныне омут в царстве Сун поглубже Девятой Пучины, а сунский царь страшнее Черного Дракона. Ты раздобыл колесницы лишь потому, что он спал. А проснется сунский царь и сотрет тебя в порошок!

Некто звал Чжуан-цзы к себе на службу. Чжуан-цзы так ответил его посланцу:

— Видели вы жертвенного быка? Как наряжают его в узорчатые ткани, как кормят травой и бобами! Но вот его

Ле Защита Разбойников

поведут, и он вступит в храм предков. Сможет ли он снова стать вольным теленком, как бы ему этого ни хотелось?!

Чжуан-цзы лежал при смерти⁴⁴³, и ученики собирались устроить ему пышные похороны. Но Чжуан-цзы воспротивился:

— К чему все это? Я считаю землю своим гробом, небо — саркофагом, солнце и луну — нефритовыми кружками, планеты и звезды — мелким жемчугом, а всю тьму существ — своими провожатыми. Разве мои похороны не будут совершенными?

— Мы боимся, — ответили ученики, — что вас, учитель, склюют вороны и коршуны.

— На земле, — сказал Чжуан-цзы, — я пойду на пищу воронам и коршунам, под землей — муравьям. Отнимите у одних, отдадите другим. За что же муравьям такое предпочтение?!

Если выравнивать с помощью неровного, то и ровное станет неровным. Если доказывать с помощью недоказанного, то и доказанное станет недоказанным.

Знающий действует на других только своими знаниями. Прозорливость подтверждается естественными законами. Ведь давно уже известно, что знающему далеко до прозорливого. Но разве не печально, что глупцы, опираясь лишь на виденное ими самими, несут это людям? Их успехи только во внешнем.



Глава 33

КАК УПРАВЛЯТЬ ПОДНЕБЕСНОЙ

Учений как управлять Поднебесной много, но ни одно из них нельзя применить, оттого что они деятельны. Где же в действительности так называемое учение древних? Отвечу — «повсюду». На вопросы — «Откуда появляется прозорливый? Откуда появляется умный?» — отвечу: «Источник рождения мудрого, формирования государя — один».

Не отделяющегося от рода называют естественным человеком, не отделяющегося от тончайшего

Как управлять Поднебесной

семени называют прозорливым человеком. Того, кто своим родом считает природу, корнем — основные свойства, воротами — путь, началом же — развитие, называют мудрым человеком. А тот, кто считает милосердие наградой, справедливость — правилом, обряды — поведением, музыку — гармонией, от кого пахнет благими делами и милосердием, называется благородным мужем.

Те, кто разделяет с помощью устоев, берут за образец имена <славу>, считают обучение свидетельством, а сопоставление — решением, они считают всего лишь до четырех. Так вот все сто должностных лиц общаются друг с другом по старшинству. Обычным они считают дела, главным — пищу и одежду; естественным законом народа — размножение, собирание и накопление для прокормления всех — старых и малых, сирых и вдовых. Разве этого не было в изобилии у людей древности? Равные прозорливому по разуму, будучи безыскусственными, как природа, возвращали тьму существ, гармонировали со всей Поднебесной, и ее даяния распространялись на все сто семейств. Понимая исходные числа, соединяли их и с конечным мерилom. Шесть стран света, четыре времени года, малое и великое, грубое и тонкое — движение, которое существует повсюду. Все это они понимали и неоднократно повторяли. Есть еще много хронистов, передающих старые устои от поколения к поколению. Те устои, что содержатся в песнях и преданиях, обрядах и музыке, способны понимать многие из мужей в Цзоу и Лу⁴⁴⁴ — Преждерожденных в широких поясах с табличками. Они ис-

Глава 33

пользуют песни, предания, обряды, чтобы говорить о стремлениях, о событиях, о поведении; они используют музыку, гадательные знаки, хронику «Весна и осень», чтобы говорить о гармонии, о жаре и холоде, о разделении по именам <знатности>. Сколько-то их рассеялось по всей Поднебесной, они утвердились в Срединных царствах. В учениях школ их иногда хвалят и о них говорят.

С тех пор как в Поднебесной началась великая смута, утратилась ясность достойных и мудрых, не стало единства в понимании пути и основных свойств, многие пришли к пристрастности во имя самовосхваления. Так, уши, глаза, нос, рот — каждый из этих органов что-то воспринимает, но они не способны общаться друг с другом. То же и во всех искусствах, в ста школах, — у каждой есть какие-то достоинства, которые иногда следует использовать. Но крайне пристрастные мужи, не обладающие ни проницательностью, ни кругозором, берутся судить о красоте природы, объяснять законы тьмы вещей, целостность древних людей. У них не хватает способностей для того, чтобы охватить красоту природы, оценить проницательных и умных. По этой-то причине путь внутренний — мудрых и внешний — царей становился скрытым и неясным, приходил в застой и не проявлялся. Каждый в Поднебесной принимал то, что ему нравилось, за собственное учение. Как печально! Ведь все сто школ уходили, но не возвращались и, конечно, не объединялись. Учащиеся же последующих поколений, к несчастью, не увидели бе-

Как управлять Поднебесной

зыскусственности природы, высшей сущности древних, и тогда в учении Поднебесной произошел раскол.

В учение древних входили такие положения: чтобы быть готовыми к неожиданным бедствиям, исправлять все по плотничьему правилу и с помощью туши, не приучать молодое поколение к роскоши, к расточительству, к блеску в числах и установлениях. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Мо Ди и Цинь Гули, но стали проводить их чрезмерно строго. Назвав это бережливостью, они провозгласили отказ от музыки, чтобы живые перестали петь, мертвых перестали одевать. Мо-цзы учил всеобщей любви и пользе, а также отрицанию войны. Не допуская гнева, его учение требовало любви к обучению, привлечения сторонников, но не было тождественным учению ранних государей и разрушало обряды и музыку древних. При Желтом Предке была песня «Восход солнца», при Высочайшем — «Великое уложение», при Ограждающем — «Великое цветение», при Молодом Драконе — «Великое лето», при Испытующем — «Великий разлив», при царе Прекрасном — «Согласие в кадре», царь Воинственный с Чжоугуном создали «Воителя»⁴⁴⁵.

В древнем похоронном обряде был ритуал для благородных и для презренных, были ранги для высших и низших: гроб внутренний и саркофаг для Сына Неба — семикратной толщины, для правителей царств — пятикратной, для великих мужей — троекратной, для мужей — двойной толщины. Ныне только один Мо-цзы учит, чтобы живые перестали петь, мертвых перестали одевать, чтобы, как правило, стали

Глава 33

делать гробы из дриандры толщиной в три цуня, без саркофага. Учить этому людей значит, пожалуй, их не любить, действовать так самому — значит, конечно, не любить самого себя. Учение Мо-цзы еще не потерпело поражения, но разве достойно человеческой природы осуждать пение, когда поют, осуждать плач, когда плачут, осуждать радость, когда радуются. Жизнь Мо-цзы прошла в тяжелом труде, похороны его были бедными, учение его очень жестокое. Оно велит людям печалиться, горевать, его трудно осуществить и, боюсь, нельзя считать учением мудрого. Оно противоречит сердцам Поднебесной и для Поднебесной невыносимо. Хотя сам Мо-цзы мог его выполнять, но что было делать с Поднебесной? Оно отделилось от всей Поднебесной и далеко ушло от учения древних государей.

Восхваляя свое учение, Мо-цзы говорил:

— В старину Молодой Дракон преградил путь потоку, проложил русла рек и потоков, открыл дороги во все девять областей и ко всем четырем странам варваров. На трехстах знаменитых горах <реках>⁴⁴⁶, трех тысячах притоках, малых же речках без числа Молодой Дракон сам брал в руки мешки и лопату, смешивал воды для стока в девять рек Поднебесной. У него стерлись волоски на икрах и пушок на голених⁴⁴⁷. Умывал его проливной дождь, причесывал быстрый ветер. Он учредил тьму царств. Молодой Дракон был великий мудрец, а так утруждал себя ради Поднебесной.

Поэтому моисты следующих поколений одевались большей частью в шкуры и платье из грубого сукна, носили дере-

Как управлять Поднебесной

вянные сандалии или плетенные из соломы, не отдыхали ни днем, ни ночью и считали высшим благом тяжкий труд. Они говорили: «Тот, кто на это не способен, отрицает путь Молодого Дракона и недостойн называться моистом».

Ученики Сянли Циня — слуги пяти правителей. Южные моисты, такие как Гу Ху, Цзи Чи, Дэнлин-цзы⁴⁴⁸, все распевали основу учения Мо⁴⁴⁹, но каждый по-своему обманывал вдвойне, называли же друг друга отдельной ветвью моистов. Они поносили друг друга в спорах о том, что такое «твердость» и «белизна»⁴⁵⁰, что такое «тождество» и «различие»⁴⁵¹, отвечали друг другу речами о различии между единичным и парным⁴⁵².

Наиболее выдающийся считался мудрецом, и все стремились сделать его Покойником <главой> в надежде на преемство в следующем поколении. Это не прекратилось и поныне.

Замыслы Мо Ди и Цинь Гули были истинными, а поступки — ложными. Они повели к тому, что моисты последующих поколений лишь состязались друг с другом, изнуряя себя в труде до тех пор, пока не стирались волоски на икрах и пушок на голенях. В смуте они первые, в управлении — последние. Несмотря на это, сам Мо-цзы воистину лучший из людей Поднебесной, и другого такого не найти. Пусть иссох, как сухое дерево, от него нельзя отказаться, он действительно талантливый муж.

В учение древних входили такие положения: не отягощать себя обычаями, не приукрашиваться перед другими, не

Глава 33

относиться нечестно к людям, не приносить вреда народу, желать Поднебесной мира и покоя, чтобы оживить жизнь народа, чтобы все ограничивалось питанием, достаточным и для себя и для других, и этим очистили сердце. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Сун Цзянь и Инь Вэнь⁴⁵³. Отличительным знаком они выбрали для себя шапку в форме Хуа-горы⁴⁵⁴. Воспринимая всю тьму вещей, начинали со снисходительности к отличавшимся от них, говорили о терпимости и называли это движением сердца. Пытались гармонией соединить в радости и привести в согласие всех среди морей. Стремилась к этому и просили принять эту идею как главную. Встречаясь с оскорблениями, но не считая их позором, они стремились спасти народ от борьбы, запретить нападения, отложить оружие, спасти своих современников от войн. С этим обходили они всю Поднебесную, убеждая высших и поучая низших.

Хотя в Поднебесной их учения не принимали, они непрестанно на нем настаивали, поэтому о них говорили: «Настойчиво добиваются встреч, хотя всем сверху донизу надоели». Несмотря на это, они добивались для людей слишком многого, для себя же делали слишком мало. Говорили: «Стремимся и просим твердо установить питание в пять шэн зерна, этого достаточно. Пржедрержденные, пожалуй, не будут сыты, а ученики, даже голодные, не забудут о заботе Поднебесной». Днем и ночью без отдыха твердили: «Должны же мы обрести возможность жить! Необходимо гордиться мужами, спасающими свое поколение!» Говорили: «Государь

Как управлять Поднебесной

не должен сурово взыскивать, не должен присваивать себе чужого, считать ниже себя по уму тех, кого признают бесполезными для Поднебесной». В большом и малом, грубом и тонком их учение ограничивалось тем, что во внешнем они требовали запретить нападения, отложить оружие, а во внутреннем — умерить желания и страсти.

В учение древних входили такие положения: быть справедливым и беспристрастным, ровным и бескорыстным, решительным, но без предвзятости; следовать за другим, но без измены; не оглядываться с опаской, не хитрить со знаниями; отправляться вместе со всеми, никому не отдавая предпочтения.

Услышав о таких наставлениях, обрадовались Пын Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао⁴⁵⁵. Главным они признали равенство всей тьмы вещей. Говорили: «Небо способно покрывать их сверху, но не способно поддерживать их снизу; земля способна поддерживать их снизу, но не способна покрывать их сверху⁴⁵⁶. Великий путь способен их вмещать, но не способен их различать». Они знали, что для каждой из тьмы вещей есть возможное, есть и невозможное, поэтому говорили: «При выборе нет всеобщего, обучение не каждого достигает, лишь путь объемлет все без остатка». По этой причине Шэнь Дао отбросил знания, отказался от самого себя и действовал лишь по принуждению. Он считал естественным законом очищение от вещей и равнодушие. Говорил: «Знание — это незнание, даже незначительные знания приближают к опасности». Стыдил безнравственных, не служил, но высме-

Глава 33

ивал тех, кто почитал достойных в Поднебесной; свободный, необузданный, он не действовал, но порицал великих мудрецов Поднебесной. То молотком, то рукой он сглаживал шероховатости и вместе с другими приспосабливался к обстоятельствам. Отбрасывал и истинное, и ложное, лишь бы избежать затруднений. Не изучал ни людских знаний, ни забот, не ведал ни прошедшего, ни будущего и лишь величественно возвышался. Действовал, лишь когда толкали; шел, лишь когда тащили; крутился, подобно вихрю, кружился, подобно перышку⁴⁵⁷, вращался, подобно жернову. Почему же он оставался целостным, не встречая порицания, не делая ошибок ни в движении, ни в покое, никогда не совершая преступлений? Потому что подобно вещи, не обладающей знаниями, не ведал беды самоутверждения, не отягощал себя применением знаний, не отходил от естественных законов ни в движении, ни в покое; поэтому-то за всю жизнь так и не прославился. Поэтому говорил: «Высшее лишь в том, чтобы уподобиться вещи, не обладающей знаниями, не использовать ни достойных, ни мудрых. Ведь любой ком земли не утратит пути». Удальцы между собой его высмеивали: «Не достойно ли удивления учение Шэнь Дао? В нем поведение не живого человека, а мертвого!»

Таково же и учение Тянь Пяня. Он удостоился перенять у Пын Мэна учение без поучений. Наставляя, Пын Мэн говорил: «Даосы древности пришли лишь к тому выводу, что нет ни истинного, ни неистинного». Его наставления подобны шуму встречного ветра, как же можно о них говорить?

Как управлять Поднебесной

Он всегда противоречит людям, но не встречает внимания и неизбежно сглаживает шероховатости. То, что он называет учением, не настоящее учение; в истине, о которой он говорит, неизбежно есть ложь. Пын Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао не знали учения, хотя, в общем, о нем и слышали.

В учение древних входили такие положения: считать основой мельчайшее семя, а вещью — крупное; считать накопление недостатком, жить безмятежно, в одиночестве, с ясным разумом. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Страж Границы и Лао-цзы. Они построили учение на постоянстве бытия и небытия с главным — великим единством. Учили во внешнем — быть терпеливым, мягким, уступчивым, в сущности <во внутреннем> — пустым чистым, не разрушать ни одной из тьмы вещей.

Страж Границы сказал: «Телесные формы и вещи сами показываются тому, кто на самом себе не останавливается.

Его движения подобны течению воды, его покой подобен зеркалу, его ответ подобен эху. Туманный, будто отсутствует; тихий, будто прозрачен, уподобляясь вещам, гармоничен, приобретая вещи, несет урон. Никогда не опережая других, всегда следует за другими».

Лао-цзы сказал: «Кто, сознавая свою мужественность, соблюдает женственность, становится для Поднебесной главным руслом. Кто, сознавая свою чистоту, соблюдает стыдливость, становится для Поднебесной долиной. Все предпочитают быть первыми, лишь он предпочитает быть последним». И еще сказал: «Он принимает на себя униже-

Глава 33

ние Поднебесной. Все предпочитают полноту, только он предпочитает пустоту; не накапливает, поэтому обладает избытком. Обладая избытком, высится одинокий. В поведении нетороплив и потерь не несет, держится недеяния и высмеивает ловкость других. Все домогаются счастья, и лишь он видит целостность несовершенного». И еще сказал: «Лишь бы избежать беды. Считать глубокое корнем, умеренность правилом». И еще сказал: «Твердое ломается, острое тупится. Он всегда великодушен к таким вещам, ничего не отнимает у других. Вот что можно назвать высшим совершенством»⁴⁵⁸. Да! Воистину настоящими людьми среди древних были великие Страж Границы и Лао-цзы!

В учение древних входили такие положения: о туманном, обширном, не обладающем телесной формой; об изменениях, о развитии, не обладающих постоянством. Объединяются ли жизнь и смерть с небом и землей? Уходят ли душа и разум? Почему же? Неясно! Куда же? Туманно! Всю тьму вещей оно охватывает сетью, нечего и говорить, что все к нему возвращается. Услышав такие наставления, обрадовался Чжуан Чжоу. В безрассудных речах, в небылицах, в выражениях, бесконечных и беспредельных, всегда необузданный, но не пристрастный, он рассматривал учение не с одной единственной точки зрения. Считая, что Поднебесная погрязла в пороках, не мог говорить прямо. С помощью речей, как вина из чарки, развивал мысли беспредельно, с помощью речей почитаемых подтверждал истинность, с помощью притч расширял замысел. В одиночестве общался разумом со вселен-

Как управлять Поднебесной

ной, но не отделял себя в гордости от всей тьмы вещей, не отвергал чужой истины или не истины, чтобы найти себе место среди пошлости современников. Хотя записи его речей — редкая драгоценность и, внимая им, все время отбивают такт, они не приносят вреда. Хотя выражения у него неровные, странные, но внимания заслуживают. Полнота сущности у него неисчерпаема. Наверху он странствует вместе с тем, что создает вещи, а внизу дружит с теми, для кого ни жизнь, ни смерть не составляют ни начала, ни конца. В понимании основы он необъятен и открывает новое — глубоко, огромно, необузданно. В отношении основы <дао> он, можно сказать, многое привел в порядок и достиг высшей пронизательности. Несмотря на то что следовал развитию и освобождался от вещей, его учение безгранично и не отклонилось от своих истоков. Оно глубоко, непостижимо, неисчерпаемо.

Творящий Благо очень разносторонен. Записей речей⁴⁵⁹ у него пять повозок. Его учение противоречиво. Его слова не попадают в цель. Перечисляя значение вещей, сказал: «У самой большой нет внешнего, назовем ее великим единством; у самой малой нет внутреннего, назовем ее малым единством. Не обладающее толщиной⁴⁶⁰ нельзя нагромоздить, а заполняет оно тысячи ли. Небо вместе с землей — низкое, горы вместе с болотами — ровные. Солнце в зените — в то же время на закате; рождение вещи — в то же время ее смерть. Тожество в большом отличается от тождества в малом, это назовем малым тожеством и малым различием. Вся тьма вещей и тождественна,

Глава 33

и различна, это назовем большим тождеством и большим различием. Южная сторона и предельна, и беспредельна. Направился в Юэ сегодня, а пришел в Юэ вчера. Соединенные кольца можно разнять. Я знаю, где центр Поднебесной: к северу от Янь, к югу от Юэ. Тот, кто любовью охватывает всю тьму вещей, составляет единое целое с природой».

Таковыми изречениями⁴⁶¹ Творящий Благо привлек в Поднебесной общее внимание и стал известным оратором. Ораторы Поднебесной стали ими наслаждаться. Вместе с Творящим Благо ораторы отвечали друг другу подобными софизмами: «В яйце есть перья»; «у курицы три ноги»; «город Ин владеет Поднебесной»; «пес мог стать бараном»; «у лошади есть яйцо»; «у лягушки есть хвост»; «огонь не горячий»; «у горы есть рот»; «колесо не давит на землю»; «глаза не видят»; «свойства беспредельны, вещи неисчерпаемы»; «черепаха длиннее змеи»; «наугольник не квадратный»; «циркуль не может быть круглым»; «паз не окружает клина»; «тень летящей птицы не движется»; «в полете стрелы с наконечником есть мгновенье, когда она не движется и не покоится»; «кобель не пес»; «гнедой конь и вороной бык вместе составляют три»; «белый пес черен»; «у жеребенка-сироты никогда не было матери». «Если ежедневно делить пополам палку длиной в один чи, не закончить и через тьму поколений». Подобных софизмов⁴⁶² не исчерпать и за целую жизнь.

\Хуань Туань и Гунсунь Лун⁴⁶³ — последователи софистов. Они приукрашивали сердца людей, изменяли их мысли. Были способны победить уста, но не способны покорить серд-

Как управлять Поднебесной

ца. Таков замкнутый круг софистов. С помощью таких знаний Творящий Благо ежедневно спорил с другими и вызывал основное удивление у софистов Поднебесной. Такова была его основа.

Однако сам Творящий Благо считал свою болтовню наивысшим достоинством⁴⁶⁴ и говорил: «Разве во вселенной найдется мне равный!» Творящий Благо остался сильнейшим, а учения от него не осталось.

Жил на юге чужак, которого звали Хуан Связанный⁴⁶⁵. Он спросил: «Почему небо не падает, земля не проваливается? Каковы причины появления ветра, дождя и грома?» Творящий Благо ему отвечал, не отказываясь, давал ответ без размышлений. Изложил все учение о тьме вещей, говорил без передышки, все длиннее, без конца и, будто этого было мало, все добавлял и добавлял, лишь бы вызвать удивление. Он считал главным опровергать других, желая приобрести славу победителя. Вот по этой-то причине и не подходил для народа. Он был слаб во внутренних свойствах, силен во внешних вещах, шел окольными путями. Если оценить способности Творящего Благо с точки зрения пути природы, то они уподобятся лишь труду комара или москита. Мог ли он принести вещам пользу? Он мог еще пригодиться для какого-нибудь одного дела, но разве приближался к тому, чтобы еще больше ценить путь? Нет! Творящий Благо не был способен на нем успокоиться. Он растрачивал себя без устали на всю тьму вещей и в конце концов заслужил славу пре-

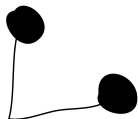
Глава 33

красного оратора. Как жаль, что Творящий Благо при таком большом таланте ничего не создал. Увы! В погоне за всей тьмой вещей не вернулся к учению, своим голосом будил лишь эхо, состязался в беге лишь с собственной тенью.



Л. Д. Позднеева

КОММЕНТАРИИ



Комментарии

¹ Рыбу-гунь Цуй Чжуань (IV—V вв.) и лянский Цзяньвэньди (VI в.) считают китом, Лу Дэмин (VII в.) — какой-то другой огромной рыбой; Го Цинфань (XIX в.), следуя за Фан Ичжи (XVII в.), — «рыбкой маленькой, которую Чжуан-цзы изобразил гигантской» («Чжуан-цзы цзиши», гл. 1, III, 2).

² Сыма Бяо (III—IV вв.) считает Ци Се фамилией и именем, лянский Цзяньвэньди — названием книги.

³ В Китае до 1911 г. был принят лунный календарь.

⁴ «Стерлись волоски на икрах и пушок на голеньях» — это высказывание — пример полемики: характеристика героя мифа о покорении потопа Молодого Дракона становится для даосов традиционной насмешкой над «царскими помощниками», а для конфуцианцев — инвективой по адресу «еретиков».

⁵ Здесь рациональное познание противопоставляется конкретно-чувственному в гиперболическом контрасте образов: гигантской птицы (Феникса), взирающей на мир с огромной высоты, и малых существ (Цикады и Горлицы), почти не способных оторваться от земли.

⁶ Сунца Мужа Чести (Юн-цзы) отождествляли с философом Сун Цзянем.

Комментарии

⁷ *Шесть явлений* — жар и холод, ветер и дождь, пасмурная погода и ясная.

⁸ Для познания природы (т. е. объективного мира) даосские философы требовали отказа от собственного «я» (т. е. всего субъективного).

⁹ *Покойник* (Ши) — внук или другой родственник, одетый в костюм умершего, исполнял его роль на похоронах, во время жертвоприношений, при провозглашении преемника умершего и в других обрядах. Покойник был первым и ведущим артистом в раннем действе — зачатке театрального зрелища.

¹⁰ Этот герой выступает и как человек — современник Суньшу Гордого (VII—VI вв. до н. э.), и как дух горы.

¹¹ *Лянь Шу* — известен лишь по данному фрагменту.

¹² Лу Дэмин и Чэн Сюаньин пытаются отождествить Встречающего Колесницы (Цзеюй) с отшельником Лу Туном, отказавшимся служить чусскому царю. В других эпизодах он похож на юродивого, называется Чусским безумцем и выступает с темными, пророческими речами.

¹³ Здесь явно выражено признание Чжуан-цзы необходимости чувственного познания.

¹⁴ Не изучая чужих обычаев, нельзя даже торговать: сунец из Срединных царств Китая, где мужчины носили длинные волосы, перевязывая их шнурком, сворачивая и закрепляя шляпой, не знал, что коротковолосым юэсцам такая сложная прическа была чуждой.

¹⁵ *Учитель Высочайшего* — Никого Не Стесняющий (Сюй Ю), *учитель Сюй Ю* — Беззубый (Не Цюэ), *учитель Беззубого* — Наставник Юных (Ван Ни) и *учитель Ван Ни* — В Тростниковом Плаще (Пи И, или Пу И).

¹⁶ *Творящий Благо* (Хой-цзы, Хой Ши) — IV в. до н. э., принадлежал к школе логиков-софистов (минцзя), постоянный участник споров с Чжуан-цзы.

¹⁷ Дань — мера объема, около 100 л.

¹⁸ Фрагмент о субъективном понимании полезного.

¹⁹ *Владеющий Своими Чувствами, Странник Красоты Совершенной*. Несмотря на некоторое расхождение в именах (Нань-го Цзыци — Наньбо Цзыци, Яньчэн Цзыю — Яньчэн-цзы) комментарий устанавливает, что это одни и те же герои.

²⁰ Даосское образное обозначение отказа от всего субъективного для познания объекта — природы, ее законов, в данном случае причины возникновения ветра (ср. с одой Сун Юя «Ветер», — В. М. Алексеев, Китайская классическая проза).

²¹ Устройство музыкального инструмента объясняется как подражание ветру, явлению природы.

²² В утверждении саморазвития всех вещей содержится отрицание «воли Неба».

²³ Для даосской традиции характерно рассматривать сон как состояние внутреннего эфира (души), зависящее от состояния эфира в теле, окружающей человека природе, чувств и мыслей наяву.

²⁴ Здесь заметна попытка выразить единство объективного и субъективного — субъективное осознается лишь в сопоставлении с объективным.

²⁵ Размышляя над строением человеческого тела, Чжуан-цзы отказывается определить, что в нем второстепенное (слуги), что главное (государь), и, наконец, отрицает бессмертие (душа превращается в прах вместе с телом).

²⁶ Одно из положений Хой-цзы, с которым полемизирует Чжуан-цзы.

²⁷ Чжуан-цзы признает возможность выразить речью все многообразие объективного мира, но отрицает роль красноречия, которое затемняет содержание.

²⁸ Дословно «этот» и «тот» — местоимения, которые по-русски не ассоциируются с данной проблемой, — относительности

объективного и субъективного и возможности познания противоположностей лишь в единстве (например, «я» в сравнении с «не-я», смерти — с жизнью и т. д.).

²⁹ Чжуан-цзы полемизирует с положениями моистов («белый конь — не конь» и др.).

³⁰ *Си Ши* — ставшее нарицательным имя знаменитой красавицы (начало V в. до н. э.). Подаренная юэским царем царю У, она сыграла немалую роль в разгроме последнего.

³¹ Признание постепенного познания мира.

³² *Чжао Прекрасный* (Вэнь) — легендарный музыкант. Чэн Сюаньин поясняет, что Чжао бросил играть на цине, убедившись в своем пристрастном отношении то к одному, то к другому тону, что было несовместимо с целостностью дао.

³³ Положения моистов, с которыми полемизирует Чжуан-цзы.

³⁴ Вариант космогонии Ле-цзы.

³⁵ Шесть стран света — восток, запад, юг и север вместе с зенитом и надиром.

³⁶ Возможно, здесь подразумевается эпоха, охватываемая хроникой Лу (723—481 гг. до н. э.) или других царств, которые также назывались «Весна и осень».

³⁷ «Встал лицом к югу» — взошел на трон, стал царем.

³⁸ *Цзун*, *Гуй* и *Сюао* — племена, которые позже завоевал Высочайший.

³⁹ Здесь дается вариант мифа о десяти солнцах, ср. «Хуайнань-цзы»: «Во времена Высочайшего сразу взошли девять солнц, спалили все злаки, иссушили все растения... Охотник по приказу Высочайшего... поразил девять из десяти солнц...» («Хуайнань-цзы», цз. 8, VII).

⁴⁰ *Первая* — наложница царя Юэ (начало V в. до н. э.), *вторая* — наложница царя Цзинь (VII в. до н. э.), имена их стали нарицательными. Значение фрагмента: иллюстрация к положению

Чжуан-цзы

об относительности субъективного восприятия действительности (см. также притчу о морской птице в Лу, с. 224, 232).

⁴¹ «Река и Хань» — реки Хуанхэ и Ханьшуй.

⁴² Комментарий говорит о первом герое как об ученике Конфуция, но прозвище в даосском стиле (Зоркий, как у птицы, Взгляд, Цюй Цяо-цзы) свидетельствует о его переходе к даосам; прозвание второго — Высокий Платан (Чан У-цзы) обычно для даосов: настолько познал природу, что стал ей подобен.

⁴³ Здесь речь идет о Конфуции.

⁴⁴ Данный фрагмент — попытка поставить проблему всеобщей зависимости явлений объективного мира. Поскольку причина движения тени солнечных часов была известна, причудливые объяснения ее (зависимость от «чешуи змеи...») вызывались, видимо, полемическими целями.

⁴⁵ Данный фрагмент без заключительной фразы используется для доказательства «мистицизма» Чжуан-цзы.

⁴⁶ Признание возможности познания объективной истины, которое не позволяет относить Чжуан-цзы к релятивистам, как это делают некоторые ученые.

⁴⁷ Прекрасномилостивый (Вэньхой) — комментаторы отождествляют его с царем Милостивым (Хойваном), который правил в Лян с 370 по 335 г. до н. э.

⁴⁸ Сведений о содержании упоминаемых произведений, не вошедших в «Книгу песен», не сохранилось.

⁴⁹ Здесь представлена попытка Чжуан-цзы объяснить процесс познания как переход от чувственных наблюдений к рациональному общению.

⁵⁰ Средство для достижения долголетия, по признанию царя, — познание законов объективного мира (здесь — анатомии) и умение ими пользоваться для покорения природы, других существ, а также самого себя. Герой притчи — повар, простой человек, умелец.

⁵¹ *Правый Наставник* (Ю Ши), *Гунвэнь Высокая Колесница* (Сянь) — персонажи с прозвищем, образованным от ранга или присвоенных ему регалий.

⁵² В древнем Китае преступника, которому отрубили ногу, обращали в раба. Говоря о «внешнем виде», одноногий, по мнению комментаторов, указывает на целостность духовную (собственное достоинство), которой свободный, даже калека, отличается от поработленного.

⁵³ Во фрагменте опровергается известная легенда о том, что Лао-цзы ушел на запад и больше не возвратился.

⁵⁴ *Цинь Свободный От Суэты* (И) — прозвание и взгляды героя указывают на его принадлежность к даосам.

⁵⁵ Инвектива против Конфуция и конфуцианцев.

⁵⁶ *Гуань Встреченный Драконом* (Лунфын) — (миф.) советник Разрывающего На Части.

⁵⁷ *Ветви Терновника* (Цунчжи), *Владеющие домами* (Юху) — названия племен, завоеванных китайцами.

⁵⁸ Скоромными в Китае считаются пряности: лук, чеснок, порей, рута, полевой тмин.

⁵⁹ Полемический прием: положения даосов вкладываются в уста их противника — Конфуция.

⁶⁰ *Опирающийся о Стол* (Цзи Цюй) — по комментарию, правитель, предшественник Готовящего Жертвенное Мясо.

⁶¹ *Царский сын Высокий* (Гун-цзы Гао, или Шэ Чжулян) — этот персонаж встречается и в «Изречениях», где выступает с вопросом другого характера.

⁶² Свидетельство об отсутствии принципа неприкосновенности послов, что отличает международные обычаи, вырабатывавшиеся в древнем Китае, от древнейших представлений о «праве гостеприимства» в Греции и Риме — будущего дипломатического иммунитета.

⁶³ По толковому словарю — это речи «древних царей», представленные в «Книге песен», «Книге преданий» и других конфу-

цианских сводах, с которыми, однако, расходятся цитируемые здесь наставления. Это был, видимо, устный свод. От него, как сообщает комментарий, заимствовал название своего труда Ян Сюн (I в. дон. э. — I в. н. э.). Фрагмент свидетельствует о том, что послы отправлялись не с грамотами, а с речами, а также объясняет причины расхождений в записях одной и той же речи в различных царствах.

⁶⁴ *Янь Врата Бытия* (Хэ) — уроженец царства Лу.

⁶⁵ *Чудотворный* (Лингун) — царь Вэй, правил с 534 по 493 г. до н. э.

⁶⁶ *Цюй Воюй* — уроженец царства Вэй.

⁶⁷ *Рассказы об укрощении тигра, об уходе за конем* — иллюстрации к диалогу о воспитании наследника, кроме его обличения, подчеркивают и принадлежность человека к животному миру, который необходимо изучать, чтобы подчинить человеку.

⁶⁸ Притча о Плотнике и Дубе и следующие за ней фрагменты посвящены проблеме относительности субъективного понимания полезного. Заключает раздел атеистический вывод: вредное для богов оказывается полезным для человека.

⁶⁹ Здесь относительность полезного и бесполезного связана с особым героем, человеком с физическими недостатками.

⁷⁰ Вариант см. «Изречения», гл. 18, где «Песня безумца» дается в сокращенном виде. В «Книге песен» она отсутствует.

⁷¹ «*Знак полноты свойств*» (дэ) — этот термин в конфуцианской школе трактовался как «добродетель», в даосской — как «постоянные свойства» вещей, их атрибуты, качества.

⁷² *Ван Кляча* (Тай) — признание этого изувеченного героя более мудрым, чем сам Конфуций, — полемический прием даосов.

⁷³ Точные сведения о Чан Цзи отсутствуют.

⁷⁴ Характеристика, обозначающая учение Лао-цзы и даосской школы в целом. См. «Дао дэ цзин», § 43.

Комментарии

⁷⁵ Попытка определить единичное и всеобщее как ступени в познании: конкретно-чувственном, низшем, и рациональном, высшем.

⁷⁶ Чэн Сюаньин видит здесь классификацию: растений, у которых голова вниз; животных, у которых голова сбоку; человека, у которого голова наверху.

⁷⁷ *Наставник Счастливый* (Шэньту Цзя) — сторонник даосизма родом из Чжэн. Этот искалеченный герой выходит победителем в споре с Цзычанем (полемический прием).

⁷⁸ *Охотник* (И) — (миф.) легендарный стрелок, см. гл. 2.

⁷⁹ *Беспалый* (Учжи) — герой, изуродованный физически, ставится выше Конфуция и по уму, и по моральному облику (полемический прием). Царь Айгун — правил в Лу с 495 по 467 г. до н. э.

⁸⁰ *Царь Айгун* — правил в Лу с 495 по 467 г. до н. э.

⁸¹ *Жалкий Горбун* (Айтай) То — герой, который, вопреки своему уродству, оказывается настоящим человеком. Единственный — местоимение, обозначающее царя.

⁸² *Единственный* — местоимение, обозначающее царя.

⁸³ *Минь-цзы* (Минь Цзыцянь) — ученик Конфуция (см. также «Изречения», гл. 11).

⁸⁴ Ум, доказывают эти герои и Чжуан-цзы, важнее внешности и способен заставить забыть об уродстве.

⁸⁵ «Учитель — это тот, кому подражают... учителем здесь считается дао» — этот комментарий Го Сяна (умер в 312 г.) подтверждается текстом дважды. В ряде фрагментов в главе представлена попытка сформулировать дао как природу, материю в ее противоречии с человеческим субъективным, т. е. как объективную действительность, и утвердить ее познаваемость.

⁸⁶ «Настоящий человек» — чжэнь жэнь, термин, возникший для обозначения даосского философа; приобрел позже значение «святой», «бессмертный».

Чжуан-цзы

⁸⁷ *Ху Буцзе* — по комментарию Чэн Сюаньина, не принял трона, предложенного ему Высочайшим, бросился в реку и утонул.

⁸⁸ *Омраченный Свет* (У Гуан, или Моу Гуан) — отказался от трона, предложенного ему Испытующим, и, обняв камень, утопился в реке Лу.

⁸⁹ *Помнящий О Других* (Цзи То) — скрылся со своими учениками из опасения, что после отказа Омраченного Света Испытующий предложит ему престол.

⁹⁰ *Наставник Олень* (Шэньту Ди) — утопился от горя, думая, что Цзи То погиб.

⁹¹ Жизнь и смерть рассматриваются Чжуан-цзы как звенья одного и того же процесса — движение «огромной массы» (материи). Ср. с образом «огромный плавильный котел».

⁹² В этом изречении Чжуан-цзы сближается с утверждением Анаксимена (VI в. до н. э.) о том, что сами боги возникли из материального первоначала — воздуха.

⁹³ «Человек из рода Кабаньей Шкуры (Сивэй, или Чжувэй)» — комментаторы, как обычно, называют его древним царем, предком, но судя по назначению слов, это название племени, уничтоженного, согласно традиции в 1879 г. до н. э.

⁹⁴ *Ковш, Связующий Звезды* (Вэйдоу), — Большая Медведица. Древние китайские астрономы считали, что от нее зависят все звезды.

⁹⁵ *Каньпэй* — по Чэн Сюаньину, получеловек, полузверь, который обрел дао и стал божеством.

⁹⁶ *Фын И* — человек, который овладел силами жара и холода и стал богом реки Хуанхэ.

⁹⁷ *Вечно Недовольный* (Чжуаньсюй) — комментатор называет его предком из рода Высокого Солнца (Гао Ян), который стал богом Севера. Дворец у него Черный — цвета Севера.

Комментарии

⁹⁸ *Пять царей* (У бо) — или пять гегемонов (У ба). Ни один из приводимых комментаторами вариантов «пятерки» не приводит к возрасту Пэн Цзу — восьмистам годам.

⁹⁹ *Фу Юэ* (миф.) стал помощником иньского царя Удина согласно традиции в 1322 г. до н. э.

¹⁰⁰ *Подсолнечник Из Южного Предместья* (Наньбо Цзыкуй) — комментаторы отождествляют его с Владеющим Своими Чувствами Из Южного Предместья (Наньбо Цзыци).

¹⁰¹ *Женщина Одинокая* (Нюй Юй), — судя по ее речи, она знаток даосского учения.

¹⁰² *Бу Опора Балки* (Ляньи) — о нем ничего не известно.

¹⁰³ Так Чжуан-цзы формулирует противоречие и единство покоя и движения, в результате которых и возникают вещи.

¹⁰⁴ Первое в этой традиции имя-прозвище подтверждает предположение о том, что даосское учение происходит от оракулов. Именно из среды гадателей, повседневно наблюдавших за явлениями природы, могли появиться люди, пытавшиеся перейти к первым научным, философским выводам из изучения объективной действительности. Остальные имена-прозвища представляются обозначением каких-то звеньев познания, на что указывает и комментарий. Но несмотря на то, что ко второму имени — внуку Повторяющего, дан комментарий Чэн Сюаньина: «Древние предания сначала передавались устно, а затем были записаны на бамбуке и шелке»; несмотря на то, что передача представлена в тексте устной (всюду глагол «слушать» — вэнь), синологи трактуют Фумо как «написанное» и дают неверный перевод.

¹⁰⁵ *Носильщик* (Цзы юй) — часть данного фрагмента с заменой Цзыюя на Цзыци (см. «Хуайнань-цзы», цз. 7, VII).

¹⁰⁶ *Пахарь* (Цзыли) — собеседники здесь люди простые, один из них калека, но все они показаны настоящими мыслителями.

Чжуан-цзы

¹⁰⁷ Еще один образ, иллюстрирующий единство процесса жизни и смерти.

¹⁰⁸ Это, как и следующие предложения, своей нарочитой нелепостью подчеркивают мысль Чжуан-цзы о стихийности процесса создания вещей. Они направлены против конфуцианского учения о «воле Небес», а также лишают оснований сближение древнего даосизма с буддизмом, с его догматом о переселении душ как о воздаянии за жизнь предшествующую.

¹⁰⁹ Этот образ творящей природы вместе с другими — «литейщик» металла, «огромная масса», которая снабжает телом, со всей полнотой выражает материалистическое миропонимание Чжуан-цзы, а поэтому лишает оснований идеалистическую трактовку памятника и перевод «создание вещей», или «то, что творит вещи» (цзао у, цзао у чжэ) как Бог, Создатель.

¹¹⁰ *Учитель С Тутового Двора* (Цзы Санху), Мэн Цзы фань, Цзы Циньчжан — имя первого говорит о том, что он принадлежит к беднейшим слоям населения, к которым относились дворы, выращивавшие туты; имена двух остальных расшифровать не удалось.

¹¹¹ Комментарии перечисляют такие элементы, как земля, ветер (воздух?), вода, огонь или вода, огонь, металл, дерево. Почему здесь пропущены металл или земля и представлены четыре элемента вместо пяти по «Ян Чжу», не ясно.

¹¹² Признание Конфуцием несостоятельности своего учения, осуждения его Небом — полемический прием Чжуан-цзы.

¹¹³ По даосской концепции, «благородный муж (царь)... человек ничтожный».

¹¹⁴ *Мэнсунь Талантливый* (Цай) — фамилия Мэнсунь принадлежала одному из трех самых знатных родов в Лу.

¹¹⁵ Образно: конфуцианское учение закрывает путь к познанию истины так же, как наказание отсекает путь к свободе, а слепота — к восприятию внешнего мира.

Комментарии

¹¹⁶ *Пренебрегая Украшениями* (У Чжуан), *Схвативший Балку* (Цзюй Лян) — эти герои, как и Сын Ласточки (Иэр-цзы), больше нигде не встречаются.

¹¹⁷ «*О мой учитель!*» — вариант этой речи в устах самого Чжуан-цзы см. прим. 85.

¹¹⁸ *Всеохватывающий* (датун) — одно из определений дао.

¹¹⁹ *Учитель С Тутового Двора* (Цзы Сан) — идентичен Цзы Санху.

¹²⁰ Здесь, видимо, представлена социологическая догадка о равенстве всех «вещей».

¹²¹ Понимание судьбы здесь у Чжуан-цзы ср. прим. 108.

¹²² См. диалог тех же героев, в котором четырежды повторяется: «Как я могу это знать?».

¹²³ *Из рода Владеющих Тигром* (Ю Юй) — род Ограждающего (Шуня).

¹²⁴ *Из рода Великих* (Тай) — комментарий отождествляет его с родом Готовящего Жертвенное Мясо (Фуси), но его характеристика («спал спокойно, пробуждался довольный») относится ко всем людям во времена другого мифического героя — Священного Земледельца, где более развернуто представлена та же даосская утопия.

¹²⁵ Речь идет о различиях между субъективным и объективным, искусственным и естественным.

¹²⁶ *Начало Пути* (Жичжун Ши) — персонаж, по-видимому, аллегорический, хотя по комментарию он — учитель Цзянь У.

¹²⁷ Образное отрицание возможности преобразования мира с помощью конфуцианских «правил и обрядов».

¹²⁸ *Корень Неба* (Тянь Гэн) — название звезды, которое Чжуан-цзы делает именем своего героя для отрицания воли Неба, определяющей все, что совершается на земле: Корень Неба сам не знает, что делать с Поднебесной. Другой герой — Безымянный,

Чжуан-цзы

по-видимому, олицетворяет саму материю (дао) и ее законы. Названия горы Темно-красной (Янь) и реки Заросшей Осокой (Ляо) на карте отсутствуют.

¹²⁹ То же начало см. ответ Лао-цзы Конфуцию.

¹³⁰ В этой поговорке выражен антиконфуцианский тезис.

¹³¹ Даосская концепция государя, являющаяся, по существу, его отрицанием.

¹³² Эта притча иллюстрирует одно из основных даосских положений: действия, в которых исходят из человеческого (субъективного) взгляда на природу, нарушают естественный закон вещей и приводят их к гибели.

¹³³ Цзэн-цзы (Цзэн Шэнь) — ученик Конфуция; Хронист (Ю) — заслуживший похвалу Конфуция (см. «Изречения:», гл. I, 15, I, 5). Отрицание положительных героев конфуцианской школы и ее тезисов о «милосердии», «справедливости» здесь достигается уподоблением их излишним «перепонкам», «зобу» и т. п.

¹³⁴ Одно из немногих выступлений Чжуан-цзы против Ян Чжу.

¹³⁵ Так называемые династии Ся, Шань-Инь, Чжоу — традиционное обозначение времени от последних веков III тысячелетия до первых веков I тысячелетия до н. э.

¹³⁶ Пример доказательства по аналогии: «обряды» и «музыка» используются конфуцианцами, чтобы калечить природу человека, как крюк, циркуль и прочий инструмент используется плотником для того, чтобы калечить природу вещей.

¹³⁷ Юйэр — тонким вкусом, способностью различать смешанную из различных рек воду сближается с легендарным поваром царя Ци — И Я, но относится ко времени мифического Желтого Предка (см. также «Хуайнань-цзы», цз. 13, VII).

¹³⁸ В данном абзаце Чжуан-цзы развивает даосскую утопию о «естественной свободе» людей на заре человеческого общества,

Комментарии

противопоставляя ее конфуцианскому «золотому веку» совершенномудрых царей.

¹³⁹ Обвиняя конфуцианцев в том, что они уродуют свободного человека, Чжуан-цзы уподобляет усмирение людей укрощению коней и другим действиям, которые нарушают природные свойства «вещей».

¹⁴⁰ *Род Пламенных Помощников* (Хэсью) — это имя отождествляется с именем Предка Огня, хотя последнего идентифицируют со Священным Земледельцем, которого Чжуан-цзы упоминает рядом с теми же Пламенными Помощниками. Другое же отождествление: Хэсью — Хуасью (хэ и хуа означают красный цвет), как и содержание фрагмента, позволяет заключить, что речь здесь идет о такой же утопии, которую изобразил Ле-цзы в Стране Всеобщего Процветания.

¹⁴¹ Ср. с утопией Лао-цзы: «Соседние государства смотрели бы друг на друга издали, слушали бы друг у друга кукареку петухов и лай собак...» («Дао дэ цзин», § 80).

¹⁴² «Хранителями воров и разбойников», по Чжуан-цзы, оказываются конфуцианцы.

¹⁴³ *Чан Хун* — сановник при царе Чудотворном (Линване) в Чжоу с 571 по 545 г. до н. э.

¹⁴⁴ *У Цзысюй* (У Юань) — советник в царстве У, покончивший с собой по приказу царя Фучая (495—473 г. до н. э.), тело его затем было брошено в реку.

¹⁴⁵ Конфуцианцы и разбойники, по Чжуан-цзы, обуславливают появление друг друга.

¹⁴⁶ Поговорка сложилась после одного из съездов царей, когда виночерпий умышленно поднес чужскому царю-гегемону плохое вино из Лу вместо хорошего из Чжао, что привело к осаде столицы Чжао — Ханьдани.

¹⁴⁷ Развивая тезисы Лао-цзы (ср. «Дао дэ цзин», § 3, 19), Чжуан-цзы объявляет объектом наживы все, начиная от мер объема, веса и кончая царскими печатями, и, чтобы прекратить воровство и «тяжбы», требует «переломать меры и перебить безмены».

¹⁴⁸ Цитата из Лао-цзы («Дао дэ цзин», § 36).

¹⁴⁹ *Искусный Молот* (Гун Чуи) — (миф.) умелец, изобретатель стрел при Ограждающем.

¹⁵⁰ Цитата из Лао-цзы («Дао дэ цзин», § 45).

¹⁵¹ Двенадцать следующих ниже имен комментариев называет «древними государями», так как позже, при систематизации мифов, часть их в какой-то мере вошла в пантеон (государь-предки). Из них Создатели Колесниц (Сянь-юань) считаются идентичными с родом Желтого Предка; Вызывающих Пламя (Чжу Юн) иногда отождествляют с родом Нюйва; род Равнины Каштанов (Ли Лу) — видимо, чжоусцы, у которых каштан — тотемное дерево; Разводящие Вороных Лошадей — видимо, чусцы, в герб царства которых входила лошадь.

¹⁵² Цитата из Лао-цзы («Дао дэ цзин», § 80).

¹⁵³ Как видно из перечисленного выше, Чжуан-цзы осуждал не знания вообще, а лишь те, за которые ратовали конфуцианцы, софисты и другие противники даосов.

¹⁵⁴ *Награды и наказания* — тезисы так называемых законников (легистов, фацзя), которые опровергает Чжуан-цзы.

¹⁵⁵ *Высоченный Боязливый* (Цуй Цюй) — персонаж аллегорический.

¹⁵⁶ Фрагмент фиксирует высказывание Лао-цзы о напрасном труде правителей — Высочайшего и Ограждающего. Эта насмешка над идеалом конфуцианцев, а также моистов (Молодым Драконом) позже наиболее резко была высказана Ян Чжу.

¹⁵⁷ Иную версию, в которой расправу над людьми С Лошадью На Шишаке, над Ведающим Разливами (Гунгуном) и Тремя Мяо

вершит не Высочайший, а Ограждающий, см. «Канон Шуня» в «Книге преданий» («Шу цзин», ч. II).

¹⁵⁸ Наиболее сильная у даосов инвектива против конфуцианцев и моистов: они объявляются не только помощниками царей, но и прямыми пособниками палачей.

¹⁵⁹ *Всеобъемлющий Совершенный* (Гуан Чэн-цзы) — герой, в котором, по-видимому, персонифицировано учение о материи или даже сама материя — дао. Позже вместе с Лао-цзы и Стражем Границы был введен в пантеон даосской религии.

¹⁶⁰ *Полководец Облаков* (Юнь цзян), *Безначальный Хаос* (Хунмэн) — относятся к тем героям Чжуан-цзы, в которых олицетворяются явления природы.

¹⁶¹ Здесь утверждаются необходимость конфуцианских моральных норм и коренное отличие человека как слуги Небес от всего остального мира, т. е. положения, противоречащие взглядам Чжуан-цзы. Это отмечали комментаторы для всего фрагмента, хотя он был уже в списке Го Сяна.

¹⁶² Здесь выражена даосская концепция «недеяния» для правителя: отказ от нарушения естественного процесса развития, действия лишь в соответствии с этим процессом (ср. «Дао дэ цзин», § 57).

¹⁶³ Комментаторы считают, что это записи речей Лао-цзы.

¹⁶⁴ *Благородный* (цзюнь-цзы) — аристократ — здесь даются характеристики, свойственные идеалам даосской школы («чуждается благодетельства и богатства...»).

¹⁶⁵ Аллегорическое обозначение дао. (Эту притчу ср. «Хуайнань-цзы», цз. 18, VII).

¹⁶⁶ *Знание* (Чжи), *Спорщик* (Чигоу), *Подобный Небытию* (Сян Ван) — герои, в которых олицетворяется процесс познания. Смысл последнего: чтобы познать материю, следует ей уподобиться.

¹⁶⁷ *Равный Небу* — титул вана, ритуального главы Поднебесной.

¹⁶⁸ «Лицом к северу» — место, занимаемое царским советником, так же как место царя — «лицом к югу».

¹⁶⁹ Царство Цветущее (Хуа) — возможно, намек на страну-утопию Ле-цзы, поскольку иероглиф (хуа) совпадает.

¹⁷⁰ Высокосовершенный (Бочэн Цзыгао) — у Чжуан-цзы, как и у Ян Чжу, противопоставляется Молодому Дракону.

¹⁷¹ Введение наказаний (средства порабощения одноплеменных), как причина бедствий народа, — одна из социологических догадок даосов.

¹⁷² Некоторые положения Чжуан-цзы в данном фрагменте основываются на космогонии Ле-цзы.

¹⁷³ Один из фрагментов, в которых Конфуций выступает как ученик Лао-цзы.

¹⁷⁴ Цзянлюй Уговаривающий (Мянь), Цзи Уразумевший (Чэ) — герои с аллегорическими прозвищами.

¹⁷⁵ Развитие даосской концепции правителя, который остается неизвестным.

¹⁷⁶ Открытое выступление Конфуция против даосизма, названного «учением рода Хаоса» (Хуньдунь), видимо, за космогонию Ле-цзы. Добавление к хаосу слова «род» (ши) показывает возможность последующего обожествления категорий этой материалистической космогонии.

¹⁷⁷ Изначальный Туман (Чжун Ман), Легкий Ветерок (Юань Фын) — аллегорические персонажи, в которых явления местные (Ветерок) противопоставляются космическим (Изначальному Туману).

¹⁷⁸ «Народ с глазами впереди» — род человеческий в противоположность зверям и птицам, у которых глаза расположены по сторонам головы.

¹⁷⁹ Образы, с помощью которых передается абстрагирование от конкретно-чувственных знаний для рационального познания вселенной, дают возможность и мистического толкования этого процесса.

¹⁸⁰ *Мын Отрицающий Душу* (Угуй), *Чичжан Полный Размышлений* (Маньцзи) — персонажи аллегорические.

¹⁸¹ Речь идет, видимо, о битве, во время которой Воинственный, чжоусский царь, сверг так называемую династию Шан-Инь (XII в. до н. э.).

¹⁸² Тезисы, направленные против Конфуция, который искал «следы» деяний древних царей, собирая о них предания, как образцы для потомков.

¹⁸³ «*Ломаем тополь*», «*Яркие цветы*» — народные песни, в «Книге песен» отсутствуют.

¹⁸⁴ Знаки отличия придворных, которые даосы приравнивают к клеткам и узам (антиконфуцианский тезис).

¹⁸⁵ В уподоблении познающего в покое — зеркальной поверхности воды, возможно, проявилось дальнейшее развитие взгляда на познание природы как ее отражение.

¹⁸⁶ Своеобразное отшельничество даосов, которое означало отнюдь не аскетизм, а отказ от службы, официальной жизни для углубленного изучения природы и ее законов.

¹⁸⁷ Это и ряд других положений фрагмента см. также гл.

¹⁸⁸ Один из тезисов даосской утопии.

¹⁸⁹ Из трех армий состояло войско крупного царства; пять родов оружия — лук и четыре вида копий.

¹⁹⁰ Здесь ведется полемика со школой логиков-софистов (мин-цзя), положения которых разделялись и конфуцианцами (см. тезис «исправления имен» в «Изречениях», гл. 12, 1).

¹⁹¹ «*Книги*» — здесь, возможно, предания. Обычай прятать записи в стенах домов, в могилах, по данным раскопок, был, видимо, столь же распространенным, как и уничтожение записей задолго до Циней. См. «*Мэн-цзы*», гл. 5 (2), 1.

¹⁹² «Основа» стала обозначать «книгу» значительно позже (со II в. до н. э.), но забывшие об этом комментаторы стремились по-

догнать известные им памятники конфуцианского канона под число «двенадцать», например: «шесть основ — это песни, предания, обряды, музыка, гадания, хроника, добавить к ним шесть «утков», составят вместе двенадцать основ»; или «гадания в двух частях, к ним десять крыльев»; или «направление двенадцати царей» в хронике.

¹⁹³ *Муж (Ши) Филигранщик (Чэнци)* — несмотря на комментарий, гласящий, что Ши — фамилия, а Чэнци — имя, мы переводим имя как прозвище, определяющее основную черту характера героя.

¹⁹⁴ По Чэн Сюаньину, так здесь назван Лао-цзы, у которого якобы учился Чжуан-цзы.

¹⁹⁵ В этом и следующем фрагменте говорится, что записи уже существовали, но выражается недоверие к ним, ибо они еще меньше, чем речи, были способны выразить мысли — отразить многообразие объективного мира во всей его полноте и сложности.

¹⁹⁶ Цитата из Лао-цзы («Дао дэ цзин», § 56).

¹⁹⁷ Еще одна формулировка даосской теории познания — от чувственного к рациональному (овладение мастерством колесника).

¹⁹⁸ «Секрет» обозначался тем же словом, что и «учение», «мастерство» (шу), видимо, оттого, что не каждый мог его воспринять и не каждому следовало его открывать. Этот обычай продолжал жить в средние века как тайна цехового ремесла. Им же, возможно, объясняется и утрата записей, которые представляли монополию школы (позже — цеха), «секрет» мастерства.

¹⁹⁹ В самой постановке вопросов здесь содержится попытка обобщать причинность всеобщего движения: «кто-то» как причина отрицается повторением иронического «от безделья»; взаимозависимость явлений намечается в сопоставлении облаков и дождя.

²⁰⁰ *Колдун Всех Призывающий (У Сяньчао)* — комментаторы пытаются отнести этого героя к историческим, называя его «министром династии Инь» (II тыс. до н. э.), хотя и указывают на несоответствие в имени.

²⁰¹ *Миф о начале письменности* — чудесном явлении черепахи с письменами — относится ко времени Молодого Дракона.

²⁰² Выступление Чжуан-цзы против конфуцианского понимания милосердия, отцовской и сыновней любви.

²⁰³ *Ин* — столица царства Чу.

²⁰⁴ *Совершенный От Северных Ворот* (Бэймынь Чэн) — встречается лишь в данном фрагменте.

²⁰⁵ «*Восход Солнца*» (Сяньчи) — жертвенный гимн, созданный согласно легенде Желтым Предком; слова его не сохранились. Перевод здесь основывается на связи гимна с весенней жертвенной обрядностью и с озером (миф.), над которым восходило солнце (см. также гл. 33).

²⁰⁶ Текст до сих пор, начиная со слов «Ведь настоящая», комментаторы считают вставкой, сделанной Го Сянем.

²⁰⁷ В древнем Китае весна считалась временем для гражданских дел, а осень — для военных (включая охоту).

²⁰⁸ Ср. «*Ле-цзы*», гл. 5.

²⁰⁹ Атеистическое понимание воздействия музыки здесь противопоставляется религиозному, конфуцианскому, по которому музыка служит в первую очередь «для призыва богов и душ предков».

²¹⁰ *Род Владеющих Огнем* (Ю Бяо) — иероглиф бяо, состоящий из трех знаков «огня», комментаторы по традиции приравнивают к иероглифу янь, состоящему из двух знаков «огня», идентифицируя его с родом Яньши — Владеющих Огнем, хотя это, видимо, другой род.

²¹¹ Данный гимн в «Книгу песен» не вошел.

²¹² *Наставник Золотой* (Ши Цзинь) — по-видимому, музыкант, встречается лишь в данном фрагменте.

²¹³ Ср. «*Дао дэ цзин*», § 5; чучело собаки, в которое стреляли, отгоняя нечистую силу, а также при принесении жертв Небу и молении о дожде.

²¹⁴ В этом и других образах Чжуан-цзы насмехается над Конфуцием, отрицавшим развитие и пытавшимся много веков спустя заставить людей жить по дедовским обрядам и устоям («древних царей»).

²¹⁵ Насмешка над обожествлявшимся конфуцианцами «мудрым советником» — Чжоугуном.

²¹⁶ В отрицании богатства у Лао-цзы здесь можно увидеть и минимум собственности, который давал человеку независимость в ту эпоху.

²¹⁷ В учении Конфуция Лао-цзы видит причину таких же бедствий для людей, как для рыб, очутившихся на мели.

²¹⁸ После этой встречи Конфуций отзывается о Лао-цзы с преувеличенной похвалой, но сомневается в том, что сумеет ему подражать.

²¹⁹ *Царь Прекрасный* (Вэнь ван) — отец Воинственного, основателя чжоуского царства. Прекрасный обожествлялся конфуцианской традицией (см. «Ле-цзы» гл. 1, 3).

²²⁰ *Сяньгуи* — знаки, с современными не отождествляются. Комментаторы сообщают, что сяньгуи — какое-то животное, сведения о котором отсутствуют.

²²¹ *Лэй* — животное, с современным знаком не отождествляется.

²²² Это представление о размножении ос в науке древнего Китая возникло из знакомства со способностью осы заготавливать запасы пищи, парализуя других насекомых укусом жала. Упомянув осу, Конфуций проговорился о своем намерении использовать учение Лао-цзы в собственных целях.

²²³ В такой иносказательной форме объявил Конфуций войну своему учителю Лао-цзы: ученик, как «младший брат», готов вытеснить «старшего».

²²⁴ В данном фрагменте отразилось многообразие философских школ и различие оттенков внутри этих школ.

²²⁵ Даосский тезис, направленный против порока, приобретает большое значение в средние века в медицине.

²²⁶ Гань комментаторы отождествляют с У, ибо два приморских царства — У и Юэ — славились качеством своих мечей. Здесь — одно из свидетельств о даосах как о противниках войны.

²²⁷ Под характером (син) Чжуан-цзы понимает свойства каждого существа от природы. Говоря об «исправляющих», Чжуан-цзы отвергает представления конфуцианцев и о врожденном добре (зафиксированном у Конфуция и Мэн-цзы), и о врожденном зле (зафиксированном у Сюнь-цзы), а также об исправлении характера с помощью конфуцианского обучения.

²²⁸ *Добывающий Огонь Трением* (Суйжэнь) — позже Зажигающий Огонь Зеркалом. Этот мифический герой, возможно, имеет какое-то отношение к родам, также связанным с огнем.

²²⁹ *Род Гончаров* (Тан) — перевод основывается на полном наименовании рода Высочайшего (Тао Тан Ши), которое здесь опущено, так же как рода Ограждающего (Юй вместо Ю Юй Ши).

²³⁰ Иероглиф вэнь («внешняя красота») начал применяться для обозначения «литературы», «изящной словесности», видимо, только со средних веков.

²³¹ Подразумевается конфуцианское, подробнее см. гл. 17.

²³² Регалии, которые жаловались сановникам.

²³³ *Дядя Реки* (Хэ бо) — бог реки Хуанхэ. О человеке, который им якобы стал, см. гл. 6.

²³⁴ *Жо* — по комментарию, имя бога океана, в тексте же о боге ничего нет; *Жо* здесь — имя Северного Океана (Бэй Хай Жо), тогда как ранее выступал владыка того же океана с именем Внезапный (Ху).

²³⁵ Выражение, которое вошло в поговорку. В этом диалоге относительность познания соединяется с относительностью пространства, а также отчасти с макро- и микрокосмосом.

²³⁶ Человек, по Чжуан-цзы, величина бесконечно малая в беспредельном пространстве и времени.

Чжуан-цзы

²³⁷ Речь идет об отличии объективного времени, как ранее — пространства, постигаемого разумом, от чувственно воспринимаемого времени.

²³⁸ Речь идет о конкретном разнообразии и развитии чувственно воспринимаемых вещей.

²³⁹ Исходя из биологического понимания человека, Чжуан-цзы отрицает деление людей на знать и простонародье (см. также «Ле-цзы», гл. 8).

²⁴⁰ *Куай* — царствовал в Янь с 320 по 312 г. до н. э. Подражая Высочайшему и Ограждающему, Куай уступил трон сыну своего советника, и на третий год в царстве поднялась смута.

²⁴¹ Это изречение Чжуан-цзы наиболее близко к знаменитой формуле Гераклита «...нельзя войти дважды в одну и ту же реку...»

²⁴² *Одноногий* (Куи) — насекомое с одной ногой. Названные в начале фрагмента Глаз и Сердце в дискуссию не вступают. Они, возможно, отнесены к заключающему беседу «мудрому».

²⁴³ Об окружении Конфуция в местности Куан, но с другим содержанием, см. «Изречения» (гл. 9). Комментарии говорят, что Куан находилось в царстве Вэй, поэтому название жителей — сун-цы — здесь описка.

²⁴⁴ *Учение о судьбе и времени* — об эпохе, как причина удачи или неудачи того или иного деятеля, его учения, опровергается здесь с помощью эпизода из жизни Конфуция: его собственная оценка эпизода оказывается ложной.

²⁴⁵ *Царевич Моу* («Ле-цзы», гл. 4) отстаивал учение Гунсунь Луна, здесь же опровергает своего прежнего учителя, доказывая правоту Чжуан-цзы.

²⁴⁶ *Шоулин* — город в царстве Янь.

²⁴⁷ *Бушуй* (Бухэ) — приток Хуанхэ.

²⁴⁸ Одна из формулировок отказа Чжуан-цзы служить власть имущим.

²⁴⁹ Хао — приток Хуанхэ.

²⁵⁰ В споре с Творящим Благо (Хой-цзы) Чжуан-цзы доказывает познаваемость объективной действительности.

²⁵¹ Счастье (или наслаждение) — в недеянии, понимаемом как деятельность разума в познании природы.

²⁵² Некоторые исследователи видят здесь цитату из «Дао дэ цзина» (§ 39) и считают неверной общепринятую фразу «чжи шу юй у юй».

²⁵³ Ту же характеристику, но отнесенную к дао см. «Дао дэ цзин», § 37.

²⁵⁴ Комментарий Ли И дает значения этих имен: Чжили — как Забывший О Теле, Хуацзе — как Забывший О Разуме, упуская из виду, что сходные герои уже появлялись ранее (Урод Шу, Однотелый). Лишь имя последнего — Хуа — дает основание для нового значения — Неразумный.

²⁵⁵ Чэн Сюаньин говорит об опухолях у обоих героев, однако текст для этого не дает оснований — о своей опухоли говорит лишь один.

²⁵⁶ Эту притчу см. также «Го юй» («Речи царств»).

²⁵⁷ Жертвенных животных — быка, барана и свинью.

²⁵⁸ См. «Ле-цзы», гл. 1.

²⁵⁹ Мосе и Ганьцзян — пара легендарных мечей, носящих имена их создателей — оружейника (Гань Цзян) и его жены (Мо Се), вариант — один меч. Одна из черт даосской утопии.

²⁶⁰ Одна из черт даосской утопии.

²⁶¹ Чжоуский царь Величественный (Вэйгун) — по комментарию Цуя, — сын царя Хуаня, который правил в Чжоу с 719 по 697 г. до н. э. О Величественном, Тянь Кайчжи и жреце (Чжу) Шэне других известий не сохранилось.

²⁶² Одиноким Барс (Шань Бао); Чжан Смелый (И) — рассказ о них ср. «Хуайнань-цзы», цз. 186.

²⁶³ Жрец Сородич (Чжу Цзунжэнь) — персонаж аллегорический.

²⁶⁴ *Хуан-цзы Обвинитель Гордыни* (Гаоао) — персонаж аллегорический.

²⁶⁵ *Соломенный Башмак* (Люй), *Высокая Прическа* (Цзи), *Гром* (Лэитин), *Лягушка* (Валун), *Домовой* (Иян), *Водяной* (Вансян), *Разноцветная Собака* (Шэнь), *Одноногий* (Куй), *Двуглавый Змей* (Фанхуан), *Извивающийся Змей* (Вэйшэ) — несмотря на явно иронический подбор названий духов и их жилищ (например, бога Грома — в мусорной куче во дворе) и лстящую царю разгадку виденного им духа, комментаторы тщательно описывают каждое из упоминаемых «божеств», хотя некоторые, возможно, перешли в их число от Чжуан-цзы.

²⁶⁶ В этом фрагменте представлено развитие взгляда на искусство как на подражание природе: образ музыкального инструмента оказывается заложенным уже в дереве; обнаружить его и «приложить руки» — такова задача мастера.

²⁶⁷ Рассказ о колесничем, видимо, общее место. Здесь он отнесен к царю Достойнейшему (Чжуангуну), в «Сюнь-цзы» (цз. 20, II) — к царю Дингуну; остальные герои здесь Янь Врата Бытия (Хэ) и Просо из Восточной Степи (Дунье Цзи); в «Сюнь-цзы»: Янь Юань и Би из того же рода — из Восточной Степи.

²⁶⁸ *Сунь Изгой* (Сю) — персонаж аллегорический.

²⁶⁹ *Бянь Счастливого* (Цин-цзы) — сторонник даосской школы, которая раскрывается здесь еще одной своей стороной: стремлением привлечь отверженного.

²⁷⁰ *Удалец С Юга От Рынка, Обязанный К Черной Работе* (Шинань Иляо) — поступки и речи во всех источниках характеризуют его как даоса, а также как удалца (см. комментарий к «Хуайнань-цзы», цз. 9, VII), «...мог противостоять пяти сотням человек» («Цзочжуань», 17-й год правления царя Айгуна — 479 г. до н. э.).

²⁷¹ Здесь субъективные намерения царя (добрые) противопоставляются объективным условиям (злу) — его царству, за которым охотятся, как за красивой шкурой зверя.

²⁷² *Царство Утвердивших Свойства* (Цзянь Дэ) — одно из аллегорических названий для даосской утопии.

²⁷³ *Расточительный Из Северного Дворца* (Бэйгун Шэ) — его жизнь отнесена ко временам царя Чудотворного (534—493 гг. до н. э.).

²⁷⁴ *Царский сын Завидующий Счастливицу* (Ван-цзы Цин-цзи) — комментаторы, сомневаясь, чтобы сын чжоуского царя (вана) мог служить в другом царстве, отождествляют его с царским внуком Цзя (Вансунь Цзя).

²⁷⁵ *Несущий Бремя Беспристрастия* (Дагун Жэнь) — возможность перевода имени этого героя как аллегорического прозвища подтверждают комментаторы, говоря, что в то время не было сановника (дангун, или тайгун, — название ранга) по имени Жэнь.

²⁷⁶ *Забывчивая* (Идай) — имя птицы аллегорическое.

²⁷⁷ Эту часть цитаты см. «Дао дэ цзин», § 22 и 24. Человеком большого совершенства здесь, следовательно, называется Лао-цзы.

²⁷⁸ На болотах жили Ле-цзы и его ученики.

²⁷⁹ «Учитель С Тутового Двора (Цзы Санху)» — содержание его монолога позволяет согласиться с комментарием, отождествляющим это лицо с Учителем С Тутового Двора, хотя здесь иероглиф ху другой и означает птицу (*Eophona personata*).

²⁸⁰ «Цзя» ряд комментаторов считает названием царства, только Сыма Бяо говорит, что Вернувшийся Из Леса (Линь Хой) был беглецом из царства Инь.

²⁸¹ Песня эта неизвестна. Иероглиф рода бянь состоит из трех знаков «собака», но, несмотря на это, комментаторы отождествляют его с иероглифом, состоящим из трех знаков «огонь», т. е. родом Владеющих Огнем.

Чжуан-цзы

²⁸² Возможно, что этот храм давал убежище, тогда «остаётся» (цунь) означает «пользоваться правом убежища».

²⁸³ Лань Це — ученик Чжуан-цзы.

²⁸⁴ Комментаторы считают, что своим учителем Чжуан-цзы называет Лао-цзы, но приведенные здесь слова в «Дао дэ цзине» отсутствуют.

²⁸⁵ Тянь Постоянный (Цзыфан), его другое имя Не Допускающий Выбора, — наставник вэйского царя Прекрасного (Вэня), правившего с 424 по 387 г. до н. э. О нем см. также «Хуайнань-цзы», цз. 18, VII.

²⁸⁶ Работающий У Ручья (Цигун), Учитель Кроткий из Восточного Предместья (Дунго Шунь-цзы) — известное о них восходит к данному фрагменту.

²⁸⁷ Дядя из рода Мягких по прозвищу Белоснежный (Вэнь-бо Сюэ-цзы) — даос с Юга (по комментарию из Чу), поскольку противопоставляет себя не только лусцам, но и всем жителям Срединных царств.

²⁸⁸ Здесь о конфуцианцах сказано иронически, позже понятия «цикуль» (гуй) и «наугольник» (цзюй) слились и стали метафорически обозначать «благопристойное поведение».

²⁸⁹ Это пример даосской диалектики, построенной на взаимодействии двух начал — Инь—холод—тьма—луна и Янь—тепло—свет—солнце, их взаимопорождении.

²⁹⁰ Айгун правил в Лу с 495 по 467 г. до н. э. Считая, что Чжуан-цзы жил на сотню с лишним лет позже, Чэн Сюаньин относит данный фрагмент к числу вымышленных, а Дж. Легте отрицает его подлинность. Эти авторы не учитывают, что при устной передаче в произведениях ораторов, как и в народной песне, одно имя могло случайно и намеренно заменяться другим.

²⁹¹ Своей одежде конфуцианцы придавали символическое значение: небо в древнем Китае считалось круглым, а земля — квадратной.

²⁹² *Раб из Сотни Ли* (Боли — название места, Си — раб) — мудрый советник Мугуна, правившего в Цинь с 659 по 621 г. до н. э. По представленному здесь варианту Боли Си был «из презренных»; по другим вариантам, он побывал в сановниках в царстве Юй, находившемся на территории современной провинции Шаньси, а после его поражения был куплен за пять бараньих шкур, см. «Речи Цинь», — «Речи борющихся царств» («Чжань го цэ»).

²⁹³ Значение местности, в которой «скрывались» (Цан — тот же иероглиф означал и раба), подтверждает Сыма Бяо, говоря, что царь Прекрасный «переодевался», т. е. посещал это место инкогнито. Попытки отождествить «удильщика» со стратегом царя Прекрасного — Тайгуном лишены оснований, ибо Тайгун стал родоначальником царей в Ци, а «удильщик» ушел в неизвестность.

²⁹⁴ *Царство Фань* — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Хэнань.

²⁹⁵ *Недеяние* — Увэй вэй; значение последнего вэй неясно. Недеяние — только Увэй. В именах героев и названиях местностей — Недеяние, Возвышающийся Безумец, Темная (Изначальная) Вода, Конец Сомнений — также олицетворяется процесс познания, как и в Знании и других героях. Характеристика Безумца, как и Подобного Небытию (т. е. самой материи), позволяет говорить о философском понимании безумия как мудрости и воплощении ее в образе такого юродивого, как чусский безумец Встречающий Колесницы.

²⁹⁶ См. «Дао дэ цзин», § 2.

²⁹⁷ Атеистическая характеристика жизни и смерти, причем термин для последней «разложившейся» (чоуфу) употребляется тот же, что и у Ян Чжу.

²⁹⁸ Установление различий в развитии плода, как и в числе отверстий — девяти (глаза, уши, ноздри, рот, мочевой канал, анус) или восьми, — говорит о начале биологической классификации у даосов.

²⁹⁹ Ср. «Дао дэ цзин», § 81.

³⁰⁰ Вывод Лао-цзы ср. с оценкой человека с точки зрения вечности у Ян Чжу.

³⁰¹ «Жизнь... так же мимолетна, как... белый жеребенок» <вар. «скользнувший по щели солнечный луч»>, этот двойной смысл объясняется тем, что бай цзюй в мифе означал коня (коней?) в колеснице солнца.

³⁰² Душа разумная (хунь), душа телесная (по) — первая, по даосской концепции, — от эфира неба, вторая — от эфира земли; после смерти первая, легкая, рассеивается в небе, вторая, тяжелая, соединяется с землей.

³⁰³ Здесь ляо (по комментарию сюйцзи) представляет собой, видимо, попытку создания термина для отвлеченного мышления, абстракции.

³⁰⁴ По комментарию, синоним «слов истины».

³⁰⁵ Закрывающий Курган (Янь Ган) — как и другие герои фрагмента — Нерешительный Сладость Лотоса (Э Хэгань) и Старый Дракон Счастливый (Лао Лун Цзи), судя по прозвищам, — даосы.

³⁰⁶ Великая Чистота (Тайцзин), Бесконечность (Уцюн), Недеяние (Увэй), Безначальный (Уши), как и герои следующего фрагмента — Свет (Гуанъяо), Небытие (Ую), — представляет собой олицетворение категорий даосской космогонии.

³⁰⁷ Вселенная обозначается здесь сочетанием слов юй — «пространство», и чжоу — «время».

³⁰⁸ Один из характерных для даосов героев — народных умельцев.

³⁰⁹ Жань Цю (Жань Ю) — ученик Конфуция, см. «Изречения» гл. 3, I.

Комментарии

³¹⁰ Гэсан Чу — см. «Ле-цзы», гл. 4.

³¹¹ Прием инвективы, здесь — против конфуцианских героев.

³¹² Карлик Прославленный На Юге (Наньон Чу) — персонаж, по-видимому, аллегорический, выведен как ученик Гэсан Чу.

³¹³ В Юэ куры были мелкие, в Лу — крупные.

³¹⁴ Ср. характеристики младенца здесь и в «Дао дэ цзине», § 55.

³¹⁵ «Сын природы» (тяньцзы) противопоставляется Сыну Неба как государю. Здесь проявляется различие в понимании слова тянь: в даосской школе оно в основном означало «Природу», в идеалистической же, конфуцианской, — «Небо» как верховное божество.

³¹⁶ Сравнение сил природы с разбойниками см. также «Инь Фу цзин» (в собрании «Хань Вэй цуншу», т. 13).

³¹⁷ «Пространство... время...» — объясняемые здесь порознь юй, чжоу слитно обозначали «вселенную» (см. гл. 22).

³¹⁸ Чжао... Цзин... Цзя Цюй — аристократические роды в царстве Чу. Комментаторы считают Цзя опиской, ибо по комментарию Ван И, к «Чусским одам» третьим являлся род Цюй (Цюй Юаня).

³¹⁹ Возможно, это догадка даосов о законе сохранения вещества.

³²⁰ См. притчу, с. 123—124.

³²¹ «Скованные вместе...» (сюйми) — осужденные в рабство этой категории вместе с другой (тех, у кого отрубили ногу) объявляются здесь людьми наиболее совершенными, близкими к природе. Чэн Сюаньин приводит в доказательство и поговорку: «Бережет себя тот, кого ценят в тысячу золотом, раб же жизни своей не жалеет».

³²² Сюй Отрицающий Душу (Угуй) — даос, который жил в уединении.

³²³ Нюй Шан — жрец, который ведал закланием жертвенного скота при Воинственном (Ухоу), царе в Вэй с 386 до 371 г. до н. э.

³²⁴ «Металлические планки в шести чехлах» («Лю тао») — по одним данным, не сохранившийся памятник военной мысли в шести главах, который приписывается Цзян Тайгуну; по другим, тайные гадания, пророчества.

³²⁵ *Высокий Утес* (Да Вэй) — олицетворение познания, путь к которому полон препятствий. Одно из них — гора Терновая Чаша (Цзюйцы).

³²⁶ «Семеро мудрецов» — в противоположность отроку-табунщику — вместе с Желтым Предком представлены иронически его спутники с разнообразными прозвищами: Едва Прозревший (Фанмин), Блестящий Сказочник (Чанъюй), Предполагающий (Чжан Жо), Друг Повторяющий (Сипын), Подобный Привратнику (Кунь Хунь), Смехотвор (Хуацзи).

³²⁷ Обращение «небесный наставник» («Тянь ши») было принято с I в. н. э. как титулование патриарха даосской религии.

³²⁸ В этом фрагменте дана оценка различных представителей общества (школ, сословий) с точки зрения их удаленности от даосского идеала (мужи, ораторы, надзиратели...) или приближения к нему (земледельцы, купцы, ремесленники).

³²⁹ Ян Чжу.

³³⁰ *Бин* — прозвание софиста Гунсунь Луна.

³³¹ Лу Цзюй, судя по содержанию фрагмента, открыл явление резонанса.

³³² В сожалении по поводу смерти Творящего Благо обнаруживается мнение Чжуан-цзы о необходимости споров с достойным противником для развития собственного учения, умения его доказывать, иными словами о том, что в спорах рождается истина.

³³³ *Красавец Без Сомнений* (Янь Бун) — персонаж с аллегорическим прозвищем.

³³⁴ *Дун Платан* (У), — судя по прозвищу, сторонник даосизма.

³³⁵ Тянь Хэ, отождествляется с царем Ци (см. «Ле-цзы», гл. 6).

³³⁶ Вследствие отказа Удальца с Юга от Рынка принять участие в мятеже Бэйгун Шэна (см. «Ле-цзы», гл. 8).

³³⁷ Вследствие того что враги, заподозрив какую-то хитрость, прекратили наступление. Комментаторы считают фрагмент приписанным на том основании, что все три героя жили в разное время.

³³⁸ *Владеющий Своими Чувствами* (Цзыци). Комментаторы называют его конюшим (сыма) в Чу, хотя содержание монолога позволяет отождествить его с другим одноименным героем из Южного Предместья.

³³⁹ *Пропавший Без Вести Во Вселенной* (Цзюфан Янь) — известный физиономист, ср. «Ле-цзы», гл. 8, «Хуайнань-цзы», цз. 12, VII.

³⁴⁰ Род отца, матери и жены.

³⁴¹ По оригиналу трудно точно установить, где конец речи одного героя и начало речи другого.

³⁴² Продажа свободных в рабство, видимо, воспрещалась, поэтому для продажи их калечили как осужденных.

³⁴³ Ввиду отсутствия известий о человеке с таким именем, мнения комментаторов расходятся: его считают богачем, инспектором улицы, богатым купцом или мясником.

³⁴⁴ *Нежный Красавец, Предающийся Неге, Хватающий Сокровенный* — прозвища, указывающие на черту характера. Эти имена вместе с другими доказывают богатство образов у даосов, а особенно у более позднего — Чжуан-цзы.

³⁴⁵ Ср. «Мэн-цзы», гл. 5(1), I.

³⁴⁶ *Отрочья земля* — (метаф.) земля без растительности, будто отрок, еще не доросший до обряда надевания шапки — инициации.

³⁴⁷ См. притчу о рыбах на мели.

³⁴⁸ *Воронья голова, цзегэн, куриная голова, чжулин* — яд ако-нит, *platycodon grandiflorum*, *euryale ferox*, гриб-нарост на дереве.

³⁴⁹ *Вэнь Чжун* — искусный дипломат, который спас царство Юэ от поражения в 494 г. до н. э. и помог царю Гоуцзяню подго-

товиться к реваншу в 473 г. Но после победы над усцами Гоуцзянь решил казнить Вэнь Чжуна, и тот, переменив имя, был вынужден скрываться.

³⁵⁰ Данный и следующий фрагменты содержат признание Чжуан-цзы возможности познания объективной истины.

³⁵¹ В данном фрагменте Чжуан-цзы представляет познание как процесс бесконечного разрешения сомнений.

³⁵² *Подражающий Свету* (Цзэян) — Пын Ян, по прозвищу Цзэян, персонаж близкий к даосскому учению.

³⁵³ *И Преданный Долгу* (Цзе) — истый придворный с конфуцианским прозвищем.

³⁵⁴ *Ван Решительный* (Го), *Гун Ушедший От Смотров* (Юэсю) — сторонники даосизма, осуждающие и придворных и самого царя Чу.

³⁵⁵ *Муж из рода Гадателей На Черепашьей Бороде* (Жань Сянши) — данный персонаж в позднем источнике («Лу ши», X—XII вв.) относится к деятелям эпохи сотворения мира; судя же по пословице — «Что борода у черепахи, рога у зайца», черепашья борода служила предзнаменованием войны. Решить, каково отношение к этому персонажу — ироническое или положительное, не позволяет текст, записанный очень туманно.

³⁵⁶ *Восходящий* (Дэн) и *Неуклонный* (Хэн) — относя героев, как правило, к лицам историческим, некоторые видят в Дэн Хэне одного человека, тогда как Чэн Сюаньин и Го понимают, что два чина должны сопровождаться и двумя именами. Мы пытаемся решить вопрос, как обычно, расшифровывая прозвища.

³⁵⁷ *Несущий Возвышенное* (Дай Цзиньжэнь) — встречается лишь в данном фрагменте.

³⁵⁸ От этой притчи пошла поговорка — «Битва на рожках улитки», как осуждение войн.

Комментарии

³⁵⁹ Для изображения относительности пространства далее применяется фольклорный прием ступенчатого сужения образов.

³⁶⁰ *Цзылао* (Цинь Чжан, Цзыкай) — ученик Конфуция (см. также «Изречения», гл. 9, I).

³⁶¹ *Кипарисовый Наугольник* (Бо Цзюй) — ученик Лао-цзы.

³⁶² В этом плаче-инвективе причиной возрастающего числа тяжб и осужденных называется погоня за славой (властью) и богатством.

³⁶³ Великие хронисты: Большой Чехол (Да Тао), Дядя Всегда Ошибающийся (Бо Чанцянь), Кабанья Шкура (Сивэй) — комментатор говорит лишь об именах хронистов, по-видимому, они — герои с аллегорическим прозвищем.

³⁶⁴ «Лин». Кроме посмертного титула — «Чудотворный» — это слово имеет ряд других значений и служит здесь для игры слов: у первого хрониста это просто одушевленный предмет, у второго — человек сообразительный, у третьего — покойник.

³⁶⁵ *Малое Знание* (Шаочжи), *Справедливый Приводящий К Согласию* (Дагун Дяо) — имена аллегорические.

³⁶⁶ *Селения* (цю, ли) — здесь явно подразумевается лишь единица общежития вне зависимости от названия. Однако в комментариях с оговоркой, что в древности, как и теперь, повсюду были свои местные особенности, даются разнообразные объяснения, например, ли: четыре колодца (цзин) составляли один и, четыре и — одно цю; пять семей составляли соседей (линь), пятеро соседей — одно ли (или), в древности десять семей составляли цю, двадцать — ли.

³⁶⁷ *Цзи Истинный* (Чжэнь)... *Продолжатель* (Цзе-цзы) — комментатор сообщает, что оба они посещали Академию Цзися в царстве Ци, однако сведения об этом сохранились лишь в отношении Цзе-цзы.

³⁶⁸ В данном фрагменте рассматриваются необходимость и случайность, возможность и действительность.

Чжуан-цзы

³⁶⁹ *Несущий Зло (Улай)* — по комментарию, лстивый слуга Бесчеловечного.

³⁷⁰ *Сяо Цзи* — сын иньского царя. Преследуемый мачехой, он умер от горя.

³⁷¹ *Софора (хуай)* — *Sophora japonica*. У древних китайцев, видимо, священное дерево, ибо от него произошли такие термины, как названия судилища (мянь хуай, тин суп хуай), высшие чины (сань хуай) и др.

³⁷² «*Луне, конечно, не справиться с огнем*» — по представлениям древних китайцев, луна была концентрацией водного эфира.

³⁷³ Это заключение притчи вошло в поговорку, как отказ от своевременной помощи в беде.

³⁷⁴ Эту народную песню, как и многие другие, конфуцианцы в «Книгу песен» не включили (факт, который служит доказательством отбора при составлении свода). Чэн Сюаньин говорит: «Эта песня — из забытых, давно снята. При похоронах аристократам вкладывали в рот много жемчуга, за что их и обличала песня “Зеленая, зеленая”. Тянь Хэн использовал “милосердие и справедливость”, чтобы украсть царство Ци. Конфуцианцы же распевали песни и славил обряды, чтобы грабить могилы. Отсюда видно, что на деяния мудрецов не стоит опираться». Су Юй же опровергает комментарий Чэн Сюаньина, обвиняя учение Чжуан-цзы в том, что оно «ведет людей пожирать людей», из-за него-де и Тянь Хэн «украл царство Ци».

³⁷⁵ *Старый Чертополох (Лао Лай-цзы)* — представлен в различных версиях. В назидательных «Портретах 24 почтительных сынов и дочерей» («Эр ши сы сяо ту») он — почтительный сын в конфуцианском духе. Здесь, по тексту и по комментарию, он выступает философом даосской школы.

³⁷⁶ Этот рассказ см. также у Сыма Цяня («Исторические записки», цз. 128, I).

³⁷⁷ В некоторых положениях (о правильном и неправильном образе жизни) Чжуан-цзы из области философии переходит в область медицины (см. также ниже, фрагмент «Тишиной можно...»).

³⁷⁸ *Широкие ворота* (Яньмын) — ворота в столице царства Сун.

³⁷⁹ «...Забывают про ловушку» — эти выражения вошли в пословицу, как осуждение неблагодарности в ряду таких, как «Зайца загнали и собаку сварили».

³⁸⁰ В первом фрагменте главы Чжуан-цзы анализирует некоторые основные приемы ораторского искусства, подсчитывая, что притчи в речах занимают до девяноста процентов, а заимствования — до семидесяти. Как всегда, полемически высказывается он о речах «почитаемых», относя их во многом к «праху», и отстаивает право на беспредельное развитие мысли — «речи всегда новые, как вино из чарки».

³⁸¹ «Фу... чжун...» — меры объема (жалованье выдавалось в зерне).

³⁸² Чэн Сюаньин говорит о постижении закономерностей вещей. Этот даосский термин, видимо, был использован для перевода буддийского понятия «шесть сообщений чувств» (лю жу): «цвета, звуки, запахи, вкус, поверхности и отвлеченные представления», возникающие благодаря «зрению, слуху, обонянию, вкусу, осязанию и мысли».

³⁸³ *Советующий* (Цюаньгун) — перевод прозвища дается по комментарию Сюаня.

³⁸⁴ *Цзычжоу Отец Устоявший* (Чжифу), *Дядя Устоявший* (Чжибо) — комментаторы считают, что Цзы — фамилия, Чжоу — имя, в прозвище же отождествляют «отца» (фу) и «дядю» (бо), принимая их за одного человека, хотя традиционные даты правления Высочайшего и Ограждающего (2357—2258 и 2257—2208) говорят о расстоянии в пятьдесят-сотню лет.

³⁸⁵ *Земледелец из Каменистых дворов* (Шихучжи Нун) — комментаторы пытаются отождествить знак ху — «двор» со зна-

ком хоу — «титул». Но здесь, как и в случае с Санхау, прозвище дается, видимо, по профессии.

³⁸⁶ «Муж, отвечающий за сильных работников» («бао ли яжи ши») — значение не вполне ясно, возможно, что нечто вроде старосты (бао).

³⁸⁷ Великий государь Отец Верный (Давая Дань фу) — один из основных предков племени Чжоу (ср. «Книга песен» — «Тыквы возрастают одна за другой на петлях», III, I).

³⁸⁸ Для подобных изысканий показателен комментарий к рассказу Чжуан-цзы о царском сыне, который убежал от своих будущих подданных, успевших перед тем убить трех царей. Этот сюжет — иллюстрация к тезису о героях, которые «не станут затевать драку ради трона». Хотя иероглиф, обозначающий имя царевича, расшифровке не поддавался, толкователи пытались и здесь определить «исторические рамки», отыскав царевича под другими именами. Одни, ссылаясь на «Хуайнань-цзы» (цз. 1, VII, 7), называют его Скрывшимся (И); другие, ссылаясь на «Исторические записки» и «Бамбуковые летописи», — сыном Скрывшегося Недеспотичным (Учжуань). С последними соглашается и комментатор «Весны и осени Люя» (цз. 2, VI). При этом упускается из виду возможность описки даже в одном знаке — в имени царя или в названии царства. Случайная же описка в именах (Прекрасный, Воинственный и др.), встречавшихся в хрониках любого царства, могла привести к расхождению в датировке на многие века. Такие расхождения приводили к «сомнениям», а значит, и к отрицанию подлинности отдельного фрагмента и даже всего памятника. По существу же, если хронология в записях речей могла нарушаться для главных персонажей (как в эпизоде с Разбойником), то еще меньше ее соблюдали для лиц эпизодических, какими были цари. В сюжетах притч, привлеченных лишь для ил-

Комментарии

люстрации философских положений, следовало бы и вовсе отказаться от таких поисков.

³⁸⁹ *Чжаоси* — возможно, Чжаохоу, царь в Хань с 358 по 333 г. до н. э.

³⁹⁰ Жемчужина суйского царя была, согласно легенде, поднесена царю в благодарность за спасение Священной змеей из богатой жемчугом реки Бу, на которой стояло царство Суй, находившееся на территории современной провинции Хубэй.

³⁹¹ *Светлейший* (Чжао), царь Чу в 515—489 гг. до н. э.

³⁹² *Мясник, забивающий овец, Рассуждающий* (Шо) — в данном фрагменте раскрывается умение простого человека защищать себя и от царского гнева и от царских милостей.

³⁹³ Комментарий говорит о «договоре соблюдать закон, принятом вместе с народом».

³⁹⁴ *Конюший Владеющий Своими Чувствами* (Сыма Цзыпи) — судя по чину и службе у царя, это лицо не может отождествляться с встречающимся ранее героем с тем же прозвищем.

³⁹⁵ *Три великих мужа* (дословно: три знамени, цзин). Комментарии отождествляют цзин с гуй — нефритовым скипетром, знаком различия великих мужей (гун), а отсюда и самими мужами. Речь идет, видимо, о тех родах, которые иногда стояли даже выше царей, например в Лу — Мэнсунь: Шусунь, Цзисунь (ср. «Изречения», гл. 3, I).

³⁹⁶ *Белая марь* — *Chenopodium album*.

³⁹⁷ Во фрагменте дана отповедь одного ученика Конфуция (Юань Сяня) другому (Цзыгуну) с даосских позиций.

³⁹⁸ Даосом здесь выведен еще один ученик Конфуция — Цзэн-цзы. Но тот факт, что именно его чаще всех и сильнее всех бранил Чжуан-цзы, заставляет думать об описке: здесь, возможно, было другое имя.

³⁹⁹ Простолюдин, или человек, отказавшийся от службы, от аристократического звания.

⁴⁰⁰ Данные формулировки позволяют предположить существование в древнем Китае обычая объявлять кого-нибудь вне закона.

⁴⁰¹ *На южном берегу Ин скитался Никого Не Стесняющий*; на горе Гун — Гун Бо, который был регентом во время междоусобия — после изгнания Ливана (841 г.) и до воцарения Сюаньвана (827 г. до н. э.), когда четырнадцать лет длилась страшная засуха. «Возвысили его — не радовался, сняли его — не огорчался» (см. комментарии к «Бамбуковым летописям», годы правления Ливана).

⁴⁰² *Северянин Не Допускающий Выбора* (Бэйжэнь Уцзе) — несмотря на одинаковое с Тянь Цзыфаном прозвище, не может быть с ним отождествлен, ибо отнесен к значительно более раннему времени.

⁴⁰³ *Вспыльчивый* (Бянь) *Суй* — персонаж, по-видимому, аллегорический.

⁴⁰⁴ Вариант данного фрагмента см. «Весна и осень Люя» (цз. 20, VI).

⁴⁰⁵ На этом предложении Ровный и Равный основывают следующую далее инвективу, обвиняя царя Воинственного и Чжоугуна в целом ряде преступлений: в привлечении сторонников путем подкупа; в несвоевременном принесении жертвы ради клятвы с союзниками, которым они не доверяют, и, наконец, в главном — заговоре против старшего, иньского царя.

⁴⁰⁶ *Цзи Под Ивой* — легендарный судья (ок. VII в. до н. э.). Чжуан-цзы намеренно сводит вместе его и Конфуция (VI—V вв.), усиливая полемичность тем, что Разбойник Чжи — родной брат судьи.

⁴⁰⁷ Народное поверье: печень врага придает победителю смелость и отвагу.

⁴⁰⁸ Одно из главных обвинений против власть имущих — в паразитизме, — которое Разбойник добавляет к обычным у даосов в своей развернутой инвективе против Конфуция.

⁴⁰⁹ «Род, Владеющих Гнездами» (Ючао) — впоследствии это название стали относить к одному человеку — предку.

⁴¹⁰ Пересказывая устами Разбойника даосское понимание развития человеческого общества, Чжуан-цзы добавляет к нему и новые черты (например, предание о матриархате).

⁴¹¹ Красный Злодей (Чи Ю) — миф о нем представлен в вариантах: от чудовища до первого изобретателя металлического оружия и первого «бунтовщика».

⁴¹² Бао Цзяо (Бао-цзы), Цзе Цзытуй, Вэй Шэн — устами Разбойника Чжуан-цзы осуждает всех этих героев, которые покончили с собой.

⁴¹³ Здесь Разбойник пересказывает тезисы Ян Чжу.

⁴¹⁴ Выгода Любой Ценой (Мань Гудэ) — характеристика даного персонажа дана в прозвище, подтверждаемом его речью.

⁴¹⁵ Термины, обозначавшие отношения в семье и обществе. Комментаторы указывают на расхождения в их трактовке в различных памятниках.

⁴¹⁶ Ван Цзи — отец царя Прекрасного был младшим сыном, и когда ему был передан престол, его старшие братья были вынуждены бежать. В этом, как и других героях фрагмента, Чжуан-цзы обличает конфуцианцев: они возводят в число «праведных царей» нарушителей утверждаемых ими же обычаев.

⁴¹⁷ Свободный От Условностей (Уюэ) — беспристрастный судья, философ даосской школы.

⁴¹⁸ По Конфуцию, сын и отец обязаны покрывать друг друга (см. «Изречения», гл. 13, I).

⁴¹⁹ Шэнь-цзы (Шэньшэн) — наследник цзиньского царя Сяньгуна (правил с 677 по 652 г. до н. э.), покончил с собой, не

сумев оправдаться от обвинения в покушениях на жизнь своего отца, на самом деле подстроенного царской наложницей (мачехой).

⁴²⁰ Чэн Сюаньин сообщает, что Конфуций не остался со своей матерью перед ее кончиной, приняв, вопреки обычаю, приглашение на службу.

⁴²¹ Куан Чжан (Куан-цзы) не встречался с отцом — герой, безуспешно пытавшийся наставить своего отца упреками. См. «Мэн-цзы», гл. 4 (2), I.

⁴²² Довольный (Чжихэ) — дословно «познавший гармонию» — как противоположность другому герою Недовольному (Уцзу). Диалог направлен против стяжательства — погони за богатством и славой (властью) с точки зрения Ян Чжу.

⁴²³ Царь Чжао Прекрасный (Вэнь ван) — некоторые комментаторы, а за ними и синологи отождествляют этого царя с Милосливо прекрасным (Хой вэнь ваном), правившим в Чжао с 298 по 266 г. до н. э., за современника которого и принимают Чжуан-цзы. Такая датировка производится вопреки данным Сыма Цяня, а также вопреки тому, что этот эпизод отнесен в «Чжуан-цзы» к прошлому («когда-то» — си), что упоминание о нем, как и о наследнике Печальном (Кье), отсутствует в «Исторических записках» Сыма Цяня и, наконец, что с 265 г. правил сын Хойвана, но не Куи, а Дань. Главная же цель Чжуан-цзы — не составление хроники, а обличение непрестанных войн между царями. Единственная черта характера, интересовавшая здесь философа, — увлечение фехтованием, как порок, общий для царей. Поскольку же имя Прекрасный встречалось почти во всех царствах, начиная с XII в. до н. э., то Чжуан-цзы мог назвать именно Чжао, где такого еще не было (для одного знака — царства, нетрудно также допустить и возможность описки).

⁴²⁴ От Ласточкина Потока (Яньци) до Каменной стены (Шичэн) — название местностей в древнем царстве Янь, недале-

ко от современного Пекина. В ряде географических названий Чжуан-цзы мастерски рисует всю Поднебесную как мечту царя-гегемона, т. е. главы союза царей.

⁴²⁵ *Гора Преемства (Дайшань)... гора Вечности (Чанишань)* — две из пяти священных гор древнего Китая, восточная и северная.

⁴²⁶ Меч во время суда в древности, по-видимому, играл важную роль. Свидетельства об этом сохранились также в таких терминах, как «речи меча», «пять мечей» — синоним «пяти всех наказаний».

⁴²⁷ *Удерживают весну и лето* — комментатор говорит о задержании этих времен года, от которых зависит плодородие, что помогает расшифровать некоторые весенние (новогодние) обряды.

⁴²⁸ *Вершат дела осенью и зимой* — комментарий говорит об этих временах года как суровых, которые следует пресекать; но возможно, что «дела» здесь означают охоту и войну, для которых отводились эти сезоны.

⁴²⁹ *Все три рода светил* — первые два: солнце и луна, к «третьему» же относились звезды и планеты.

⁴³⁰ *В одежде гостя (бинь)* — свидетельства о видах одежды и их значении сохранились в одной из речей X в. до н. э.: «В одеждах дьянь являлись на жертвоприношения каждый день; в одеждах хоу — раз в месяц, в одеждах бинь — к жертвам времен года, в одеждах яо — к годовым жертвам, в одеждах хуан — к кончине вана». Во всех этих одеждах (кроме хуан) являлись близкие и далекие родичи, ибо общие жертвоприношения (ежедневные — отцу, ежемесячные — деду, времен года — родоначальникам, годовые — небу и земле) свидетельствовали о кровнородственной связи.

⁴³¹ *Рыболов* — безымянный старец, встречающийся в «Чжуан-цзы» с Конфуцием (ум. в 479 г.), отождествляется с сановником Вэнь Чжуном (скитавшимся после 473 г.), а также с Рыболовом, с которым беседовал Цюй Юань (ок. 340—278). Сопоставление

этих дат уже доказывает «точность» подобных домыслов о фольклорном старце, устами которого глаголет народная мудрость у Чжуан-цзы и Цюй Юаня.

⁴³² *Черный Полог* (Цзывэй) — роца вблизи столицы царства Лу, в которой, по преданию, Конфуций занимался со своими учениками.

⁴³³ Выступление против конфуцианской регламентации похоронных, брачных и других обрядов.

⁴³⁴ *Педант* (Хуань) — персонаж аллегорический.

⁴³⁵ *Род Одетых В Меха* (Цюши) — по комментарию, меховая одежда была принята у конфуцианцев.

⁴³⁶ Могильные деревья, по представлениям древних китайцев, могли свидетельствовать о правоте похороненного под ними человека.

⁴³⁷ *Чжу Легкомысленный* (Пинмань), *Урод Полезный* (Чжили И) — персонажи аллегорические. Перевод «чжили» как прозвища ранее основан на комментарии: «человек, у которого тело не целое».

⁴³⁸ Об атеистическом значении фрагмента говорит комментатор Сюань: «Драконов не было...».

⁴³⁹ Цао Торгаш (Шан) — персонаж аллегорический.

⁴⁴⁰ Данный фрагмент — одно из ярких выступлений Чжуан-цзы против власть имущих и тех, кто им служит.

⁴⁴¹ Под *металлом* подразумевались такие орудия пытки, как нож, пила, топор, секира; под деревом — палки и батоги, колодки ножные и ручные.

⁴⁴² *Покойный Отец Правильный* (Чжэн Каофу) — по комментарию, предок Конфуция в десятом колене. Хвала в его честь, хотя и похожая на пародию, оказалась в данном памятнике, конечно, случайно.

⁴⁴³ Яркое атеистическое выступление Чжуан-цзы против бессмертия души, которое утверждалось культом предков, с его пышной похоронной обрядностью и магическим значением могилы.

⁴⁴⁴ «*Мужи в Цзоу и Лу*»: Цзоу (родина Мэн-цзы, находилась на территории современной провинции Шаньдун) и Лу (родина Конфуция) — царства, в которых господствовало конфуцианство.

⁴⁴⁵ Перечисленные выше названия (Сяньчи, Да Чжан, Да Шао, Да Ся, Да Ху, Би Юн) в основном соответствуют названиям танцев, которым «обучал юношей» Ведающий музыкой при Весеннем начальнике. Сами произведения, за исключением «Воителя», не вошли в свод «Книги песен» и не сохранились, поэтому перевод названий — без знакомства с содержанием, лишь приблизительный. Они были синкретичными, как все древнее искусство, поэтому придавать им этическое содержание, как это делают комментарии и толковые словари, нет оснований. С помощью древнейших пластов в значении слов в этих названиях можно раскрыть заклинания (солнца, лета, воды), фиксацию раннего обычного права и одного из событий — победы чжоусцев над иньцами.

⁴⁴⁶ Вариант «реках» — более вероятен по контексту, а также по совпадению с памятником «Весна и осень Люя», цз. 13, VI.

⁴⁴⁷ «*Стерлись волоски на икрах и пушок на голених*» — это высказывание — пример полемики.

⁴⁴⁸ О последователях Мо-цзы не сложилось единого мнения: Гу Ху и Цзи Чи упоминаются лишь здесь; Дэнлин именуется также Сянлин; в «Ханьфэй-цзы» (цз. 19, V) называются три школы: Сянли, Сяньфу (или Бофу) и Дэнлина.

⁴⁴⁹ «Основу» (цзин) здесь нельзя перевести как «книгу» или «канон», ибо он тогда еще не был записан, в известный же ныне памятник «Мо-цзы» вошли и высказывания его последователей.

⁴⁵⁰ В этой формуле моистов выражались свойства вещей.

⁴⁵¹ Основные категории логики, разрабатывающиеся моистами.

⁴⁵² Так, по-видимому, выражалось соотношение единичного и всеобщего, видового и родового в логике моистов.

⁴⁵³ Сун Цзянь и Инь Вэнь считаются сторонниками школы логиков-софистов (минцзя). Их деятельность соединяется с академией в царстве Ци-Цзися.

⁴⁵⁴ По комментариям — ровная, плоская шапка, как священная Хуа-гора.

⁴⁵⁵ Пэн Мэн, Тянь Пянь, Шэнь Дао, по комментарию Чэн Сюаньина, — отшельники из Ци, деятельность которых связана с академией Цзися.

⁴⁵⁶ Ср. «Ле-цзы», гл. 1.

⁴⁵⁷ В характеристиках Шэнь Дао и Ле-цзы, возможно, есть нечто общее (ср. «Ле-цзы», гл. 2).

⁴⁵⁸ В данной речи цитируются отдельные положения из «Дао дэ цзина» (§ 28 и др.).

⁴⁵⁹ Записи речей Хой-цзы не сохранились.

⁴⁶⁰ Речь идет, видимо, о мельчайших семенах. «Небо... низкое, горы... ровные» — взятые в сумме с «землей», с «болотами»; «Солнце в зените... в закате» — в зависимости от места, занимаемого наблюдателем; «Рождение вещи... ее смерть» — каждая новая форма материи является рождением и смертью ее предшествующей формы; «Направился сегодня... а пришел... вчера» — мысль предшествовала действию; «Соединенные кольца можно разнять» — мысленно; «Я знаю, где центр Поднебесной...» — за центр можно принять любой пункт: и к северу от северного царства Янь, и к югу от южного царства Юэ; «Тот, кто любовью охватывает всю тьму вещей, составляет единое целое с природой» — для такого небо с землей не слишком велики, собственное «я» не слишком мало.

⁴⁶¹ «Такими изречениями...» — из цитат в «Чжуан-цзы» видно, что Творящий Благо, в общем, разделял материалистическое понимание природы и сближался с даосской школой в своем интересе к объективному миру, к диалектике. Однако уже диалог «Ра-

дость рыбы» показывал, что Творящий Благо приходил к релятивистским выводам, доводил диалектику до абсурда.

⁴⁶² «Подобных софизмов» — в «Чжуан-цзы» критиковался Творящий Благо, а особенно его последователи софисты за игру в понятия, за субъективное их толкование. К этим софизмам комментаторы дают следующие пояснения: «В яйце есть перья — иначе их не было бы и у птицы; Третья нога у курицы — способность или желание ходить; Город Ин — столица Чу, здесь намек на самовозвеличивание чусского царя; Названия «пес» и «баран» даны людьми, поэтому могли бы поменяться местами; Яйцом у лошади можно назвать утробу, в которой вынашивается жеребенок; Хвост у лягушки (т. е. головастика) пропадает с первым ударом грома и сразу появляются лапки; «Огонь не горячий», ибо люди едят приготовленную на огне пищу; Рот у горы — ущелье, передающее эхо; Если бы колесо давило на землю, то не могло бы вращаться; «Глаза не видят», иначе они видели бы самих себя; «Вещи неисчерпаемы»; комментаторы видят здесь описку; «Черепаша длиннее змеи» — здесь обыгрывается относительность пространства; «Наугольник...» — по Сюаню, существуют квадраты и без наугольника, круги и без циркуля; по Сыма: сам наугольник не квадратный, сам циркуль не круглый; «Паз не окружает...», по Сюаню: «Клин сам входит в паз»; «Тень летящей птицы не движется» — она изменяется; Движение и покой стрелы зависят от человека; «Кобель не пес» — здесь обыгрываются сущность и название: если название различно, значит, и сущность различна; «Гнедой конь», «вороной бык» — отличий в цветах два, третье отличие — в телесной форме; «Белый пес черен» — цвета белый и черный обозначены человеком, поэтому белое могло стать черным; «У жеребенка-сироты никогда не было матери» — понятие «сирота» снимает понятие «мать»; «Если ежедневно делить пополам палку...» — если предмет поддается делению, то деление его на два возможно до бесконечности.

⁴⁶³ Хуань Туань относится к логикам-софистам.

Чжуан-цзы

⁴⁶⁴ Высшим благом сам Творящий Благо считал объяснение народу естественных законов, отмечает комментатор Чэн Сюаньин после ответа философа на вопрос о причинах возникновения ветра, дождя, грома и других явлений природы. В этом Творящий Благо, видимо, был близок к древним софистам Греции — учителям «мудрости», которые стояли на стороне рабовладельческой демократии и ставили своей задачей широкое распространение знаний и обучение красноречию.

⁴⁶⁵ «Чудак... Хуан Связанный» (Ляо) — персонаж аллегорический.

Оглавление

Вадим Татаринов. От издательства	5
--	---

Книга Чжуанцзы.

<i>Перевод с китайского Л. Д. Позднеевой</i>	<i>7</i>
Странствия в беспредельном	9
О равенстве вещей	17
Главное для долголетия	33
Среди людей	37
Знак полноты свойств	52
Основной учитель	62
Достойный быть предком и царем	79
Перепонки между пальцами ног	86
У коня копыта	92
Взламывают сундуки	96
Предоставить каждого самому себе	103
Небо и земля	116
Путь природы	134
Вращается ли небо?	147
Полные суровых дум	161
Исправляющие характер	166
С осенними разливами	171
Высшее счастье	186
Понимающий Сущность Жизни	194
Дерево на горе	208
Тянь Постоянный	220
Знание странствовало на Севере	233

Чжуан-цзы

Гэнсан Чу	248
Сюй Отрицающий Душу	261
Подражающий свету	280
Вещи вне нас	294
Притчи	304
Передача поднебесной	310
Разбойник Чжи	326
Отучил фехтовать	343
Рыболов	349
Ле Защита Разбойников	358
Как управлять Поднебесной	368
<i>Л. Д. Позднеева. Комментарии</i>	383